

ДНЕВНИКЪ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

1852—1853 *).

---

*) Примѣчанія въ выноскахъ, отмѣченныхъ цифрами, сдѣланы мною. *Мих. Чернышевскій.*

ПЕРВЫЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

1885 - 1883

ДНЕВНИКЪ ВЪ САРАТОВѢ.

25 ноября 1852 г., 8¹/₂ час. послѣ чаю, передь ужиномъ. — Голова, показалось мнѣ, что тяжела, поэтому, отъ нечего дѣлать, сталъ перебирать бумаги и на-шелъ дневникъ передь отъѣздомъ изъ Петербурга и задумалъ продолжать.

И продолженіе начинаю въ обстоятельствахъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, при какихъ началъ—тогда молоденькая дамочка и теперь Катерина Николаевна.

Итакъ, начинаю со вчерашняго дня, чтобы не дать изгладиться свѣжимъ впечатлѣніямъ, потомъ переберу и другія стороны своей Саратовской жизни.

Съ августа или сентября прошлаго года, давая уроки у Кобылина ¹⁾ его сыну, я не бывалъ въ ихъ семействѣ и не поздравлялъ его на именины оттого, что не хотѣлъ еще бывать въ Саратовскомъ обществѣ. Наконецъ, вскорѣ послѣ Пасхи (нѣтъ, не оттого собственно я не бывалъ, а оттого, что не смѣлъ показаться, не зная, какъ меня примутъ; но вмѣстѣ и нежеланіе являться въ обществѣ было тутъ) было у нихъ какое то торжество, должно быть день рожденія Николая Михайловича ²⁾ и меня пригласили. У меня не совсѣмъ прошелъ флюсъ; все таки я собрался, съ большими хлопотами, взошелъ въ залу; тамъ сидѣли Михайловскіе ³⁾ и Млн ⁴⁾ стоялъ у рояли, на которой игралъ Михайловскій. Я по обыкновенію не зналъ, что дѣлать, но подошла сама Анжелика Алексѣевна ⁵⁾ и сказала, чтобы я шелъ въ залу, и тамъ я сидѣлъ неподвижно; впрочемъ, Николай Михайловичъ удостоилъ меня чести, что сѣлъ вмѣстѣ со мною и рассказывалъ свои анекдоты, обращаясь ко мнѣ, что я, конечно, весьма цѣнилъ, но былъ, по обыкновенію, скромнѣе, какъ баранъ. Обѣдалъ—это все еще ничего; послѣ обѣда, благодаря Сер. Гаврил. ⁶⁾, который былъ тутъ . . . . ⁷⁾, я вступилъ въ разговоръ: не знаю, что то она спросила меня и я долженъ былъ отвѣчать и удостоился такимъ образомъ чести въ первый разъ сказать нѣсколько словъ съ Катериною Николаевною ⁸⁾. Это было въ залѣ у второго окна отъ рояли. Потомъ сѣли играть въ вистъ—она, Сер. Гавр. я и Михайловскій, и я помню,

¹⁾ Въ подлинникѣ поставлено слово, написанное арабскими буквами. По смыслу текста на этомъ мѣстѣ должна быть фамилія Кобылина.

²⁾ Николай Михайловичъ Кобылинъ, тогдашній предсѣдатель Саратовской Казенной Палаты.

³⁾ Фамилію эту ставлю на догадкѣ. Въ подлинникѣ стоитъ *Млс*.

⁴⁾ Фамилію не могъ разобрать.

⁵⁾ Кобылина, жена Николая Михайловича.

⁶⁾ Не могу съ точностью сказать: *Сергію Гавриловичу* (Шапошникову) или *Серафимъ Гавриловичъ*—начальныя буквы подходятъ къ обоимъ случаямъ.

⁷⁾ Три слова неразборчивы.

⁸⁾ Дочь Кобылина, молоденькая барышня 15—16 лѣтъ.

какъ дорого мнѣ было это удовольствіе, потому что она съ перваго разу мнѣ понравилась, да и то, что они первыя лица въ Саратовѣ по своему положенію въ обществѣ, имѣло тутъ свое дѣйствіе. Такъ это продолжалось до 10 часовъ и, помню, что первый разговоръ былъ о Святогорцѣ и Муравьевѣ, о которомъ я сказалъ, что онъ можетъ въ 3 минуты положить 97 земныхъ поклоновъ и что на этотъ фокусъ собираются смотрѣть по билетамъ. Я помню, какъ я считалъ себя тогда обязаннымъ Сер. Гавр. за то, что черезъ него получилъ я честь сидѣть подлѣ Катерины Николаевны и играть съ нею въ карты. Я помню, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы Катерина Николаевна всегда выигрывала и какъ я старался выиграть, когда игралъ съ нею, и проигрывать, когда игралъ противъ нея. И я помню, что она всегда выигрывала и мнѣ, можетъ быть, сказала нѣсколько словъ, можетъ быть какъ нибудь иначе, но оказала (какъ и всеѣмъ, конечно) вниманіе, и въ какой я былъ радости отъ этого. И послѣ этого я дня три только и видѣлъ ее передъ глазами. Но это была пока глупость, болѣе ничего, потому что тогда я еще не зналъ ее; это было просто дѣйствіе того, что еще въ первый разъ я былъ въ обществѣ миленькихъ .....⁹⁾ (потому что Серафима Гавриловна, конечно, не очень хороша собою). Когда собрались ѣхать, Михайловскій попросилъ меня взять его и поѣхать по соборной площади, чтобы отыскать извозчиковъ, потому что была страшная грязь въ полномъ разгарѣ и, не найдя, я отвезъ его на Московскую улицу, гдѣ ему попался извозчикъ.

Итакъ, послѣ этого я былъ подлѣ сильнымъ (тогда, впрочемъ, еще глупымъ) вліяніемъ Катерины Николаевны.

И я нѣсколько времени бредилъ ею (только не придавайте этому слову ужъ слишкомъ важнаго значенія). И я съ нетерпѣніемъ ждалъ 9 мая, думая, что снова будетъ то же.

И я надѣлъ мундиръ, поѣхалъ поздравлять Николая Михайловича и взялъ долгушу¹⁰⁾. Но увъ! Меня не пригласили къ обѣду, какъ я надѣялся; потому, должно быть, что никого не приглашали. Это меня огорчило. Разрушило мои надежды на то, что увижу снова вблизи ее.

И послѣ этого мѣсяца 2—3 я не видѣлъ ее.

И помню, какую радость доставилъ мнѣ слѣдующій случай:

Я бралъ для Николая Ивановича¹¹⁾ *Revue des deux mondes*. Hans Jacob¹²⁾ (это было, должно быть, скоро послѣ Пасхи, потому что была страшная грязь), встрѣтись со мною на улицѣ, просилъ меня доставить ему нынѣ же одну изъ взятыхъ мною книжекъ. И вотъ я самъ явлюсь съ ней, и вотъ я посижу у нихъ вечеръ, и вотъ, можетъ быть, я буду бывать у нихъ. И я потащился за нею къ Николаю Ивановичу и съ біеніемъ сердца подвѣзжалъ къ ихъ дому. Но, увъ! Они мнѣ встрѣтились на крыльцѣ—они выходили, чтобы ѣхать гулять и велѣдъ за ними шель Александръ¹³⁾. И я помню, она мнѣ сказала: „Вы къ Сашѣ? Онъ идетъ за нами“. И потащился я съ грустными мечтами снова домой.

⁹⁾ Одно слово неразборчиво.

¹⁰⁾ Мѣстное названіе экипажа.

¹¹⁾ Костомарова.

¹²⁾ Hans Jacob—Иванъ Яковлевичъ? Не знаю, кто подразумѣвается подъ этимъ именемъ. По смыслу текста—какъ будто Кобылинъ.

¹³⁾ Сынъ Кобылина, которому тогда отецъ мой давалъ уроки.

Но когда же это было? Не знаю. Только послѣ перваго раза, какъ я у нихъ былъ, и была еще грязь.

Но вотъ начинается и мое знакомство съ ними.

Да, помню еще, какъ я былъ разъ обрадованъ, когда, идя отъ нихъ, встрѣтился съ Николаемъ Михайловичемъ между бульваромъ и ихъ домомъ, — радовался случаю поклониться ея отцу.

Но вотъ начинается и мое знакомство.

И помню, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ, чтобы они переѣхали на дачу, надѣясь, что буду ѣздить туда давать уроки и что, слѣдовательно, нельзя, чтобы меня не оставляли тамъ.

Анжелика Алексѣевна уже раньше разъ говорила мнѣ, что я у нихъ никогда не обѣдаю—это разъ когда она вышла къ намъ внизъ, чтобы взять Александра съ собою и попросила меня кончить урокъ.

Но, увь! Александръ пріѣзжаетъ брать уроки въ городъ.

Снова разрушились надежды.

Но, наконецъ, когда разъ онѣ поѣхали въ городъ, въ то время, когда у насъ былъ урокъ, Анжелика Алексѣевна вошла въ кабинетъ, гдѣ мы сидѣли, и сказала мнѣ, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ на дачу, сказала опредѣленно. Что у нихъ фейерверки и чтобы я пріѣзжалъ въ воскресенье.

И, наконецъ, я рѣшился.

И вотъ—Господи, сколько сборовъ!—И, наконецъ, я умытый, одѣтый и т. д. и т. д.—въ этихъ сборахъ прошелъ часъ—какъ и часто проходилъ, — и теперь проходить $\frac{1}{2}$ часа.

Голова прошла совершенно и я принимаюсь за свою работу. Теперь 9 час.

1853 года, января 9, въ 10 $\frac{1}{2}$ час. утра. Продолжаю. Не пошелъ въ гимназію, чтобы обдумать и начертить устройство клапана, который заказывать долженъ я былъ ѣхать съ Николаемъ Ивановичемъ¹⁴⁾ въ половинѣ втораго. Но соображая, убѣдился окончательно, что машина не пойдетъ при такомъ устройствѣ (колесо съ чечевицеобразными . . . . .¹⁵⁾), потому что давленіе воды на выходящую массу будетъ болѣе, чѣмъ вся сила колеса. Это меня такъ озадачило, что я рѣшился бросить все это (пока; можетъ быть послѣ снова примусь, когда будутъ средства); если дѣлать опытъ, то въ самомъ только простомъ видѣ—простое колесо, которому и не будетъ мѣшать давленіе воды, и рѣшился уничтожить всѣ слѣды своихъ глупостей, поэтому изорвалъ письмо въ Академію Наукъ, ту рукопись, которую нѣкогда отправлялъ Ленцу и которая все хранилась у меня, наконецъ, всѣ чертежи и расчеты, относящіеся къ моимъ послѣднимъ похождениямъ у Николая Ивановича и теперь сажусь продолжать.

Прежде всего описываю два послѣднихъ случая.

I. 6 генваря, что было на ея день рожденія. Я рѣшился въ этотъ день высказать ей свою любовь и какія тутъ мысли вертѣлись у меня въ головѣ. Она весьма хороша, но не образована. Я предложу ей давать уроки; конечно, безъ платы. И я буду имѣть потомъ удовольствіе думать, что она обязана мнѣ кое чѣмъ все-таки. Я скажу ей: Вамъ приходитъ время любить—можетъ быть вы въ опасности выбрать недостойнаго—выберите же меня, потому что я люблю васъ

¹⁴⁾ Костомаровымъ.

¹⁵⁾ Слово неразборчиво.

искренно и эта любовь во всякомъ случаѣ не будетъ для васъ опасна. Все было обдуманно. Хорошо. Конечно, меня оставили обѣдать. Подали закуску. Она отошла и сѣла у окна, которое у дверей изъ маленькой комнаты. Я подошелъ съ намѣреніемъ просить ее на кадрили, но не рѣшился бы, можетъ быть; она сама сказала: „Николай Гавриловичъ, скажите что нибудь“. — „Я собирался просить васъ на кадрили“. — „Такъ рано?“ — „Послѣ не успѣешь“. — „Извольте, четвертую, потому что три первыя я уже обѣдала“. — „Еще?“ — „Можетъ быть и четвертую не будутъ танцовать“. — Послѣ обѣда я оставался тамъ, была и Серафима Шапошникова и было весьма скучно, потому что я не могъ придумать, чтобы сказать, и, наконецъ, она стала учить танцовать маленькую дѣвочку, которая иногда бывала у нихъ. Наконецъ, явились и гости; наконецъ, вотъ и гости (двое Юрасовыхъ, Свѣчина, Стефани). Иванъ Ивановичъ¹⁶⁾ хотѣлъ ѣхать въ театръ я, главнымъ образомъ, его удерживалъ. Первую кадрили я танцевалъ съ Оленькою, которая продолжала сердиться и не говорила ни слова, вторую я игралъ, третью танцевалъ съ Шапошниковою и защищалъ Юрасову, которая поругалась съ Иваномъ Ивановичемъ: Наконецъ, вотъ и четвертая кадрили. Я подхожу, она говоритъ: „Я думала, что вы забудете“ (кокетство это было, или нѣтъ?). Я старался сѣсть вдаль, чтобы сидѣть однимъ и чтобы некому было подслушивать. И вотъ во время первой фигуры я началъ: „Катерина Николаевна, прежде всего, я долженъ сказать, что я говорю серьезно и совершенно искренно. Для меня чрезвычайно трудно сказать то, что я рѣшился, наконецъ, сказать. Но я все-таки скажу... Никогда я не забуду того разстоянія, какое есть между вами и мною...“ — „Съ кѣмъ вы танцуете слѣдующую кадрили? Танцуйте съ Софьей Юрасовой, полюбезничайте съ нею (это было сказано такимъ голосомъ, какимъ обыкновенно отклоняется разговоръ, который не хотятъ продолжать). Я не люблю говорить того, что не думаю. Только смотрите, не задѣвайте ее, она вамъ наговоритъ дерзостей“ и т. д. Откуда взялись слова, такъ что во все время 2 и 3 фигуры она мнѣ не дала сказать ни слова, все говорила сама. Во время 4 фигуры вошелъ свинья Шомполовъ и подошелъ къ ея столу, у котораго стоялъ и во время 5 фигуры, подошелъ Алекс. Никол. къ Шомполову, и у нихъ продолжался разговоръ, во время котораго я не могъ поймать ни минуты, чтобы сказать ей, что я буду продолжать. По окончаніи 6 фигуры она сказала: „Благодарю; шена мы не будемъ танцовать“, и отошла налѣво къ какимъ то дамамъ, которыя тутъ сидѣли. Но шенъ былъ и мы, конечно, сдѣлали его съ ней. Послѣ этого она въ продолженіи вечера нисколько не измѣнила своего обращенія со мною, — также сажала меня за кадрили, также говорила, не съумѣю ли я сыграть польки.

Что это такое значить? Поняла она, что я хотѣлъ сказать, или нѣтъ? Конечно, поняла, иначе не прекратила бы разговора, не отошла бы послѣ шестой фигуры въ сторону, хотя всегда танцуютъ у нихъ шенъ. Итакъ, поняла. Прекратила, значить — не хотѣла дослушать. Также нецеремонна въ своемъ обращеніи — значить, не конфузится. Что же, наконецъ, это такое?

Нынѣ или въ воскресенье буду у нихъ и буду искать случая переговорить съ ней объ этомъ.

II. Вчера, въ четвергъ, въ собраніи. Былъ назначенъ концертъ любителей.

¹⁶⁾ Не знаю, къ кому относится это имя.

Играли увертюру изъ Фрейшица и Вильгельма Телля. Для послѣдней рѣшился я быть тамъ. Отправился вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, котораго я уговорилъ. Итакъ, мнѣ нельзя было оставаться на балѣ, который былъ послѣ концерта. И вотъ ждалъ ихъ и дождался. Она и мать сидѣли на правой сторонѣ въ 1 ряду, и я взобрался на подмостки для оркестра, чтобы видѣть ихъ. Она нѣсколько разъ, кажется мнѣ, взглядывала на меня. Я болѣе всего смотрѣлъ на нее и любовался по обыкновению (хотѣлось прибавить для очищенія себя отъ насмѣшекъ за неудачный выборъ — и старался критически разсмотрѣть вопросъ, хороша ли она или нѣтъ; вчера показалась хороша и въ профиль). Когда она взглядывала, я переводилъ глаза, не торопясь, впрочемъ на другихъ. И у меня было чувство: останутся ли они на балѣ? И если останутся... Со мною, вѣрно, она не будетъ танцевать, да и я не посмѣю просить ее на кадрили. И у меня было что то въ родѣ полузависти, полуревности, что я не буду съ ней, а будутъ другіе.

Вильгельмъ Телль приводитъ меня въ восторженное состояніе, и когда мы послѣ поѣхали къ Николаю Ивановичу и говорили за шахматами о немъ, у меня выступили слезы отъ волненія. И я чувствовалъ и во время музыки и послѣ, что въ случаѣ и я оставлю свою вялость, нерѣшительность.

Иду покурю, и снова писать.

Итакъ продолжаю прежнее.

Вотъ я, наконецъ, на дачѣ (хлопоты съ билетомъ и какъ мнѣ не хотѣлось терять денегъ). Они сидѣли уже въ 1 ряду на правой скамьѣ. Я не посмѣлъ подойти къ нимъ¹⁷⁾.

Вѣрно вечеромъ буду у нихъ. Нѣтъ, потому что не могу дѣлать ничего, разстроенный разговоромъ о томъ, что слѣдуетъ еще дать денегъ А. И. М. для Николая Дмитриевича¹⁸⁾, чтобы получилъ онъ мѣсто. Маменька не хочетъ¹⁹⁾.

---

¹⁷⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

¹⁸⁾ Пылина.

¹⁹⁾ Далѣе эта часть дневника прерывается и изъ имѣющихся матеріаловъ не видно, было ли вообще продолженіе этой части дневника.

ДНЕВНИКЪ МОИХЪ ОТНОШЕНІЙ

СЪ ТОЮ,

КОТОРАЯ ТЕПЕРЬ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ МОЕЮ ЖЕНОЮ.

Тетрадь 2-ая ²⁰⁾.

O zarte Sehnsucht, suesses Hoffen,
Der ersten Liebe goldne Zeit!
Das Auge sieht den Himmel offen,
Es schwelgt das Herz in Seligkeit!
O, dass sie ewig gruenen bliebe,
Die schoene Zeit der ersten Liebe! ²¹⁾

Und sie wird ewig gruenen bleiben
Die schoene Zeit meiner
ersten Liebe

(Писано 17 Марта
послѣ окончанія 41, А)

Leben meinem Leben
giebt sie allein.

---

²⁰⁾ Тетрадь 1-ая, къ сожалѣнію, не сохранилась. Обложка этой тетради написана позже начала самого дневника, какъ это видно изъ имѣющейся на ней помѣтки—„Писано 17 Марта, послѣ окончанія 41, А“, т. е. послѣ примѣчанія А, сдѣланнаго на 41 страницѣ дневника.

²¹⁾ Schiller, Die Glocke.

ВВЕДЕНИЕ

С. П. П.

ЭТОТ ТРУД ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ МОЕЮ РАБОТОЮ

Вопрос 2-ой

Вопрос 2-ой
Вопрос 2-ой
Вопрос 2-ой
Вопрос 2-ой
Вопрос 2-ой

Вопрос 2-ой
Вопрос 2-ой
Вопрос 2-ой

Вопрос 2-ой

Вопрос 2-ой
Вопрос 2-ой

Продолженіе описанія 28 февраля.

Теперь 1 марта 10 часовъ вечера.

... Итакъ я беру за руки его, поворачиваю спиною къ себѣ, оттѣсняю его, бѣгомъ въ переднюю, затворяю дверь, гляжу отъ времени до времени въ щелку, что дѣлаетъ онъ—братъ ужъ вышелъ; когда онъ затворилъ за собою дверь на крыльцо, я выбѣгаю, жму ему нѣсколько разъ руку, хохочу, прошу извиненія въ своей шуткѣ—онъ, конечно, не оскорбился ею. А между тѣмъ послѣ говорить, — когда я сталъ вытѣснять его, раздался всеобщій хохотъ; она, когда я вышелъ въ переднюю, бѣжитъ къ дверямъ, чтобы проститься еще разъ съ нимъ—конечно, шутя—Вороновъ становится у дверей въ переднюю, затворяетъ ихъ, снова не пускаетъ. Палимссестовъ и Пригоровскій хотѣли оттащить Воронова и отворили для нея двери, онъ легко ихъ отталкиваетъ²²⁾. Дѣло кончается всеобщимъ смѣхомъ и похвалами моей удали. Но и тутъ нѣсколько разъ раньше я спрашивалъ у нея, не переходитъ ли моя шутливость за границы. Она говоритъ, ничего. Я продолжаю. Черезъ нѣсколько времени она спрашиваетъ воды. Нѣтъ, еще это. Я беру мѣлъ, который лежитъ на столѣ для карточной игры, подхожу къ Пригоровскому ставлю ему на спинѣ крестъ, потомъ у Палимссестова, потомъ у Воронова; у меня вырываютъ мѣлъ, ставятъ мнѣ на спинѣ крестъ—это знакъ поклонниковъ Ольги Сократовны²³⁾, страдающихъ по ней. Я протестую противъ этого, говорю, что это было раньше, но не теперь, подхожу къ Воронову отцу и ему ставлю крестъ, потому что ему случилось предъ этимъ случайно пойти изъ залы въ гостиную рядомъ съ О. С., и начинается всеобщее ставленіе крестовъ, и весь мой фракъ сзади покрытъ крестами. Наконецъ, я начинаю, когда немного утихло, ставить девизы, и у Палимссестова, когда это могла видѣть только Елена Васильевна Акимова, ставлю на отворотахъ сюртука—на одномъ Е., на другомъ А и тотчасъ же стираю этотъ девизъ. Маленькая Воронова шалить также, особенно со мной; я пишу на полу Н. В. и Н. Ч. (Наталья Воронова и Николай Чернышевскій). Вороновъ, тотчасъ послѣ Н. Ч. ставитъ: страдаетъ по О. С. В.; я приписываю: страдалъ, но болѣе будутъ страдать они. Всеобщій смѣхъ. Наконецъ, я пишу крупнымъ шрифтомъ во всю доску: ИЗМѢНИЦА. О. С. кричить—кто же? и пишетъ: измѣнникъ. Общій шумъ, хохотъ, веселье. Дѣло кончается тѣмъ, что кричатъ: должно сказать объ этомъ Василію Акимовичу. Онъ заставитъ васъ мыть полы. И мы, въ самомъ, вымыли ихъ, только не такъ, какъ обыкновенно. Едва утихъ этотъ шумъ и разсѣлись всѣ по мѣстамъ, О. С. спра-

²²⁾ Эпизодъ, остающійся непонятнымъ вслѣдствіе несохранившихся предыдущихъ страницъ первой тетради дневника.

²³⁾ Ольга Сократовна Васильева, впоследствии—Чернышевская. Дочь саратовскаго доктора Сократа Евгеньевича Васильева. Далѣе въ дневникѣ вездѣ вмѣсто полнаго имени выставлены инициалы О. С., которые сохраняю и здѣсь.

шиваетъ воды. Пригаровскій и Палимссестовъ бросаются принести. Пригаровскій успѣваетъ раньше убѣжать въ спальную за водой. Палимссестовъ становится у дверей изъ залы въ гостиную, притворяя ихъ, повтореніе моея продѣлки. Какъ Пригаровскій подходитъ, хочетъ вырвать у него стаканъ. Пригаровскій не даетъ, вода плещется, остальное, около $\frac{1}{3}$ доли пролито въ той половинѣ зала, которая къ гостиной. Пригаровскій торжествуя, удерживая стаканъ, несетъ его О. С., но я сижу на дорогѣ, подталкиваю ловко стаканъ подо дно, онъ летитъ, не разбивается, вода разливается повсюду, попадаетъ на платье невѣсты²⁴⁾. Я вижу, что зашутился слишкомъ, извиняюсь. О. С. меня бранить, я ухожу въ гостиную, сажусь подлѣ играющихъ въ карты. притворяюсь смиренникомъ. Но оказывается, что платье ничего не потерпѣло. Я черезъ извѣстное время снова выхожу въ залу, сажусь съ самаго края у окна. Наташа Воронова²⁵⁾, съ которою я много шалилъ, подходитъ ко мнѣ, говорить, „что вы стали такъ смиренъ?“ — „А вамъ хочется, чтобы я не былъ смиренникомъ, хорошо!“ — я схватываю ее, она вырывается, я таки успѣваю схватить ее за талію и сажая къ себѣ на колѣни. Общій хохотъ. Подбѣгаетъ братъ: дуэль—готовъ—просите секундантовъ. Пригаровскій, котораго я прошу, отказывается, потому что сидитъ подлѣ О. С. ...²⁶⁾ безъ секундантовъ, а мнѣ именно хотѣлось сманить Мг. Пригаровскаго съ его мѣста. „Дуэль, дуэль!“ — „Нѣтъ не могу“. Мнѣ предлагають двѣ палки на выборъ, вмѣсто шпагъ. Подходитъ Василій Акимовичъ.—О. С. кричитъ: „приколотить ихъ лучше, вмѣсто дуэли“. Вороновъ убѣгаетъ; я остаюсь и говорю потихонько Василю Акимовичу: „ударьте меня палкою“. Онъ бьетъ. О. С. говорить: „Вы, сударь, слишкомъ дерзки. Я ревную васъ. Какъ вы смѣете дѣлать при мнѣ подобныя вещи“. — „А, такъ вы гнѣваетесь на меня—хорошо же! Я выхожу на морозъ. Или схвачу горячку, или дождусь вашего прощенія“. Ухожу въ комнату бабушки. Тамъ сижу минутъ 10. Наконецъ, Пригаровскій приходитъ—самъ за мною и уводитъ меня, говоря, что ему должно сказать мнѣ о Городецкомъ, который поручилъ мнѣ кланяться. Мы начинаемъ ходить по залѣ, я не подхожу къ О. С., вѣдь я подъ ея гнѣвомъ. Палимссестовъ говорить: стань предъ нею на колѣни, проси прощенія. Я подхожу.— „Это отъ вашего имени передано мнѣ приказаніе?“ — „Отъ ея, отъ ея, я свидѣтель“, говорить Елена Васильевна. Я становлюсь на колѣна передъ О. С. и повторяю какіе-то 2 стиха, о прощеніи, которые диктуетъ мнѣ Палимссестовъ.— Встаньте встаньте, говорить О. С. „Вашу руку поцаловать въ знакъ прощенія“. Она прячетъ руки. Я не встаю. Наконецъ, она вполовину сама даетъ руку, вполовину Ел. Вас. подноситъ ее къ моимъ губамъ, я самъ беру ее, цалую, встаю, и говорю, наклоняясь на ухо О. С., которая сидитъ крайняя къ углу передней: „О. С., это не одна шутка въ самомъ дѣлѣ, я буду всегда дѣлать такъ“. Собираются кататься. Мы уходимъ съ Пал. и Пригар., они заходятъ ко мнѣ. По возвращеніи къ Ак. на чай начинается серьезный разговоръ съ О. С. Но ложусь спать. До завтра. Но теперь напишу: у меня на глазахъ слезы отъ радости о моемъ счастьи; не отъ горя плачу, съ радости.

²⁴⁾ Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Акимовыхъ (дальніе родственники Пыпинныхъ). Хозяинъ дома—Василій Акимовичъ. Невѣста—это дочь его, Елена Васильевна, выходящая замужъ за Сахарова. Другая дочь, Елизавета Васильевна, была уже замужемъ за Бусловскимъ.

²⁵⁾ Младшая, лѣтъ пятнадцать, изъ Вороновыхъ, семейство которыхъ было близко съ Чернышевскими и Пыпинми.

²⁶⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

О, милая моя, о самое свѣтлое, самое благословенное явленіе моей жизни! о да будешь ты счастлива, какъ ты того стоишь!

O Maedchen, Maedchen,
Wie lieb'ich Dich!
Wie blickt dein Auge!

и, о если бъ я могъ прибавить:

Wie liebst du mich!..
Wie ich Dich liebe
Mit warmen Blut
Die Du mir Jugend
Und Freud und Muth
Zu neuem Gluecke
Und Thaten giebst!
Sei ewig gluecklich!

О, еслибъ я могъ прибавить:

Wie Du mich liebst! ²⁷⁾

Но любишь ли ты меня или еще не любишь, ты полюбишь меня, полюбишь! Полюбишь! Ты слишкомъ благодарна ²⁸⁾, слишкомъ проникательна, чтобы не оцѣнить моей привязанности къ тебѣ, моей полной преданности тебѣ.

Продолжаю 3 марта, 5³/₄ утра.

Меня пригласили къ Акимовымъ возвратиться пить чай. Начинаются танцы. Да—О. С-вну спрашиваютъ, почему она не заставляеть меня полькировать. „Я не думаю, чтобы онъ могъ ловко полькировать, а я не хочу, чтобы онъ былъ смѣшонъ“. Она танцуетъ со мною первую кадрили. Послѣ каждой кадрили я снова сажусь подлѣ нея. Наташа Воронова постоянно подбѣгаетъ подслушивать насъ, садится подлѣ меня и протягиваетъ голову, становится подлѣ нея и подслушиваетъ и хохочетъ. Мы прогоняемъ ее. Я говорю, что если она не отстанеть, я сдѣлаю дерзость хуже прежней.—Какую же?—Какая придетъ въ голову, но сдѣлаю.—О, какой вы удалецъ! говорить О. С. Вы и такъ ужъ много надѣлали глупостей. Да я могу и дѣлать глупости и быть дерзкимъ, въ особенности теперь. Итакъ намъ безпрестанно мѣшаютъ.

— О. С., гдѣ я могу съ вами видѣться? Весною вы, конечно, будете гулять, но пока гдѣ? Могу ли я бывать изрѣдка у васъ?— Можете.— Напримѣръ, когда теперь?— На второй недѣлѣ.— Нельзя ли раньше? Вы судья въ этомъ дѣлѣ, но я просилъ бы васъ позволить раньше, если можно.— Хорошо, такъ и быть, можете въ воскресенье. (Итакъ, я цѣлую недѣлю не буду видѣть ее. А я ужъ и теперь, черезъ 1¹/₂ сутокъ, стосковался по ней). Могу ли я бывать у Патрикѣевыхъ, Ольга Андреевна приглашала меня?— Можете.— Т. е. могу ли я тамъ видѣться съ вами? Вы тамъ вѣдь часто бываете?— Часто; каждое воскресенье ужъ непременно.— Итакъ я отправлюсь въ слѣдующее воскресенье. Завтра, кажется, будетъ неловко.

— Мнѣ ужасно хотѣлось привезти сюда маменьку, чтобы она видѣла васъ. Конечно, я ничего бы не сказалъ ей.— А если она увидитъ, какъ я шалю, скажетъ:

²⁷⁾ Goethe, Mailed.

²⁸⁾ Очевидная описка, вмѣсто благородна.

какая кокетка. Если я не понравлюсь ей?—Нѣтъ, понравитесь, потому что она, (хотя, разумѣется, въ ней старья понятія о вещахъ) слишкомъ умна, чтобы не понять васъ. Маменька моя въ сущности весьма добра и будетъ любить васъ больше, чѣмъ меня; это потому, что она постоянно говоритъ, что такъ будетъ и что ея понятія таковы, что свекровь должна брать сторону невѣстки противъ сына, что положеніе жены вообще бываетъ не довольно хорошо. Это вѣрно въ нашей крови.— О. С., я совершенно завишу отъ васъ. Я знаю, что это значительно будетъ стѣснять васъ, не въ отношеніи ко мнѣ, потому что я не принимаю относительно себя никакихъ обязательствъ, сердцемъ нельзя распорядиться впередъ. Но вы вѣрно не имѣете такихъ понятій, потому это стѣснило бы васъ; но какъ бы то ни было, я бы хотѣлъ теперь сдѣлать такъ: передъ отъѣздомъ своимъ изъ Саратова сказать своимъ—папенькѣ и маменькѣ—о моемъ намѣреніи сдѣлать предложеніе. Потомъ просить согласія у Сократа Евгеньича. Что жъ? Объ этомъ никто, кромѣ него, не будетъ знать. Итакъ, по вашему мнѣнію я долженъ такъ поступить?— „Какъ хотите“.—Нѣтъ, относительно тѣхъ вещей, гдѣ я хочу поступать, какъ мнѣ хочется, я не спрашиваю ничего совѣта. Это, напримѣръ, относительно образа мыслей и относительно моихъ поступковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Но когда я спрашиваю совѣта, я хочу, чтобы получилъ приказаніе²⁹⁾. Такъ я могу такъ сдѣлать?— „Можете“.—Начинаетъ она: „А если ваши родные будутъ не согласны?“—Я не думаю. Но если бъ и такъ было, я весьма послушливъ, я напоследокъ безусловно повиновался родителямъ, но въ этомъ случаѣ ихъ несогласіе не удержитъ меня. Я могу дѣйствовать самостоятельно, когда того требуютъ обстоятельства. „А если мой папенька не согласится?“ Я помолчалъ. (Что это такое? Въ самомъ дѣлѣ она думаетъ: а если онъ не согласится, или это было только выраженіемъ ея мысли: у меня есть средство отдѣлаться отъ тебя, если будетъ нужно. Я ставлю папеньку отказать тебѣ. Нѣтъ, послѣдняго я не думаю. Она слишкомъ благородна и искренна, чтобы поступить такъ и чтобы думать подобнымъ образомъ). „А если за мною не будетъ много денегъ?“—Я и такъ не ожидаю, чтобы могло быть много. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ничего не было. Сейчасъ я скажу, повидимому, совершенно противное: конечно, чѣмъ больше будетъ у васъ денегъ, тѣмъ лучше, но для васъ, а не для меня. Ваши деньги будутъ, конечно, принадлежать вамъ. Я не буду никогда считать ихъ принадлежащими намъ вмѣстѣ. И если бы когда нибудь вамъ—вамъ—вздумалось употребить сколько нибудь изъ нихъ на наши общія потребности, я согласился бы на это не иначе, какъ на принятіе займы. И вы не настаивайте, не дѣйствуйте въ такомъ духѣ, чтобы за вами дали больше денегъ. У васъ большое семейство. У васъ есть сестры. Вѣроятно, онѣ не будутъ имѣть женихами людей съ такими мнѣніями, какъ я. Вотъ существенное содержаніе нашего разговора. Она спросила еще, когда я говорилъ о Патрикѣевыхъ, знакомы ли мы съ Макс.? Я тамъ часто бываю.— „Нѣтъ. Но я бы хотѣлъ познакомиться. Только не знаю, какъ это сдѣлать. Нашъ разговоръ былъ прерванъ и я долженъ былъ послѣ спросить, какъ мнѣ познакомиться съ Макс.

Потомъ я долженъ былъ разстаться съ нею. Тутъ разговоръ нашъ, съ Палимпсестовымъ. А „въ его квартирѣ, — послѣ какъ онъ высказалъ все, я сказалъ:

²⁹⁾ Это слово неразборчиво.

„ну, теперь я скажу, что она можетъ выйти замужъ за кого угодно, но что пока она не выйдетъ замужъ, я не женюсь“. Больше этого, прямо, я не смѣлъ сказать, хотя бы мнѣ, конечно, хотѣлось сказать ему, чтобы я уже обязался передъ нею.

Теперь кончено описаніе нашихъ послѣднихъ свиданій и разговоровъ. Начну описывать только существенное — наши предыдущія свиданія раньше четверга 19 февраля. Но теперь сойду внизъ, посмотрю, что дѣлается маменька. Окончивъ ихъ описаніе, стану описывать мои мысли, соображенія, расчеты относительно моей женитьбы именно на ней и чувства, произведенныя во мнѣ ею, и тѣмъ, что я сталъ ея женихомъ. Пишу такъ, пока докуривается папироса.

Да, я долженъ прибавить, что въ пятницу у Чесноковыхъ³⁰⁾, когда мы сидѣли еще въ 1-ый разъ у дивана въ гостиной къ стѣнѣ, отдѣляющей ее отъ залы, она мнѣ сказала: „А мнѣ вчера говорили о васъ очень дурно, предостерегали отъ васъ, говорили, что вы очень дурной человѣкъ, что вамъ нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ. Но я знаю, что этотъ человѣкъ говорилъ отъ зависти, потому что я вовсе не хороша къ нему“. — Что же, онъ хорошо знаетъ меня? — „Нѣтъ“.

(Это должно быть Линдгрень????—имени она не хотѣла сказать).—То же самое и по искреннему убѣжденію могли бы сказать и люди близкіе ко мнѣ.—Потомъ, когда мы сидѣли въ залѣ и я описывалъ свои понятія о супружескихъ обязанностяхъ (по тому поводу, что она сказала, что поцалуетъ³¹⁾ меня только тогда, когда потребуется это; что когда я буду мужемъ, тогда, конечно, она обязана будетъ повиноваться мнѣ и что я буду имѣть право требовать ея поцалуевъ) и о свободѣ жены и о моей покорности ея волѣ, я наконецъ прибавилъ: Я говорю рѣшительно, какъ какойнибудь соблазнитель.—А развѣ вы не можете быть соблазнителемъ?—Э! помилуйте,—и я махнулъ рукой, какъ бы говоря: куда!

Наконецъ, еще вставки въ разговоръ подъ конецъ вечера воскресенья. Когда мы говорили о сватовствѣ моемъ и намъ мѣшали...³²⁾, тогда снова садился подлѣ нея, говорилъ: я могу продолжать? Разъ она вслухъ сказала: „Какъ тускло горитъ эта лампа“. — Вамъ скученъ этотъ разговоръ? — „Вы умный человѣкъ, и не понимаете, почему я говорю это! Насъ подслушиваютъ!“ — Въ самомъ дѣлѣ, я былъ чрезвычайно глупъ. Наконецъ, послѣ разговора съ Палимпсестовымъ, я подошелъ къ ней, когда она ходила по залѣ и сказалъ: „Наши разговоры все остаются неоконченными. Что же скажете мнѣ окончательно? Могу я сдѣлать такъ, какъ говорилъ?“ — Можете. — „Я вамъ не надоѣлъ еще?“ — Фи, какъ это глупо — и она, сказавъ это съ чувствомъ совершенно искреннимъ, отвернулась и пошла прочь, такъ что я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что это было весьма глупо. Да, я раньше сказалъ ей—это было до катанья и до начала моихъ шалостей: О. С. вчера была вами...³³⁾ одна вещь, которая огорчила меня (это: она могла сдѣлать со мною все, что хотѣла) сказать это прямо я не успѣлъ, но потомъ, когда стали говорить о томъ, въ кого была влюблена, теперь влюблена и въ сколькихъ будетъ влюблена О. С., я сказалъ, для всѣхъ, но главнымъ образомъ, для нея: „хо-

³⁰⁾ Семейство, бывшее близкимъ къ Чернышевскимъ—Дмитрій Яковлевичъ Чесноковъ и два его сына—Федоръ Дмитриевичъ и Василій Дмитриевичъ.

³¹⁾ Слово поцѣлуй и глагольныя формы отъ него отецъ мой писалъ всегда: поцалуй и цаловать.

³²⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

³³⁾ Тутъ въ рукописи вѣроятно пропущено слово „сказана“ или „сдѣлана“.

тите, я вамъ скажу правду? О. С. ни въ кого не влюблена, и вѣроятно, ни въ кого не будетъ влюблена“. — Это правда, сказала она. — „А была она влюблена одинъ только разъ“. — Ни разу, сказала она. Я нагнулся къ ея уху: „А въ Кіевѣ?“. — Онъ былъ влюбленъ въ меня, а я въ него нисколько. — „Теперь я рѣшительно ничего не понимаю“. — Ну да, онъ былъ влюбленъ въ меня, а я его вовсе не любила.

Теперь 2 марта, понедѣльникъ 1 недѣли поста, 11 часовъ утра.

Принимаюсь описывать событія, предшествовавшія нашему разговору съ ней у нихъ, слѣдствіемъ которыхъ было предложеніе.

Вотъ таблица моихъ свиданій съ нею:

26 генваря, понед. — Я видѣлъ ее въ первый разъ у Акимовыхъ.

28 — журналъ.

30 — пятн. — именины Вас. Дим., любезничаніе съ Ростиславомъ ³⁴⁾.

Ф е в р а л ь:

1 — воскрес. Я былъ у нихъ ³⁵⁾ съ визитомъ. Видѣлъ ее на катаньи.

2 — Срѣтенъе. У Акимовыхъ.

3 — вторн. У Шапошниковыхъ говорили мнѣ о ней.

5 — четв. — ходилъ къ нимъ съ Вас. Дм., не засталъ Ростислава.

8 — воскрес. — у Аким.

9 — понед. — первый разъ у нихъ.

12 — четв. — у Аким. Я упросилъ ее остаться. Она хотѣла ѣхать въ театръ.

13 — пятн. — Шапошниковы (весьма важное свиданіе).

15. — воскрес. — У Аким. долженъ былъ видѣться. Неудача.

17 — вторн. — Нашла робость, не успѣлъ переговорить ничего.

18 — среда — Акимовы — Купріяновъ.

19 — четв. — Предложеніе.

21 — суб. — Я сказалъ, что буду говорить съ нею, какъ должно жениху въ маскарадѣ.

22 — Маскарадъ. Воскресенье передъ масляницею.

23 — понед. — У нихъ долго сижу съ ней.

25 — Шапошн. Среда.

26 — Четвергъ масляницы — не видѣлъ ея.

27 — Чеснок. пятница.

28 — Суббота — Акимовы.

М а р т ь.

Ни 1 ни 2 еще не видѣлъ ее. Неужели до воскресенья! Почему же? Во всякомъ случаѣ успѣю написать все и сдѣлать что нибудь по своей диссертации. Итакъ, начинаю описывать.

Воскресенье 1 февраля я поѣхалъ къ Васильевымъ съ визитомъ. Конечно, это была шутка — желаніе показать ей, что въ самомъ дѣлѣ интересуюсь ею, но съ какою

³⁴⁾ Ростиславъ Сократовичъ Васильевъ, старшій братъ Ольги Сократовны.

³⁵⁾ Т. е. у Васильевыхъ.

цѣлью интересуюсь? Чтобы просто полюбезничать. Не засталъ дома Ростислава. Хорошо же, я увижу ее на катаньи. Зашелъ къ Чесн., который уже смѣялся надъ моею влюбленностью. Я самъ смѣялся и тогда смѣялся искренно. Пошелъ нарочно посрединѣ дороги между рядами экипажей. У Полиціи попадается, останавливается поѣздъ. Мнѣ говорятъ: Вы должны были встать на запятки. Тогда я еще сдѣлалъ бы это, потому что тутъ ничего серьезнаго не было, по я не догадался—слишкомъ плохъ. Василий Дмитріевичъ ³⁶⁾ выругалъ меня за эту оплошность. Очень долго не видѣлъ ее. Наконецъ почти у самаго конца Сергіевской улицы она встрѣчается намъ. Она сидитъ съ Ростиславомъ. Потомъ она попадается безпрестанно. Наконецъ, поѣздъ стоитъ нѣсколько времени. Когда онѣ были противъ насъ. Вас. Дм. и Шапошниковъ говорятъ ей что то, она отвѣчаетъ имъ любезностью на любезность. Трогается съ мѣста, я говорю: „О. С. Вы всемъ сказали по ласковому слову, неужели не скажете мнѣ?“—Хорошо, будьте нынѣ у Шапошниковыхъ.—Послѣ объяснилось, что нельзя, потому что Шап. сами были на свадьбѣ чьей то. Когда мы зашли къ Чесн. надо мною и моею влюбленностью все смѣялись.

А раньше, въ пятницу на именинахъ Василя Дмитріевича тоже. Ростиславъ, который былъ тамъ и котораго я засталъ уже немного выпившимъ, любезничать со мною, а я съ нимъ, и надъ нашею дружбою подсмѣивались.... ³⁷⁾.

Да, я еще позабылъ одну свою шутку съ нею послѣ перваго вечера у Аким. Мы разѣхались въ 4¹/₄ часа. Я проснулся въ 11 часовъ. Но мнѣ вздумалось исполнить ея просьбу для шутки въ 1-ый же классъ, который былъ у меня въ VII классѣ. Это должно быть въ среду. И я нарочно хотѣлъ спросить нѣсколькихъ человѣкъ урокъ, чтобы спросить и Васильева ³⁸⁾ и поставить ему 5. Потомъ отослать журналъ къ О. С. Я думалъ, что (она) можетъ осердиться за эту смѣлость, но думалъ, что шутя и объявить мнѣ благодарность. Я сильно колебался, дѣлать ли это, наконецъ, сказалъ: да до какихъ же поръ мнѣ быть робкимъ? Вздумалъ сдѣлать, такъ сдѣлаю. И вотъ въ среду я взялъ съ собою бумаги, сургучъ, печать (церковную для большей важности), нитки и отправился въ гимназію. Въ VII классѣ спрашивалъ урокъ—такъ, это было въ среду, потому что раньше этого были у меня часы въ IV классѣ, гдѣ я готовилъ записку къ Ростиславу. Спрашиваю уроки у 4—5 человѣкъ, спрашиваю, наконецъ, и его и потомъ снова другихъ. Венедиктъ ничего не знаетъ. Все-таки я ставлю ему 5. Послѣ этого ухожу въ канцелярію, вкладываю въ журналъ приготовленную записку въ этомъ родѣ: „Ростиславъ Сократовичъ, посылаю къ вамъ мой классный журналъ и покорнѣйше прошу Васъ показать его О. С., чтобы ОНА (большою буквою) лично могла сама убѣдиться въ томъ, какъ послушно исполняются мною ея приказанія“. Завертываю въ бумагу. Надписываю: Ростиславу Сократовичу Васильеву, обертываю ниткою, запечатываю, такъ чтобы никто не могъ видѣть, что такое въ сверткѣ, вхожу въ классъ, отдаю Венедикту. Потомъ меня взяла нѣкоторая робость. Я боялся, что она обидится. На другой день Венедиктъ отдаетъ мнѣ свертокъ, изъ котораго дома я вынимаю журналъ и нѣсколько конфетокъ. Я ждалъ ея записки съ изъявленіемъ благодарности, но записки, конечно, не было. Я былъ очень обрадованъ успѣхомъ своей шутки. У меня

³⁶⁾ Чесноковъ.

³⁷⁾ Пропускъ нѣсколькихъ строкъ.

³⁸⁾ Венедиктъ Сократовичъ, младшій братъ Ольги Сократовны.

до сихъ поръ цѣль этотъ свертокъ, запечатанный ея ручкою разноцвѣтными печатками. Я его получилъ 21 февраля въ четвергъ. Конфекты—это первый ея подарокъ мнѣ—какъ будто я предчувствовалъ, что будутъ и другіе—и до сихъ поръ цѣлы, лежать въ сверткѣ. На журналѣ были выставлены карандашемъ цифры ея рукою: противъ Венедикта 6 + нѣсколько разъ, потомъ „и т. д.“ по Венедиктовой графѣ.

Я какъ дитя радовался всему этому. Прерываю разсказъ, чтобы снова написать. Всѣ мои глупыя сомнѣнія въ чистотѣ ея сердца, всѣ мои сомнѣнія въ ея искренности, возбуждаемыя словами Палимпсестова, совершенно исчезли безъ всякаго слѣда, совершенно. Я спокоенъ за свое счастье съ нею и теперь, какъ и раньше, у меня только одна забота: деньги, деньги, деньги, чтобы она жила въ полномъ довольствѣ. Будутъ и деньги. Будутъ. И она будетъ счастлива со мною. И я буду счастливъ ея счастьемъ.

Во вторникъ 3 февраля, я надѣялся быть на вечерѣ у Шапошниковыхъ, гдѣ думалъ полюбезничать и съ нею и съ Патрикѣевыми. Но мнѣ хотѣлось быть и у Горбуновыхъ—такъ еще была слаба моя страсть къ ней. Все-таки ³⁹⁾ не пригласили никуда, что меня огорчило. У Шапошниковыхъ, гдѣ я былъ довольно долго—нѣтъ, это послѣ, раньше понедѣльникъ Срѣтенье. На Срѣтенѣ былъ у насъ Василій Акимовичъ и приглашалъ бывать у нихъ. „У насъ по праздникамъ всегда собираются, пріѣзжайте нынѣ“.—О, какъ я былъ счастливъ, что воротился во время домой и засталъ его у насъ. Я продолжалъ любезничать съ нею еще сильнѣе, чѣмъ раньше, но много любезничалъ и съ Катериною Матвѣевою ⁴⁰⁾, такъ что перевѣсъ былъ не такъ замѣтенъ, но на слѣдующій разъ былъ уже рѣшительный перевѣсъ, и я съ Катериною Матвѣевою говорилъ уже такъ только, изъ приличія.

О. С. понравилась мнѣ, какъ и раньше; также умѣла слушать любезности, не конфузясь и не давая права быть дерзкимъ; отвѣчала на нихъ, также шутила, шалила, кокетничала. Но въ этотъ разъ за закускою я уже не прислуживалъ Катеринѣ Матвѣевнѣ, а О. С. уже кормила меня, а не Палимпсестова. Я сказалъ, что былъ вчера у нихъ. „А мнѣ просто сказали, что въ очкахъ. Я думала, что это Купріяновъ“. И она нѣсколько увѣрилась въ томъ, что я не попусту шучу, что она въ самомъ дѣлѣ мнѣ нравится. Я въ этотъ вечеръ и въ слѣдующій начинаю къ восторженно шутливому языку подмѣшивать болѣе спокойный и серьезный, увѣряя въ томъ, что она мнѣ нравится въ самомъ дѣлѣ и что если это будетъ продолжаться такъ, то я искренно привяжусь къ ней. Но особеннаго въ этотъ вечеръ я ничего къ ней не чувствовалъ. Мнѣ было весело говорить любезности, играть легкимъ чувствомъ, быть какъ бы въ легонькомъ упоеніи. Но все это дѣлалось только съ цѣлью пріобрѣсти нѣкоторую ловкость и опытность при будущихъ моихъ паркетныхъ подвигахъ и при будущемъ выборѣ невѣсты. Я сказалъ ей, что въ самомъ дѣлѣ она весьма добра, весьма умна и поэтому я теперь въ самомъ дѣлѣ начинаю привязываться къ ней. Но особеннаго ничего въ этотъ вечеръ не было. Я ее даже вслухъ назвалъ кокеткою и сказалъ, что только говорю ей комплименты, потому что она вызываетъ на нихъ меня. На другой день у

³⁹⁾ Это слово неразборчиво.

⁴⁰⁾ Патрикѣева.

Шапошниковыхъ Серафима Гавриловна ⁴¹⁾ сказала мнѣ: А вась здѣсь дожидались болѣе часу и даже скушали кусоць сыру, когда узнали, что вы любите сыръ“. Я, конечно, жалѣлъ, что не засталъ ихъ, что опоздалъ прѣѣхать. Но меня занимало и то, что меня не пригласили на закуску или на вечеръ къ Горбуновымъ — значитъ, все это была еще шутка, игра. Когда же это перестало быть игрою? А вотъ расскажу; воротаясь отъ Кобылиныхъ.

Это писано 3 марта въ 6¹/₂ час. утра. Хотя до сихъ поръ моя привязанность была болѣе шутка, чѣмъ серьезное что нибудь, все-таки жъ я постоянно каждый день бывалъ у Чеснокова, гдѣ могъ говорить о ней, и чрезъ котораго хотѣлъ познакомиться съ нею. Такимъ образомъ въ четвергъ 5 марта мы собрались къ нимъ, но Ростислава уже не застали дома. Воскресенье 8 мы условились быть съ Шап. у Аким. Прѣѣхалъ почти въ 8 часовъ, потому что я работалъ и опоздалъ одѣваясь. Прѣѣзжаемъ, она давно уже тамъ. Выходитъ изъ гостиной, подаетъ мнѣ руку, черезъ нѣсколько минутъ говорить, что хочетъ ѣхать въ театръ — ее упрасиваютъ, она говорить, что непременно. Я ей говорю: пожалуйста, останьтесь, и она остается. Конечно, въ этомъ было, можетъ быть, кокетство (можетъ быть она только говорила, что поѣдетъ, чтобы заставить меня просить себя, но скорѣе, что въ самомъ дѣлѣ потому, что я просилъ, но что въ этомъ участвовало кокетство). Какъ бы то ни было, она сдѣлала это такъ, что было видно, что у нея доброе сердце. Она въ этотъ вечеръ больше сидѣла съ Палимпсестовымъ, чѣмъ со мною. Со мною танцевала двѣ кадрили, 2 и 5. Но передъ 4 кадрилию, когда я сидѣлъ подлѣ нея, къ ней подошелъ братъ жениха ⁴²⁾, весьма скромный, тихій, застѣнчивый молодой человекъ, прося ее танцевать какую нибудь кадрилъ. „Я танцую“. Онъ опечалился. Мнѣ стало его жаль. „Вы не говорили еще Палимпсестову, что танцуете съ нимъ?“ — „Нѣтъ“. — „Видите, какъ вашъ отказъ огорчилъ Сахарова. Танцуйте съ нимъ“. — „Хорошо. М-г Сахаровъ, я съ вами танцую“. — Какъ мнѣ это понравилось, чрезвычайно, и съ этого времени я началъ постоянно говорить ей, что у нея доброе сердце. И въ самомъ дѣлѣ весьма доброе сердце. При прощаніи Сергѣй Гавриловичъ ⁴³⁾ просилъ позволенія ввести меня къ нимъ въ домъ. Она вполнину дала это согласіе.

Итакъ на другой день мы должны отправиться.

9 понедѣльникъ. Я у нихъ. У меня долженъ былъ быть Николай Ивановичъ ⁴⁴⁾, и я велѣлъ прѣѣхать за собою къ Васильевымъ и прѣѣхать около 7 часовъ обратно за мною. Когда мы вошли — прямо въ комнату Ростислава — меня поразила страшная загрязненность этихъ комнатъ. Входимъ въ комнату Ростислава. Она и Катерина Матвѣевна сидятъ на диванѣ. У нихъ Линдгрень, потомъ на нѣсколько времени Яковлевъ. На столѣ разбросаны подсолнечныя сѣмечки. И это меня неприятно оскорбило: грызеть сѣмечки. Я сѣлъ на кровати рядомъ съ ней ⁴⁵⁾. Василій Дмитріевичъ говорить: „Видите какъ она печальна; это оттого, что вы слишкомъ плохо себя держите“. — „Я не смѣю садиться подлѣ нея, между ею и Кат. Матв. на диванѣ“. Я въ самомъ дѣлѣ не смѣлъ. Она, наконецъ, сказала, чтобы я сѣлъ. И тотчасъ же стала мнѣ давать изъ своихъ

⁴¹⁾ Шапошникова.

⁴²⁾ Дочь Акимова, Елена Васильевна выходила замужъ за Сахарова.

⁴³⁾ Шапошниковъ.

⁴⁴⁾ Костомаровъ.

⁴⁵⁾ Т. е. на кровати, стоявшей рядомъ съ диваномъ, на которомъ сидѣла О. С.

рукъ орѣхи. „Я не могу грызть, потому что у меня зубовъ нѣтъ“. — „Ну, такъ я стану грызть“, и она начала разгрызать и класть мнѣ въ ротъ. Я каждый разъ цаловаль ея руку. Наконецъ, я стала говоритьей: „Вы въ самомъ дѣлѣ держите себя слишкомъ неосторожно. Со мной, напริมѣръ, вы дѣйствительно можете позволить себѣ подобныя вещи, потому что я въ сущности порядочный человекъ, но другимъ это покажется не такъ. Я знаю, что это просто живость, веселость, бойкость характера. Но другіе скажутъ, что это желаніе завлечь“. И т. д. разговоръ въ этомъ родѣ (раньше Шап. садился подлѣ ея ногъ и по ея приказанію лаялъ собаченкою). Наконецъ, встали, пошли въ залъ, потому что тутъ было слишкомъ накурено. Она сама за руки провела меня черезъ корридоръ, ходъ весьма запутанный. Пришли тутъ и другіе. Начинаютъ танцовать. Я съ ней, и говорилъ ужъ серьезно, что я въ самомъ дѣлѣ довольно сильно привязанъ къ ней, что конечно это не любовь, но что она весьма интересуется меня и весьма мнѣ нравится. „И вы начинаете мнѣ нравиться“. За мною прѣехали. Я хотѣлъ говорить ей при слѣдующемъ свиданіи о томъ, что у нихъ въ домѣ страшный безпорядокъ и что она должна заняться хозяйствомъ. На другой день былъ и Чесн. Тамъ объяснили мнѣ ея отношенія съ матерью и братьями. И какъ я узналъ, что мать ее не любитъ и что, по выраженію Вас. Дм., „ей дома житье тепленькое“, у меня тотчасъ сильно развилось сочувствіе къ ней. Весьма сильно развилось. Такъ это и доброта, выказанная ею въ предъидущій вечеръ у Ак. сдѣлали то, что я началъ чувствовать къ ней довольно серьезную привязанность. Я съ нетерпѣніемъ дожидался четверга, когда она хотѣла быть у Аким.

12 четвергъ. Снова тоже. Тутъ я говорилъ ей болѣе, чѣмъ раньше, что ужъ теперь она почти совершенно держитъ меня въ рукахъ. Она смотрѣла съ своимъ вопросительнымъ видомъ, смотрѣла своими пронизательными глазами. Тутъ то особенно сильную роль играли конфетные билетки, которые даже и въ прежніе вечера она постоянно раздавала мнѣ и другимъ и съ большимъ умѣньемъ выбирала. Особенно, когда мы сидѣли у стола, который стоитъ подлѣ оконъ ближе къ гостиной. Я любезничаль, называль ее кокеткой, но когда разговоръ былъ между нами одними, часто говорилъ съ чувствомъ. Наконецъ сѣли между этимъ столомъ и столикомъ, на которомъ трубки, Бусловская, она и Палимпсестовъ. Черезъ нѣсколько времени подсѣлъ и я и сказалъ — не помню, какъ это пришлось сказать, — вѣроятно, говорили о чемъ нибудь подобномъ — „Вотъ я какъ опишу будущія отношенія къ женѣ, когда женюсь. Я буду покорнѣйшимъ слугою своей жены, покорнѣйшимъ слугою, покорнѣйшимъ слугою, только. Покорнѣйшимъ слугою“. Послѣ этого Бусл., когда кончили танцовать, подошла къ ней и поздравила ее съ скорымъ замужествомъ, какъ мнѣ сказалъ на другой день Палимпсестовъ.

Иду внизъ — начерчу расположеніе комнаты, въ которой мы видѣлись ⁴⁶⁾.

Нѣтъ, начинаю писать вслѣдъ за предъидущимъ, потому что хочется писать.

Итакъ общій результатъ нашихъ разговоровъ о свиданіи у Аким. былъ тотъ, что она мнѣ нравилась больше, чѣмъ какая нибудь дѣвица до сихъ поръ, такъ что при ней всѣ другія и въ томъ числѣ Кат. Матв. теряли всякую заниматель-

⁴⁶⁾ Далѣе въ рукописи сдѣлана приписка карандашемъ: „Нельзя спуститься. Теперь буду заниматься работою. Начертить можно послѣ въ свободное время, потому что знаю ихъ комнаты“.

ность для меня, и я только изъ приличія, только изъ деликатности отъ времени до времени начиналъ говорить любезности Кат. Матв.; о Катеринѣ Николаевнѣ ⁴⁷⁾ не было, конечно, уже никакого помину съ 1-го же разу, какъ я увидѣлъ ее.

Мнѣ хотѣлось видѣть ее, хотѣлось говорить и любезничать съ нею, хотѣлось даже слышать, какъ говорятъ о ней. Но жениться въ Саратовѣ я не думалъ. Поэтому, чувствуя, что по неопытности въ подобнаго рода дѣлахъ, какъ чело-вѣкъ увлекаящийся ею въ 1-й разъ, я могу увлечься, я начиналъ чувствовать необходимость прекратить эти отношенія, не только изъ боязни запутаться са-мому, хотя и говорилъ ей, что я у нея почти въ рукахъ, но думалъ, что я совершенно безопасенъ, и въ самомъ дѣлѣ тогда былъ безопасенъ. Нѣтъ, я только боялся, чтобы не повредить ея репутаціи своимъ ухаживаніемъ.

На другой день все таки мы должны были видѣться у Шап.

Вдругъ поутру приносятъ записку отъ Палимпсестова (она у меня цѣла). Я ему говорилъ шутя, что хочу говорить съ нимъ о серьезномъ дѣлѣ, онъ сказалъ, что не хочетъ говорить — поводомъ къ этому было то, что я гово-рилъ про него, а онъ въ раздраженіи про меня ей, чтобы она не слушала, что во всѣхъ моихъ словахъ нѣтъ ни слова правды, что я чело-вѣкъ дурной и хитрый.

Я отвѣчалъ, что буду у него около 9 часовъ. Мнѣ кстати нужно было заѣхать за табакомъ къ Малѣевскимъ ⁴⁸⁾.

Онъ поступилъ чрезвычайно дружески, какъ слѣдуетъ вполне благородному чело-вѣку.

„Послушай, какія у тебѣ намѣренія относительно Сократовой?“

„Никакихъ“.

„Ты не хочешь на ней жениться?“

„Нѣтъ“. Я говорилъ искренно. Тогда я не думалъ, чтобы могъ жениться въ Саратовѣ.

„За что же ты увлекаешь ее? О васъ съ ней начнутъ скоро говорить. Какъ можно играть ея репутацію. Зачѣмъ ты говоришь такія вещи, какъ вчера, напр., о томъ, какимъ бы ты былъ мужемъ. Вусловская приняла это за высказываніе намѣренія сватать ее и, когда послѣ этого она танцевала со мною, Вусловская подошла и поздравила ее съ скорымъ замужествомъ. Ты рѣ-шительно можешь увлечь ее. Должно быть осторожиѣе съ дѣвчушкой, положеніе которой и такъ не завидно, о которой и такъ уже говорятъ много дурного. Да и увѣренъ ли ты въ себѣ? Развѣ ты не можешь увлечься самъ?“

„Я самъ понимаю необходимость прекратить свои настоящія отношенія къ ней. А это, что я говорю о томъ, какимъ бы я былъ мужемъ, дѣйствительно, съ моей стороны большая неосторожность. Благодарю тебя. Ты поступаешь какъ истинно порядочный чело-вѣкъ“. И мы разстались. Я — съ намѣреніемъ прекра-тить эти отношенія, съ чувствомъ, что я запелъ бы слишкомъ далеко, что однимъ словомъ я всегда, вездѣ дѣйствую или слишкомъ далеко, или слишкомъ много, съ чувствомъ уваженія и благодарности къ Палимпсестову.

Итакъ завтра у Шап. долженъ былъ я видѣть ее.

⁴⁷⁾ Кобылиной.

⁴⁸⁾ Эта фамилія написана неразборчиво.

...⁴⁹⁾ Я тосковалъ о томъ, что едва начинается для меня нѣчто похожее на жизнь сердца, какъ ужь должно быть оставлено, потому что становится при моемъ характерѣ слишкомъ серьезно, что у насъ невозможна роскошная жизнь сердца, что я долженъ покинуть эти отношенія, которыя такъ были для меня милы, и, наконецъ, такъ искренни по своей новизнѣ. Теперь слѣдующее свиданіе у Шап. Раньше займусь дѣломъ, потомъ снова за это. Теперь 9 часовъ утра 3 марта вторникъ (у меня нѣтъ классовъ).

13, пятница. Итакъ я въ 5^{1/2} часовъ у Шап. Черезъ нѣсколько времени являются онѣ—она, Кат. Матв., Афанасія Яковлевна. Входятъ въ комнату Сер. Гаврил.⁵⁰⁾ Мы садимся съ нею у стола. Какъ всегда въ нашемъ обществѣ сначала дѣла не клеятся, разговоръ идетъ вяло. Другіе сидятъ на кровати Сер. Гавр. Она беретъ карандашъ и начинаетъ играть со мною въ отвѣты и вопросы (я раньше отдаю ей записку Палимпсестова, — конечно, при всѣхъ). Написавъ 3 отвѣта, „я напишу на 3 вещи, которыя напишу я“, говоритъ она. 1) Я пишу: „Я не смѣю вѣрить этому“ — Я думалъ, что первое, что она напишетъ .....⁵¹⁾ какъ у Аким. наканунѣ давала мнѣ билетки, въ которыхъ говорилось: „я тебя люблю“ и т. п. Дѣйствительно ею написано: „Я васъ люблю“ — это продолжалось нѣсколько времени въ такомъ же родѣ. Мы рвали эти записки. Наконецъ, она написала: О. С. Чернышевская. Я взялъ. — „Это рѣшительная неправда, вы все шутите, а мнѣ вовсе не до шутокъ“. Это я говорилъ по обыкновенію холоднымъ вялымъ тономъ и вслухъ. Раньше я написалъ: „Игра для меня перестаетъ быть игрою“. Она въ это время сидѣла у стола спереди, я сбоку въ углу. Наконецъ, дѣвицы позвали въ залу танцовать. Я взялъ ея руку. „О. С. вы все шутите. Я начинаю не шутить“. — „Я вовсе не шучу. Я хочу имѣть такого мужа, какимъ вы будете по вашимъ словамъ“. Конечно, это сказала она такимъ тономъ, что если бы дѣло разстроилось, то это должно было принять за шутку. „Хорошо, я не могу жениться ужь по одному тому, что я не знаю, сколько времени пробуду я на свободѣ. Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль? У меня ничего не найдутъ, но подозрѣнія противъ меня будутъ весьма сильныя. Что же я буду дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать. Но, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣсть, и я выскажу свои мнѣнія прямо и рѣзко. И тогда я едва ли уже выйду изъ крѣпости. Видите я не могу жениться“. Не знаю, повѣрила ли она этому, кажется, мало, потому что подобныя вещи для нея мало привычны. Мы пошли танцовать. Я танцевалъ съ другими или говорилъ съ Гавр. Мих. и т. п., съ нею не могу теперь припомнить, что я говорилъ, кромѣ повтореній, что все-таки я привязанъ къ ней, что если это будетъ продолжаться такъ, то я наконецъ не буду въ состояніи разсуждать, и т. п. Наконецъ, танцую съ нею послѣднюю кадрили. Но раньше я упрашивалъ ее быть у Аким. въ воскресенье и дождался этого дня съ нетерпѣніемъ. Въ послѣдней кадрили я говорю: Итакъ вы видите, что наши отношенія не могутъ продолжаться. Я теперь расскажу вамъ повѣсть моей любви. Сначала мнѣ весьма правилась одна дѣвушка, имени которой не скажу, потому что не хочу подвергать ее насмѣшкѣ

⁴⁹⁾ Два слова неразборчивы.

⁵⁰⁾ У Сергѣя Гавриловича Шапошникова была сестра Серафима Гавриловна. Въ рукописи имена написаны сокращенно и часто бываетъ трудно рѣшить, о комъ идетъ рѣчь подъ одинаковыми буквами Сер. Гавр.—о братѣ или о сестрѣ.

⁵¹⁾ Все это мѣсто написано очень неразборчиво.

вмѣстѣ со мной, потому что это была съ моей стороны любовь рѣшительно глупая (это я говорилъ о Кобылиной). Я уже готовъ былъ объясниться страннымъ образомъ въ такомъ родѣ: Вы умная, добрая, благородная; но вы теперь не можете играть такой роли въ обществѣ, какую могли бы играть, потому что слишкомъ мало развиты. Позвольте мнѣ быть образователемъ вашего ума и сердца. Но тутъ я у Шапошниковыхъ увидѣлъ Катерину Матвѣвну, и увидѣлъ, что, кромѣ той дѣвушки, есть другія дѣвицы, умныя, добрыя, и милыя. Наконецъ, третье и самое страшное явленіе въ моей жизни—явились вы. Не знаю, чѣмъ это кончится, но, вѣроятно, этотъ третій актъ будетъ самымъ серьезнымъ, самымъ страшнымъ актомъ. Я теперь еще могу нѣсколько разсуждать, но скоро не буду въ состояніи. Я и теперь дѣлалъ глупости. Но скоро вы можете быть заставите меня сдѣлать страшную, самую непростительную глупость. Потому что вы теперь знаете, я не могу, не вправѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моею. Итакъ вы будете у Акимъ? „Буду“. — Какія кадрили вы танцуете со мною? 1-ую я хотѣлъ танцовать съ невѣстою, 2-ую съ Кат. Матв. (она бѣдная, не смотря на то, что я говорилъ ей: Не любите никого!—Даже васъ?—Даже меня,—тогчасъ отвела меня въ сторону и просила быть у Акимъ., а эту кадрили у Шап. танцовать съ нею). Это было между 4 и 5 кадрилию въ комнатѣ снова Сер. Гавр., потому что мы всѣ безпрестанно переходили изъ комнаты его въ залу и снова въ его комнату. Я сказалъ, что танцую съ ней. О. С. взяла бы меня танцовать, но мнѣ жаль было Кат. Матв.; я просилъ позволенія у О. С. танцовать съ нею и она ушла безъ всякаго каприза—какая она умная и добрая. Итакъ какое безумство съ моей стороны. Я хотѣлъ прекратить отношенія къ ней, а между тѣмъ упрашивалъ ее быть у Акимъ. Мнѣ хотѣлось видѣться съ ней еще 2—3 раза передъ разлукой, чтобы говорить ей тономъ искренней преданности и сожалѣнія о необходимости разлуки. Мнѣ хотѣлось порадоваться еще моею начинающейся любовью. Но я самъ не понималъ хорошенько, что я дѣлаю. Мнѣ хотѣлось совершенно серьезно поговорить объ этомъ: „О. С. Чернышевская“, я самъ не зналъ хорошенько, что будетъ слѣдствіемъ этого разговора.

Скорѣе всего я ожидалъ, что увижу и она сама скажетъ мнѣ, что это была шутка и что тогда со спокойнымъ сердцемъ я могу отстать отъ нея. Но неужели въ самомъ дѣлѣ только шутка? Едва ли, думалъ я. Что же дѣлать? Я самъ не зналъ впередъ, что я сдѣлаю. Я зналъ только, что мнѣ сладко быть съ нею и что не видѣть ее для меня весьма тяжело. Боже мой, какъ я безумно поступаю! Но я говорилъ себѣ, что если бы этого потребовали обстоятельства, я не отказался бы, если бы этого потребовала она, но она этого не потребуетъ, это кончится однимъ любезничаньемъ. Теперь иду относить Кольцова въ переплетъ. Потомъ снова писать. Теперь ужъ событій осталось всего только за 4 дня. Потомъ буду описывать свои чувства, свои соображенія.

Да, раньше при второмъ свиданіи у Акимовыхъ я сказалъ Катеринѣ Матвѣвнѣ, когда она все просила меня любить ее и все говорила, что я ее обманываю, что я люблю О. С., я сказалъ ей, что характеръ О. С. мнѣ гораздо болѣе нравится, потому что она живая, веселая, бойкая—когда О. С. потомъ, по обыкновенію, говорила мнѣ, какъ же вамъ вѣрить, вы тоже самое говорите Катѣ, я сказалъ: Нѣтъ. Конечно, я шучу съ ней также какъ съ вами, но тѣхъ серьезныхъ и неромантическихъ вещей, которыя говорю вамъ, тѣхъ не пламенныхъ, а

спокойных увѣреній въ своей привязанности въ вамъ, я ей не говорю. И сейчасъ, напрямѣръ, я сказалъ ей, что вы по характеру мнѣ нравитесь больше, чѣмъ она.

Да, еще должно бы прибавить разсказъ о первомъ нашемъ свиданіи у Чесновыхъ и о томъ, какъ она боллала меня. Это было сказано мнѣ во 2 и 3 вечеръ у Акимовыхъ.

Пишу въ 12 часовъ. Долженъ скоро уйти. Итакъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера воскресенья. Аким. нѣтъ дома. Это меня ошеломило совершенно. Я былъ совершенно разстроены, больше чѣмъ тогда, когда мы неудачно ходили къ самимъ Васильевымъ. Что дѣлать? Чесн., къ которому я заѣхалъ, говорить—во вторникъ отправьтесь. Хорошо. Снова тоже нетерпѣніе.

Наконецъ, вторникъ. О, какъ долго, казалось мнѣ, я не видѣлъ ее. Да и теперь—всего 3 сутки, а мною нетерпѣніе овладѣло такъ, что я не поручусь, что не буду у нихъ до воскресенья. Нѣтъ, выдержу, буду повиноваться ей. Хотя и довольно тяжело это для меня, тѣмъ болѣе, что у насъ не все еще переговорено съ нею, что мы съ нею не совершенно понимаемъ другъ друга. Можетъ быть и она не совершенно довѣряетъ мнѣ. Но нѣтъ, она слишкомъ умна и слишкомъ проницательна, чтобы у ней могло оставаться во мнѣ какое нибудь сомнѣніе. Но пора идти.

Послѣ, по возвращеніи отъ Кобылиныхъ.

Сажусь въ 10 час. вечера продолжать.

Во вторникъ мы приходимъ въ комнату Ростислава съ Вас. Дмитр.—въ столовой сидитъ она съ одной изъ Рычковыхъ⁵²⁾, въ комнату Ростислава не входитъ—я не рѣшаюсь выйти къ нимъ, хотя Фогелевъ⁵³⁾ выходилъ, — не рѣшаюсь выйти, чтобы не показать Ростиславу, что я у нея, а не у него. Она посылаетъ мнѣ Рычкову съ билетикомъ:

Огонь въ твоей пылающей груди

Не для меня ты, для другой храни?

„Я давно былъ увѣренъ въ этомъ“, сказала я. Она входитъ разъ или два въ комнату; я только нѣсколькими словами перебрасываюсь съ ней и то весьма вяло. Наконецъ она входитъ одѣтая проститься: „Мы ѣдемъ въ театръ“. Я былъ такъ глупъ, что даже не успѣлъ, или не догадался, или не посмѣлъ спросить, когда она будетъ у Акимовыхъ—весьма неудачное свиданіе. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы уходимъ, т. е. Вас. Дм., а не я. Я посидѣлъ бы Богъ знаетъ до какихъ поръ, чтобы показать, что я у нихъ для Ростислава, а не для нея. Весьма неудачно. Даже Вас. Дм. говорить, что неудачно, и утѣшаетъ тѣмъ, что на масляницѣ устроить блины и „тогда можно будетъ поправить дѣло“.

Хорошо. На другой день (въ среду 18 числа) является (человѣкъ) снова съ запискою отъ Палимпсестова. (Эта записка у нея; должно будетъ приложить ее къ дѣлу). „Если ты сколько нибудь уважаешь О. С. будь нынѣ ея ангеломъ хранителемъ. Она будетъ у Аким., тамъ будетъ одинъ молодой человѣкъ весьма дурныхъ правилъ. Малѣйшая любезность съ ея стороны будетъ поводомъ къ жесто-

⁵²⁾ Лидія Ивановна и Полина Ивановна Рычковы—двоюродныя сестры Ольги Сократовны.

⁵³⁾ Впослѣдствіи мужъ Полины Ивановны Рычковой.

кой атакѣ. Мнѣ къ сожалѣнію нельзя быть“. Я догадался, что это Купріяновъ, но думалъ, что скорѣе кто нибудь другой, потому что Купр. не стоитъ того. Отвѣчаю Пал. въ восторженныхъ выраженіяхъ благодарности и возгласахъ, что онъ истинно порядочный человѣкъ.

Иду къ Аким. Вслушиваюсь у двери—дома, но никого еще нѣтъ. Я хотѣлъ подождать нѣсколько минутъ на улицѣ, чтобы кто нибудь пріѣхалъ. Выхожу за ворота. Подъѣзжаютъ. Это она. Ее провожаетъ Фогелевъ. Фогелевъ уѣзжаетъ, она остается. Боже мой, какъ все неосторожно. Я встрѣчаю. Провожая ее по двору. „Палимпсестовъ истинно порядочный человѣкъ, вотъ что онъ мнѣ написалъ. Я отдамъ вамъ, хотя бы не слѣдовало отдавать“. — „Но какъ же мы войдемъ вмѣстѣ?“—говоритъ она.— „Я войду черезъ нѣсколько минутъ“. Черезъ нѣсколько минутъ вхожу. Скоро является и Купріяновъ.— „Это онъ?“— „Должно быть онъ“. — „Какъ же онъ узналъ, что я буду здѣсь? Да, вчера въ театрѣ онъ спрашивалъ когда я буду,—я сказала, что завтра или послѣ завтра“. — „Ну, если бы я зналъ, что это онъ, конечно я понялъ бы, что опасенія и хлопоты излишни. Она во весь вечеръ почти не говорила со мною. Весьма много сидѣла съ Купр. у стола, который въ гостиной подлѣ оконъ. Я сидѣлъ большею частью съ Пав. Вас., но отъ времени до времени подходилъ къ нимъ. Видно было, что дѣло не клеится, что она весьма не любезна съ нимъ. Я былъ спокоенъ. Теперь она предупреждена, вѣрно будетъ осторожна. Но тогда я не зналъ еще всего ея ума.

(Да, въ разсужденіи о ея порокахъ. Въ субботу 28 февраля, въ квартирѣ Палимпсестова онъ сказалъ: „Конечно, можно кокетничать, но кокетство имѣетъ свои предѣлы;—она переходитъ эти предѣлы. Не будь она такъ умна, что никогда не позволить забыться съ нею, это было бы отвратительно“. А, такъ, вотъ ты самъ, хотя ты весьма ограниченный человѣкъ, все-таки признаешь ея умъ—да и общій голосъ, что она весьма умная, даже дураки понимаютъ это,—тѣмъ болѣе понимаю и цѣню я).

У Акимовыхъ въ этотъ вечеръ она отрѣзала волоса и у меня. и у Купр., котораго я крѣпко дернулъ за волоса, т. е...⁵⁴⁾ и онъ не нашелся, что сказать, когда узналъ, что это я, а не она; черезъ нѣсколько времени вырвалъ у нея бу-мажку съ волосами, которыя разсыпались по полу; она хотѣла спасти, но не могла; это мнѣ было пріятно, чтобы этотъ дуракъ и мерзавецъ не думалъ, наконецъ, что у нея есть его волосы.

Она весь вечеръ была со мною весьма не любезна, говорила больше съ Купр., говорила мнѣ, что я ревнивецъ, и что я хочу быть ея дядькою, опекуномъ. Такъ что, наконецъ, Елена Вас. это замѣтила и сказала мнѣ, что, вѣрно, я поссорился съ О. С., да и въ самомъ дѣлѣ подъ конецъ вечера я сказалъ какую то глупость; конечно, нарочно, чтобы разсердить ее *); кажется насильно хотѣлъ взять ее подъ руку, чтобы пройти по залѣ. Она показывала раздраженный видъ.

⁵⁴⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

*) Между прочимъ, когда она не хотѣла подать мнѣ руку, чтобы пройти по залѣ и отвертывалась отъ меня, я сказалъ (тутъ стояла Ел. Вас. и сказала: „О. С., рѣшительно на васъ сердится“.—„О. С. изволятъ капризничать, только она забываетъ, что капризничать можно только тогда, когда наши капризы кого нибудь огорчаютъ“:—она обернулась ко мнѣ съ раздраженнымъ видомъ: „Что вы сказали?“—„То, что мы можемъ капризничать только тогда, когда наши капривы кого нибудь огорчаютъ, и что поэтому вы напрасно капризничаете“.—Послѣ этого она еще больше стала высказывать досады на меня. Это было почти передъ самымъ отъѣздомъ.

Наконецъ, я сказалъ (сказавъ по обыкновенію, что я и теперь почти въ рукахъ у нея), что я хочу поговорить съ нею серьезно и просилъ сказать, когда можно. „Въ пятницу“, сказала она и я готовился въ пятницу сказать ей то, что пишу въ началѣ описанія 19 числа (описывая свои намѣренія). Наконецъ, выходимъ. Моей лошади еще нѣтъ. Я хочу идти пѣшкомъ. Она садится вмѣстѣ съ Купр. Конечно ее провожаетъ какая то старуха Акимовыхъ. Они трогаются съ мѣста. Тутъ, въ первый кажется разъ въ жизни, я догадался, наконецъ, что долженъ сдѣлать—они уже выѣхали изъ воротъ. „О. С. позвольте мнѣ сказать вамъ весьма важную вещь, всего два слова“.—Остановились. Я подхожу и сажусь на облучокъ. Они сидѣли вдвоемъ съ Купр., старуха внизу на днѣ саней. „Ступай“, кричу я. Что въ самомъ дѣлѣ вообразилъ бы себѣ Купр., если бы ѣхалъ одинъ съ нею. Да развѣ онъ и не рѣшился бы на какую нибудь дерзость? Вѣдь онъ дуракъ и свинья.

Вдемъ. Кучеръ не знаетъ куда и везетъ мимо Патрикѣвыхъ. Она говоритъ съ Купр. Я вмѣшиваюсь въ ихъ разговоръ и выставляю Купр. въ глупомъ видѣ, его разговоръ выставляю незанимательнымъ, дурачу его, заставляю говорить съ собою. Ну, гдѣ же ему бороться со мною, когда я хочу дурачить его. „Вы, рѣшительно, мой дядька, говоритъ она; потомъ не говоритъ со мною, не отвѣчаетъ на мои вопросы. Я нарочно все обращаюсь къ ней, знал, что она не будетъ отвѣчать. Говорю различныя пустыя вещи, только бы говорить. У меня есть предчувствіе, что она не въ самомъ дѣлѣ сердится на меня. Наконецъ, я говорю: „Говорите со мною или не говорите, это для меня все равно. Неужели вы думаете, что это меня можетъ бѣсить? Но все-таки, если я нынѣ велъ себя глупо, я имѣю право на вашу благодарность. Одинъ мой поступокъ нынѣ вы должны одобрить (это то, что я былъ для нея, для того, чтобы предупредить ее). Вы благодарны мнѣ за это?“—„Благодарна“—„И не мнѣ одному?—есть еще чловѣкъ, имѣющій право на вашу благодарность (т. е. Пал.)—Вы благодарны и ему?“—„Да“. Наконецъ, подѣзжаемъ къ ея дому, ворота заперты. Она выходитъ изъ саней и подходитъ къ калиткѣ, опираясь на руку Купр., который, кажется, не прочь считать свое свиданіе съ нею удачнымъ. Я подхожу къ калиткѣ, когда она входитъ съ нимъ. „О. С., дайте и мнѣ руку въ знакъ прощенія“. Она не отвѣчаетъ ни слова и убѣгаетъ. Я дружески прощаюсь съ Купр. и иду пѣшкомъ домой; изъ всего вечера доволенъ только тѣмъ, что проводилъ ее, что она не ѣхала одна съ Купр. Боже мой, я и теперь съ огорченіемъ вспоминаю. что было бы, если бы она поѣхала одна съ нимъ. Эта скотина могла вообразить Богъ знаетъ что. „Итакъ все-таки я былъ у Ак. не даромъ“, думалъ я.

Послѣ этого четвергъ. И теперь только нѣкоторыя вставки и начну свои размышленія о ней, и о себѣ, и стану описывать свои впечатлѣнія.

Боже мой, какъ подробно описано. Все, рѣшительно все, съ стенографическою подробностью. Никогда я не считалъ себя способнымъ къ тому, чтобы до такой степени дорожить воспоминаніями, которыя, наконецъ, такъ длинны. Вѣдь цѣлыхъ 44 простыхъ и 10 двойныхъ страницъ 55).

Да, еще все старался быть какъ можно болѣе краткимъ, только въ описаніяхъ двухъ вечеровъ давалъ себѣ полную волю. И все-таки написалъ 64 стра-

⁵⁵⁾ 44 простыхъ страницъ (вѣроятно это была первая часть дневника) не хватаетъ; въ дѣлѣ имѣется только продолженіе, писанное на цѣлыхъ листахъ.

ницы. Вѣдь это выйдетъ: 64×27 (строкъ) $\times 80$ (буквъ въ строкъ) = 138.200 (буквъ ⁵⁶). Вѣдь это 140 страницъ обыкновенной печати! вѣдь это, наконецъ, дѣлая повѣсть. Вотъ плодовитый писатель. И все это еще не кончено. Начинаются размышленія и впечатлѣнія, да будутъ еще вставки. Господи Твоя воля! Въ самомъ дѣлѣ дороги мнѣ эти воспоминанія! До воскресенья! (Когда наконецъ, увижу ее—ужь я успѣлъ стосковаться!) Еще вѣдь испишу не мало страницъ. Ну, не ожидалъ отъ себя такой усидчивости.

Да мало ли чего я не ожидалъ отъ себя.

А вотъ теперь какъ превзошелъ свои ожиданія.

Ложусь. Завтра вставки и размышленія.

Да будешь ты благословенна!

Нынѣ отдалъ переплетать Кольцова. Просиль, чтобы переплели, какъ можно лучше.

Да будешь ты счастлива, какъ того заслуживаешь!

Да будешь ты счастлива!

Этимъ хочу закончить:

Да будешь ты счастлива, ты, давшая мнѣ столько счастья. Ты, достойная счастья.

1.. Почему *Ольга Сократовна* моя невѣста.

Сажусь писать свои заключенія, размышленія и т. д. 11 часовъ 4 марта, среда. Я въ самомъ спокойномъ состоянii духа и не расположенъ совершенно къ восторженности.

Итакъ 1. Почему я въ четвергъ 19 числа рѣшилъ сказать ей, что, если она не захочетъ выйти за другого, то можетъ всегда выйти за меня.

Я чувствовалъ къ ней сильную привязанность, это правда. Но чтобы ужь тогда эту привязанность могъ бы назвать настоящей любовью, этого не скажу. Дѣйствительно, это чувство было мнѣ ново; но это была болѣе потребность любить кого нибудь, а не именно любовь къ ней—именно потребность любить, видя нѣкоторую возможность удовольствія, волновала мое сердце; это было то самое чувство, которое такъ часто въ уединенныхъ мечтахъ расширяло мое сердце, хотя не было еще никакого плана, какъ въ Петербургѣ, гдѣ я постоянно мечталъ о счастья жениться и постоянно завидовалъ тѣмъ людямъ, которые могли жениться въ первой молодости. Вѣдь я, главнымъ образомъ, жалѣлъ и о томъ, что я въ Саратовѣ, потому что живучи здѣсь, я потерялъ 2 года для прiобрѣтенiя себѣ возможности жить, т. е. содержать какъ должно жену. Но и то правда, что я чувствовалъ къ ней несравненно болѣе сильную привязанность, чѣмъ напр. къ Кобылиной—какое же сравненiе! То просто мысли въ досужное время о хорошенькой дѣвушкѣ съ весьма добрымъ сердцемъ, и—еще болѣе—дѣвушкѣ, которая хорошо одѣвается и живетъ не въ грязномъ (хотя довольно пошломъ) кругу. Да и казалась ли она мнѣ хорошенькой? Я постоянно сомнѣвался въ ея красотѣ. Въ

⁵⁶) Въ страницѣ рукописи 40—42 строки, такъ что цифра 27 не совсѣмъ понятна. Можетъ быть это считано по первымъ страницамъ—въ полъ-листа и тѣ были написаны болѣе скато. 30 буквъ—тоже непонятно; если считать съ сокращенiями, ихъ 57—60, а если, полностью, то гораздо больше 80.

нѣкоторыхъ позахъ ея лицо дѣйствительно красиво; но въ иныхъ позахъ оно мнѣ рѣшительно не нравилось. Но особенно моему желанію считать ее весьма хорошенькой мѣшало то, что ея лицо весьма часто имѣло глупенькое выраженіе, т. е. на немъ совершенное отсутствіе мысли, когда оно не одушевлено дѣтскою веселостью. Мало того—слишкомъ часто, почти постоянно, когда глаза ея не блестятъ огнемъ дѣтской радости, выраженіе ея лица напоминало мнѣ пошлое и прямо глупое выраженіе лица А. Θ. Р. И было постоянно совѣстно, что мнѣ нравится ребенокъ, потому что, наконецъ, она рѣшительно дитя, мало того, что по лѣтамъ, еще болѣе потому, что совершенно не развита въ умственномъ отношеніи. Кромѣ того, я чувствовалъ и совѣстился, что главнымъ образомъ мнѣ нравится въ ней то, что они довольно роскошно живутъ и что она всегда хорошо одѣта, т. е. въ дорогомъ платьѣ и т. д. — это мнѣ было рѣшительно совѣстно. Поэтому, увидѣвши даже Патрикѣву я совершенно забылъ о Кобылиной.

Почему же я думалъ сутокъ двое послѣ вечера на святкахъ у Шапошниковыхъ о Патрикѣвой и съ удовольствіемъ любезничалъ съ ней въ первый вечеръ у Акимовыхъ, т. е. 26 января? Главнымъ образомъ потому, что это была первая дѣвушка, съ которой я говорилъ смѣло, съ которой любезничалъ—меня радовала моя смѣлость, мое любезничаніе. Я думалъ не о ней, а о томъ, что я смѣло любезничаю съ нею.

Но когда я увидѣлъ О. С. я, рѣшительно, потерялъ всякую охоту смотрѣть на Патр. и говорить съ ней и, если иногда говорилъ, то единственно изъ совѣстливости, чтобы не заставить ее огорчиться моимъ слишкомъ большимъ невниманіемъ. Патрикѣва даже не казалась мнѣ хорошенькою. У нея нѣтъ въ лицѣ того глупенькаго выраженія, какъ у Кобылиной, нѣтъ ни одной позы, въ которой она абсолютно не правилась бы, какъ есть такія позы у Кобылиной, но за то она рѣшительно ужъ не хороша. Выраженіе ея лица гораздо лучше, но черты лица гораздо хуже. И въ 40 лѣтъ она не будетъ вовсе хороша. А теперь она недурна, главное особенно дурнаго въ ея лицѣ нѣтъ ничего, но и хорошенькой можетъ быть названа только потому, что у нея весьма молоденькое личико и что держитъ себя довольно свободно. Правда, что въ ней нѣтъ ничего, чтобы мнѣ не нравилось, какъ въ большей части другихъ дѣвицъ; правда, что она лучше многихъ. Но за то вѣдь на тѣхъ я смотрю съ рѣшительно неприятнымъ чувствомъ, не люблюсь ими, а чувствую какую то неприятность.

А, О. С.? Во-первыхъ, она рѣшительно хороша собою, какъ мнѣ показалось тогда — теперь я нахожу, что она красавица и она въ самомъ дѣлѣ красавица. Но тогда мнѣ показалась просто весьма хорошенькою. И тогда ужъ готовъ я былъ сказать, что по чертамъ лица она гораздо лучше всѣхъ, кого я видѣлъ въ Саратовѣ — въ Петербургѣ вѣдь я никого не видѣлъ (кромѣ той хорошенькой дѣвушки на выставкѣ и молоденькой хозяйки Ив. Вас. Писарева въ Семеновскомъ полку на вечерѣ—но это я видѣлъ слишкомъ мелькомъ и слишкомъ изда-лека и только любовался ими, какъ картинками, никакъ не болѣе. А дама въ бѣль-этажѣ въ оперѣ на послѣднемъ представленіи, когда я сидѣлъ въ креслахъ? Ужъ это дѣйствительно только любовался и болѣе ничего, еще менѣе чего нибудь другого, чѣмъ въ тѣхъ двухъ случаяхъ; всего этого нельзя даже сравнить съ

тѣмъ, какъ я любовался Кобылиною дѣйствительно ⁵⁷⁾. Конечно, мнѣ ничье лицо не нравилось такъ, какъ ея лицо или, по настоящему говоря, только глядя на нее, не чувствовалъ сомнѣнiя въ томъ, что она дѣйствительно мнѣ нравится, что она дѣйствительно хороша.

А она въ самомъ дѣлѣ хороша! Въ самомъ дѣлѣ хороша! Увлекательно хороша!

Но еще болѣе мнѣ нравится живость, бойкость, инициатива ея характера и обращенiя. Никогда ее не надо выпрашивать, она сама требуетъ — это рѣшительно необходимо при моемъ характерѣ, который необходимо долженъ всегда дожидаться, чтобы имъ управляли, чтобы говорили: дѣлай то-то и то-то, дѣлай вотъ что; при моемъ характерѣ, который лишень всякой инициативы, но это то и замѣчательно, потому что я, рѣшительно, въ душѣ, по существу, а не по однимъ умственнымъ убѣжденiямъ демократъ. Я всегда долженъ слушаться, нехотя слушаться того, что мнѣ велятъ дѣлать; я самъ ничего не дѣлаю и не могу дѣлать — отъ меня должны требовать и я сдѣлаю все, что только отъ меня потребуютъ; я долженъ быть подчиненнымъ, какъ всегда и былъ и даже подчиненъ былъ людямъ, которыхъ ставилъ ниже себя, напр. Срезневскому, а не управляющимъ имъ; вѣдь, напр., и въ классѣ я хотѣлъ бы говорить то, что хотятъ слушать ученики, хотѣлъ бы ставить такiя отмѣтки, какiя долженъ ставить по ихъ мнѣнiю. Такъ и въ семействѣ я долженъ играть такую роль, какую обыкновенно играетъ жена, а у меня должна быть жена, которая была бы главою дома. А она именно такова. Это то мнѣ и нужно. Пусть мнѣ говорятъ: живи такъ, ѣшь то, ложись тогда то, поѣзжай со мною туда то, купи то-то; пусть мнѣ говорятъ: я хочу, чтобы образъ нашей жизни былъ таковъ, чтобы наши деньги употреблялись такъ-то. Да, у нея много характера. Я буду имѣть, конечно, много влiянiя на нее, но она будетъ имѣть на меня гораздо болѣе. Что же выйдетъ? У меня характеръ мнительный, робкiй, неувѣренный въ самомъ себѣ, поэтому постоянно наклонный къ унылости, тоскѣ. Если случалось, что у меня гости и что они не придаютъ своего направленiя разговору, у меня тотчасъ является унылость и вялость, скука и тоска. Но если въ людяхъ, съ которыми я сижу, господствуетъ какое нибудь истинно опредѣленное расположенiе духа, т. е. какая нибудь живость и не тоскливость, я всегда поддаюсь ему и самъ отъ души становлюсь живъ и веселъ. Такова именно она. Она разольетъ живость, веселье на нашу жизнь и мы будемъ жить игриво, „припѣваячи“, именно припѣваячи, съ постоянною улыбкою и радостью въ моемъ сердцѣ.

Не дай Богъ, чтобы моя жена подчинялась моему расположенiю духа. Тогда у насъ было бы страшное унынiе и тоскливость. Напр., еслибъ въ родѣ Кат. Матв. Патрикѣвой — она стала бы ходить повѣсивъ голову, какъ хожу я, если предоставленъ самъ себѣ, тосклива бы была наша жизнь. И она завяла бы, и я изнывалъ бы, глядя на нее и на себя.

У нея именно такой характеръ, какой нуженъ для моего счастья и радости. Эта одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой я хочу имѣть своею женою именно ее.

Какая завлекательность въ обращенiи вслѣдствiи этого. Этой завлекательности

⁵⁷⁾ Одно слово неразборчиво.

нельзя противиться. Смѣло, бойко, рѣшительно она овладѣваетъ тобою и радостно идешь, куда ведетъ она. И какъ является, бывало, она у Акимовыхъ, кто царствуетъ? Она, она царствуетъ надъ всѣми, она душа всѣхъ и всего, всѣ смотрятъ на нее, всѣ хотятъ говорить съ ней, всѣ думаютъ о ней. Для всѣхъ почти кажется это кокетствомъ; кокетство, можетъ быть и есть въ ней, но его въ сущности должно быть довольно мало, менѣе, чѣмъ въ другихъ. Нѣтъ, то, что она увлекаетъ, дѣлается безъ особаго желанія кокетничать съ ея стороны. Нѣтъ, въ ея характерѣ то, что когда она держитъ себя рѣшительно непринужденно, такъ какъ ея характеръ велитъ ей держать себя, она увлекаетъ всѣхъ.

Это вторая причина по моей программѣ ⁵⁸⁾.

3. — чрезвычайная доброта сердца (много случаевъ, назову только 2: кадрили съ Сахаровымъ, чтобы онъ не огорчился тогда, когда ей хотѣлось танцевать съ Пал., и то что давала цѣловать руку Шапошникову у Чесн.) — а со мной сколько разъ эта доброта проявлялась! Постоянно, постоянно! Чрезвычайная мягкость характера, необыкновенная мягкость — рѣшительно, въ ней нѣтъ упрямства, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда капризовъ.

И эта доброта, эта мягкость, это веселье при ея положеніи, несносномъ положеніи въ семействѣ! Да, этотъ характеръ переработаетъ меня, не поддастся моей склонности къ апатіи, вялости, а сдѣлаетъ меня похожимъ на нее! А сколько случаевъ доброты со мной! Постоянно! Напр. хотя 5 кадрили въ маскарадѣ, которую хотѣла она танцевать съ Веден. ⁵⁹⁾ Да развѣ я не дѣлалъ постоянно выходки глупыя, неловкія? Сердилась ли она на нихъ? Развѣ я не держалъ себя весьма глупо, т. е. не пользовался случаемъ сидѣть съ ней, говорить съ ней, какъ она сама предлагала мнѣ. Развѣ я не былъ весьма часто, рѣшительно, глупъ? бѣте? Развѣ я не постоянно вель себя такъ, что ко мнѣ шла поговорка: *si jeunesse savait!* А развѣ я не называлъ ее постоянно кокеткою, большею частью весьма не кстати, т. е. при людяхъ, при людяхъ, при которыхъ это вовсе не слѣдуетъ говорить? Развѣ я не цѣловалъ ея руку всегда весьма холодно, по принужденію, говоря, что это я дѣлаю только потому, что она этого хочетъ? Развѣ мало и говорилъ я ей и дѣлалъ съ ней такого, что рѣшительно раздражало бы, оскорбляло бы всякую другую дѣвушку? А теплое искреннее пожиманіе моей руки?

Боже мой, сколько въ ней ума и такту!

Боже мой, если бъ во мнѣ была хоть сотая доля этого такту! Я говорю не про неловкость мою, это мелочность, это другое — а про тактъ, котораго я у себя нахожу болѣе, чѣмъ у другихъ!

Обошлась ли она, при всей страстности, эксцентричности (не говорю уже о *bêtise*, глупости, недогадливости) моихъ поступковъ и моего характера, со мной хоть разъ невопадъ? Нѣтъ, нѣтъ! Всегда, всегда какая пронизательность и какой тактъ! Ни разу ни одного слова, ни одного движенія неудачнаго!

Но теперь я знаю ея умъ лучше, чѣмъ раньше. Она, рѣшительно, умнѣе всѣхъ, кого только я ни видывалъ! Это гениальный умъ! Это гениальный тактъ!

⁵⁸⁾ Эта программа приведена дальше.

⁵⁹⁾ Вѣроятно съ „Веденяинымъ“.

Передь ней я чувствую себя почти также, какъ въ старые годы чувствовалъ себя передь Вас. Петр. въ иные разы при разговорахъ по политикѣ⁶⁰⁾...

Нужно только будетъ развить этотъ умъ, этотъ тактъ, серьезными, учеными бесѣдами и тогда посмотрѣть, не долженъ ли я буду сказать, что у меня жена M-me Staël! И тогда посмотрю, кто будетъ имѣть право сказать, что я принадлежу женщинѣ, равной которой нѣтъ въ исторіи. Боже мой, это я пишу безъ восторженности, если угодно холодно, я между тѣмъ пишу такія вещи, которыя рѣшительно для меня смѣшны по своей страшной самонадѣянности, по своему страшному удивленію къ ней! Но этого я не побоюсь думать! Я буду гордиться ею и не буду сомнѣваться въ справедливости⁶¹⁾ моей гордости.

Прямота — она сама говорить, что у нея не можетъ быть скрытности, что она вся наружу — и это дѣйствительно такъ: кто скажетъ, какъ она, на мой вопросъ: „Но я долженъ сказать, что дѣлаю это (говоря, что я ея женихъ) только потому, что думаю, что дѣлаю этимъ услугу вамъ?“ — при ея умѣ и провинцальности она, конечно, видѣла, что держитъ меня рѣшительно въ рукахъ и что можетъ заставить меня дѣлать, что угодно, и вовсе не имѣетъ необходимости отвѣчать на этотъ вопросъ „да“, чтобы удержать меня — „почти“. Нѣтъ, мы говоримъ такія вещи, что должны говорить прямо, къ чему это „почти“ — говоря рѣшительно. Боже мой, какъ это глупо. Боже мой, какъ это глупо, какая глупѣйшая невыносимѣйшая навязчивость тамъ, гдѣ и такъ ясно — „Если хотите „почти“ можно выпустить“ ну, кто скажетъ это?

(Боже мой, какъ мнѣ хочется видѣться съ ней — мало ли что нужно переговорить съ ней, — но главнымъ образомъ, чтобы спросить ее, что ей во мнѣ не нравится, чтобы постараться уничтожить въ себѣ эти стороны).

Въ ней чрезвычайное благородство, какъ слѣдствіе ума, доброты, мягкости сердца, деликатности, такта, прямоты, но, наконецъ, какъ даръ природы. О, какъ много благородства! Оно во всемъ! И ни капли принудительности, притворства! Развѣ она чѣмъ нибудь измѣнила свое обращеніе съ тѣхъ поръ, какъ рассчитываетъ на меня? Развѣ она старается показать мнѣ больше привязанности, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть? Развѣ она оставляетъ мнѣ хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что можетъ быть влюблена въ меня? „Вы мнѣ нравитесь. Вы хорошій человекъ. Вы умный человекъ.“ — Развѣ она притворяется чѣмъ нибудь передо мной, чтобы больше завлечь меня.

Наконецъ, отчасти слѣдствіе всего этого вмѣстѣ, — рѣшительное отсутствіе пошлости; пошлости, которую вижу почти во всѣхъ, на кого смотрю съ вниманіемъ, кого считаю стоящимъ того, чтобы смотрѣть, есть ли въ ней пошлость, или нѣтъ. Нѣтъ, я никогда не могъ взглянуть на нее съ высока, какъ смотрю на Ник. Ив.⁶²⁾, какъ смотрю на Ан. Ник.⁶³⁾, не говоря уже о другихъ (Евг. Ал.⁶⁴⁾ человекъ, не имѣющій ничего блестящаго, отличнаго — онъ просто человекъ, ограниченный человекъ). Напримѣръ, хотя это нѣжности, любезности — есть ли въ нихъ что нибудь приторнаго? Что нибудь отталкивающаго, какъ напр., въ проявленіяхъ нѣжности Ник. Ив. или А. Ник. Подъ приторнымъ я

⁶⁰⁾ Нѣсколько словъ неразборчиво.

⁶¹⁾ Это слово неразборчиво.

⁶²⁾ Ник. Иван. Костомаровъ.

⁶³⁾ Анна Никаноровна Пасхалова, в послѣдствіи (1854) жена Д. Л. Мордовцева.

⁶⁴⁾ Вѣроятно Евг. Ал. Бѣловъ.

понимаю не притворное—въ этихъ двухъ людяхъ его нѣтъ, а что то такое, что неприятно. Вообще, нѣжные чувства рѣдко, весьма рѣдко можно видѣть безъ того, чтобы, кромѣ радости, они не внушали какого то неприятнаго чувства. У нея этого нѣтъ.

Умъ, благородство, прямота! Нѣтъ, подобное ей существо едва ли найду я, если потерю ее!

И какая разсудительность, осторожность при видимой чрезвычайной свободѣ. Т. е. она не хочетъ остерегаться почти никогда; но развѣ она позволяетъ себѣ что нибудь въ самомъ дѣлѣ неосторожное? Какъ она всегда удерживаетъ мою неосмотрительность.

Наши прѣхали изъ церкви. Иду внизъ.

Одна половина программы кончена. Послѣ обѣда другая.

Да будешь ты счастлива, какъ достойна того.

З часа. Продолжаю.

Ей хочется избавиться отъ своихъ неприятныхъ отношеній къ матери, которая ее терпѣть не можетъ. Это вещь, которая описана у меня раньше⁶⁵⁾. Вообще, какъ скоро человѣкъ въ тяжеломъ положеніи, и я могу помочь ему, у меня рождается къ нему любовь, и если это собственно отъ меня зависитъ, я всегда исполню все, что онъ отъ меня потребуетъ. Я говорю это не въ похвальбу себѣ. Итакъ, это была одна изъ главныхъ причинъ, по которой я согласился. Но еслибъ я не чувствовалъ къ ней слишкомъ сильной привязанности раньше, за ея качества, а не за ея положеніе, конечно, я бы не пожертвовалъ собою. Напр., для Кат. Матв. я никогда не рѣшился бы, хоть она весьма добрая дѣвушка.

На меня чрезвычайно много подѣйствовала ея довѣрчивость ко мнѣ. Вѣрно она понимаетъ мой характеръ и вѣрно я кажусь ей хорошимъ человѣкомъ, честнымъ, благороднымъ человѣкомъ, если она рѣшилась поступить такъ въ отношеніи ко мнѣ. А если она понимаетъ меня такъ, какъ я въ самомъ дѣлѣ, и все-таки рѣшается выйти за меня, значитъ, она думаетъ быть счастлива со мною. А ума и провицательности, чтобы понять, у нея слишкомъ достаточно. Достаточно и разсчетливости, разсудительности, чтобы не обмануться въ своихъ соображеніяхъ о томъ, хороша ли будетъ ея жизнь со мною. Но мнѣ ея довѣріе ко мнѣ чрезвычайно льститъ.

Послѣ, какъ я увидѣлъ глупость своей первой привязанности, весьма пустой и слабой, и привязанности, которая и тогда не была довольно честна, чтобы увѣрить меня въ томъ, что она достаточна, что она не обольщеніе праздною фантазіи, чѣмъ она и была, потому что долго я не могъ бы ей доставить средствъ жить такъ, какъ теперь она живетъ, я обратился къ мыслямъ болѣе достойнымъ порядочнаго человѣка. Я сначала обольстился блескомъ, который окружаетъ дѣвицу, принадлежащую къ семейству, живущему на широкую ногу. Но потомъ я увидѣлъ мелочность, пустоту этого чувства, вовсе не достойнаго порядочнаго или сколько нибудь умнаго человѣка. Я понялъ, что для счастья въ супружеской жизни, и особенно для счастья моего, необходимо, чтобы моя жена была рѣшительно довольна своимъ положеніемъ, я не могу видѣть вокругъ себя недовольство

⁶⁵⁾ Вѣроятно въ первой тетради дневника.

Знаешь ли как дела идут в кафе суда, обдумать, как об
и вы как градоу а тому какому бы не было с ф а
и о том бы ф омаде "б. л. д. в. л. к. е. с. ", друг л. "Н
л. "А и в н. а. с. р. л. о. а. e. л. и. o. i. e. л. u. n. o. o. e. l. i. t. a. n. o. u. s. o. u. t. n. y. f. e. e. i. n. d. e. b. i. t. ?

граф - 1 л. у а став
всего же не было бы в городе нова заграб тут д
и-но бме о е рн вад. Все оу ораи сирь ф ораи ивее
а ф зати и вадоб: сиз бив за ф залузи и с и норео
и зиди и рид, и зиди об об риди. Лис. А оиди. ф
едара вати об вати. "Мби к к ма ивире ф и о
адфи на ие сробом вброеи сив ивир о ии с ф." "
и ф о з б ф и л. подиал б. Лис. Мби на зиди ф, а л и л
и, и обиди ф рид, об ивире и зиди ф рид зид о зотер
и вфви вногви. А став мб и т к мб мб зотер
т а оиди ф."

Факсимиле дневника Н. Г. Чернышевского, 1853 г.

чѣмъ бы то ни было, тѣмъ болѣе недовольства мною. Для довольства своимъ положеніемъ нужно во-первыхъ то, чтобы человекъ никогда не думалъ, что его положеніе (матеріальныя условія для жизни) хуже того, чѣмъ могли бы быть. Слѣдовательно, для счастья жены необходимо, чтобы она никогда не имѣла мысли о возможности найти себѣ лучшую партію, чѣмъ ея мужъ. Говоря попросту, я пришелъ къ мысли, что никакъ не долженъ жениться на дѣвушкѣ, которая была бы по своему положенію въ обществѣ выше меня. Сначала, и почти до самаго 15 или 16 февраля во мнѣ преобладала крайность и я хотѣлъ жениться не иначе, какъ на весьма нуждающейся дѣвушкѣ, на дѣвушкѣ, которая была бы весьма бѣдная и безпомощная, чтобы она всю жизнь радовалась и тому немногому довольству, какимъ бы пользовалась со мною и какого никогда не видывала раньше. Но когда я узналъ О. С., эта мысль у меня ослабѣла. „Еслибъ можно было жениться на ней“, думалъ я. „Но она можетъ составить лучшую партію“, думалъ я. „Я не вправѣ дѣлать ей предложеніе; можетъ быть она не осмотрѣвшись хорошенько, ослѣпленная моею любовью, и согласилась бы, но какъ я буду лишать ее лучшаго жребія“.

Но вотъ она сама выбираетъ меня—если такъ, я счастливъ.

Хорошо. Это все равно, матеріальная ли или нравственная невыгодность положенія заставляетъ считать дѣвушку жизнь со мной, несравненно выше, чѣмъ ея прежняя жизнь. Все-таки остается сущность моего образа мыслей, остается нарушеннымъ цѣлое правило, которое я поставилъ себѣ . . . .⁶⁵⁾ для женитьбы: выйти за меня замужъ представляется ей не потерю, а выигрышемъ. Она такъ умна и разсудительна и тверда, что не раскается въ этомъ предпочтеніи. Хорошо. Я спокоенъ, моя совѣсть чиста. Я могу безъ упрека себѣ предаться своему влеченію. „Ты говоришь, для тебя жить со мною лучше, чѣмъ жить теперь. Я счастливъ, что мои надежды на счастье съ тобою встрѣчаются съ твоими мыслями о счастье со мною“. „Я не обманываю тебя, я не лишаю тебя ничего такого, о чемъ бы ты могла пожалѣть послѣ. Хорошо. Ты можешь располагать мною; я самъ не смѣлъ бы никогда дерзнуть на это, чтобы не ослѣпить, не обольстить тебя своимъ пламеннымъ языкомъ, не заставить тебя забыть о расчетахъ, про забвеніе которыхъ ты могла бы пожалѣть впоследствии. Я счастливъ тѣмъ, что ты разчитала и видишь, что не будешь жалѣть о томъ, что осчастливила меня“.

Я могу безъ упрека совѣсти стать твоимъ мужемъ. А могу ли я безъ упрека совѣсти отказаться отъ этого счастья? Нѣтъ. Я бы сталъ вѣчно говорить себѣ: ты могъ помочь и не рѣшился помочь, когда требовали твоей помощи. Ты подлецъ, ты трусъ, ты мерзавецъ, tu es lâche—низкій, гадкій, трусливый, подлый человекъ.

Я принялъ вызовъ наслажденія, какъ вызовъ битвы принялъ бы. (Егип. ночи, Пушкина).

Отказаться было бы вѣчнымъ позоромъ для меня. Я на вѣки потерялъ бы возможность уважать себя.

Я на вѣки остался бы заклеименъ презрѣніемъ въ своихъ глазахъ. Я былъ бы несчастливъ, я мучился бы собственнымъ презрѣніемъ. Я не могъ не поступить такъ, какъ поступилъ.

⁶⁵⁾ Одно слово неразборчиво, вѣроятно—закономъ. См. приложенное факсимиле.

А совѣтоваться съ родными? Есть случаи, въ которыхъ никто не долженъ спрашивать ничего совѣта. Это тѣ случаи, когда чувствуешь себя обязаннымъ сдѣлать такъ, а не иначе. Если они будутъ согласны — лишнее спрашивать ихъ; если бы не согласились — я потерялъ бы право спрашивать ихъ совѣта, потому что не послушался бы его.

А если они не согласятся теперь потому, что она покажется имъ слишкомъ вѣтрена? Объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. Вотъ кратко мои мысли: „Вотъ какова она по моему убѣжденію. Вы не убѣждаетесь, что она такова въ самомъ дѣлѣ и что мнѣ кажется такъ. Вы не довѣряете мнѣ. Что же я за человѣкъ послѣ этого. Мнѣ лучше не жить. Я рѣшительно спокоенъ. Даю вамъ столько то времени на размысленіе. Если вы не согласитесь, я убью себя, потому что лучше умереть, чѣмъ быть человѣкомъ безчестнымъ и безхарактернымъ. Лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ счастья“. И они согласятся, потому что я буду говорить рѣшительно спокойно и они увидятъ, что я сдержу слово. А если не согласятся? Я дѣйствительно убью себя. Убью и только. Я не переживу своего безчестія, но я умру все-таки безчестнымъ, потому что связалъ себя обѣщаніемъ, которое выполнить не въ состояніи. Но къ чему я говорю вздоръ? Развѣ Папенька и Маменька будутъ въ самомъ дѣлѣ противиться! Не думаю, не ожидаю этого. Много-много если имъ не совсѣмъ пріятно будетъ согласиться, но навѣрное согласятся, не доводя меня до такихъ угрозъ. Я, если нужно, я спокойно сдержу свои угрозы. Маменька не переживетъ моего самоубійства. Жаль. Но зачѣмъ же была такъ самонадѣянна, такъ малодовѣрчива ко мнѣ, чтобы доводить меня до этого? Зачѣмъ поставила меня въ такое положеніе? Мнѣ горько будетъ убить ее, еще болѣе горько будетъ то, что взявши на себя обѣщаніе выше моихъ силъ, я связалъ на нѣсколько времени О. Сокр. — но что же дѣлать? Ссориться я не могу, умереть я могу. А если они скажутъ: „дай раньше узнать ее?“ — „Нѣтъ, нечего узнавать, я ее знаю, жить съ ней мнѣ, а не вамъ. Если я такой дуракъ, что даже въ этомъ дѣлѣ нельзя предоставить меня собственной волѣ, куда же я гошусь? Да или нѣтъ, и черезъ часъ или вы побѣдете знакомиться съ родными моей невѣсты, или я убью себя“. Это я сдѣлаю. Это для меня не трудно даже. Это въ моемъ характерѣ.

Во мнѣ, говорятъ Николай Ивановичъ и Анна Никанорова, мало фантазіи — вотъ вамъ доказательство на бумагѣ, какой я фантазеръ. Вѣдь серьезно обдумываю, какъ поступить въ такомъ случаѣ, который рѣшительно невозможно ожидать. Вѣдь рѣшительное сопротивленіе моихъ родныхъ рѣшительно невѣроятно. А я все-таки принимаю его въ расчетъ серьезно, и уже обдумалъ все. Жаль, что не припасъ еще завѣщанія. Я смѣюсь надъ своими глупыми опасеніями. Но если бы, противъ всякой возможности, случилось такъ, какъ представляетъ мнѣ возможнымъ моя необузданная фантазія, конечно, я рѣшительно хладнокровно поступилъ бы такъ, какъ думаю поступить. Теперь только одно колебаніе — выборъ рода смерти. Вѣроятно, (о, какой положительный человѣкъ! — самъ люблюсь на свою нелѣпую фантазію) запасусь къ тому времени ядомъ. Если ядъ не успѣю запасти, думаю, что лучше всего будетъ разрѣзать себѣ жилы. Все-таки, предварительно, прочитаю, какъ древніе поступаютъ въ этомъ случаѣ, напр. Сенека. Если не успѣю получить положительныхъ свѣдѣній, чтобы усидѣть открытія (жилы) были несомнѣнно, зарѣжусь чѣмъ нибудь, только не бритвою, потому что это слишкомъ

невѣрно. А убить себя все-таки убью, если понадобится, конечно. Ужь это вѣрно. Однимъ словомъ—

Что мнѣ крѣпкій замокъ,
Караулъ, ворота (въ случаѣ несогласія родныхъ)

Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,
А съ тобою, мой другъ,
Мнѣ и жизнь ни по чемъ.

Смѣшно. А пишу совершенно серьезно. Знаю, что сопротивленіе невозможно. А ужъ приготовился къ нему и знаю, что сдѣлаю, если оно будетъ. Но, само собою разумѣется, глупо ожидать его.

Ну, такого смѣшнаго, нелѣпаго, (и вмѣстѣ такого сомнѣнія въ случаѣ возможности сопротивленія, т. е. возможности невозможнаго) эпизода не найдется, вѣроятно, въ моей памяти.

Продолжаю. Я не могу отказаться. Это было бы безчестно. Я бы покрывлся позоромъ въ своихъ глазахъ.

Мало этого. Я бы мучился сознаниемъ своего безсилія рѣшиться на чтонибудь. „Не посмѣлъ, не посмѣлъ, подлець, принять счастья, не спросивъ Паленьки и Маменьки; не посмѣлъ рѣшиться на свое счастье, потому что это важный шагъ— а, да ты, дѣйствительно, такая дрянь, какою считалъ себя! Ты, братецъ, ни на что не способенъ! Славная, ты братецъ, тряпка! Вотъ ужъ истинный Гамлетъ“.

Я, дѣйствительно, тогда сталъ бы Гамлетомъ въ своихъ глазахъ, мысль, которая и безъ того ужъ постоянно меня мучаетъ. Тогда я на вѣкъ не освободился бы отъ нея. Теперь я спокоенъ. Теперь я чувствую себя человѣкомъ, который въ случаѣ нужды можетъ рѣшиться, можетъ дѣйствовать, а не существомъ изъ числа тѣхъ крысъ, которыя собирались привязывать звонокъ на шею коту.

О, какъ мучила меня мысль о томъ, что я Гамлетъ. Теперь вижу, что нѣтъ; вижу, что я тоже человѣкъ, какъ другіе; правда не такъ много имѣющей характера, какъ бы желалъ имѣть, но все-таки человѣкъ не совсѣмъ безъ воли, однимъ словомъ человѣкъ, а не совершенная дрянь. Меня мучило бы (еслибъ я поступилъ не такъ, какъ поступилъ 19 февраля въ четвергъ)⁶⁷⁾ и то, что я поступилъ съ такимъ благороднымъ существомъ, какъ О. С., неделикатно, грубо, негуманно, что я человѣкъ безчувственный. Какъ тяжело ей должно было поставить меня въ такое положеніе, какъ она поставила меня! Какъ дорого это усиліе должно было ей стоить! А я все-таки не пожалѣлъ ее, не тронулся ея положеніемъ! Развѣ не тяжелъ ей былъ вызовъ? Значитъ я долженъ былъ принять его, если во мнѣ есть хоть скольконибудь способности сочувствовать тяжелому положенію—и значитъ, положеніе тяжело, когда она рѣшается на такія вещи. Я не тронулся этимъ! Да послѣ этого я былъ бы скотина, свинья! Да послѣ этого я не могъ никакъ не

⁶⁷⁾ 19 февраля было сдѣлано предложеніе.

быть убѣжденъ въ томъ, что я деревянный человѣкъ, что я безчувственный человѣкъ, что я поступилъ по свински, что я безчувственная скотина.

(Иду внизъ къ Маменькѣ. Тамъ, конечно, буду дѣлать дѣло. Именно поправлю свои цифры въ словарѣ)⁶⁸. (Продолжаю въ 10^{1/2} часовъ).

Почему я долженъ имѣть невесту.

Мнѣ жаль ее, мнѣ совѣстно передъ собою не дать руки, которую хотѣли взять, чтобы выйти изъ напасти.

Да, что жъ, наконецъ, я дѣлаю здѣсь? И до какихъ поръ это будетъ продолжаться? Жить здѣсь, значить терять свою карьеру. Будетъ ли у меня довольно силъ, чтобы вырваться отсюда? Два года я прожилъ здѣсь, въ теченіе которыхъ я два раза собирался рѣшительно уѣхать и все-таки не уѣхалъ — почему это другое дѣло — отчасти по апатіи, отчасти изъ сожалѣнія оставить Маменьку — доказали⁶⁹, что у меня нѣтъ рѣшимости уѣхать отсюда, если меня не принудятъ обстоятельства, а какія обстоятельства, кромѣ женитьбы, могутъ заставить меня сдѣлать это? Здѣсь я жить женатый не могу: во-первыхъ, потому, что никогда не буду имѣть средствъ къ жизни — на 1400 р. не прожить; во-вторыхъ потому, что я здѣсь буду всегда въ зависимости отъ Маменьки, или долженъ буду постоянно имѣть непріятности съ ней, потому что ея мысли объ образѣ жизни вообще, тѣмъ болѣе объ отношеніяхъ семейной жизни, рѣшительно не сходятся съ моими; — нѣтъ, довольно и того, что я живу въ подчиненіи, но чтобы моя жена должна была подчиняться комунибудь, т. е. чтобы я сталъ подчиняться комунибудь въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ, т. е. въ повиновеніи ей, а моя жена подчинялась комунибудь и чемунибудь въ образѣ своей жизни — нѣтъ, это уже слишкомъ.

Да и можетъ-ли она поладить здѣсь съ Маменькой? Нѣтъ, потому что не она будетъ главою семейства. Другое дѣло, если Маменька пріѣдетъ жить съ нами въ Петербургъ, — весьма радъ, потому что тамъ она будетъ гостья, будетъ пользоваться всѣмъ уваженіемъ, всякою предупредительностью отъ насъ, а мы, т. е. моя жена, будетъ главою дома. Однимъ словомъ, здѣсь жить женатый я не могу. А я долженъ, я хочу жениться, слѣдовательно, ужъ по одному этому я долженъ ѣхать въ Петербургъ. А моя карьера? Неужели я долженъ остаться учителемъ гимназіи, или быть столоначальникомъ, или чиновникомъ особыхъ порученій съ перспективою быть ассесоромъ? Какъ-бы то ни было, а все-таки у меня настолько самолюбія еще есть, что это для меня было-бы убійственно. Нѣтъ, я долженъ поскорѣе уѣхать въ Петербургъ. А я не могу ѣхать, если обстоятельства меня не заставятъ. Какія-же обстоятельства? Служебныя? Я увѣренъ, что меня теперь вытѣснятъ, а я скорѣе поставлю все вверхъ дномъ и останусь, если ужъ на то пошло. Я не хочу, чтобы кто-нибудь могъ сказать, что принудилъ меня къ тому-то, тѣмъ болѣе . . . . .⁷⁰). Нѣтъ, я слишкомъ самолюбивъ, чтобы позволить такъ повернуться дѣламъ. Остается одно — пріобрѣтеніе возможности жениться. Да не просто въ случаѣ возможности жениться, а по необходимости жениться.

⁶⁸) Словарь къ Ипатѣвской лѣтописи.

⁶⁹) Т. е. два года.

⁷⁰) Нѣсколько словъ не разборчиво.

Мысль о женитьбѣ только тогда подѣйствуетъ на меня, когда я буду думать не „я хочу жениться“, а когда я буду знать, что я долженъ жениться, что мнѣ ужъ нельзя не жениться, однимъ словомъ, когда я буду не человѣкъ, который думаетъ жениться, а когда я буду женихъ. Когда-же я буду женихомъ? Если не стану теперь, если не стану женихомъ О. С. какъ теперь, чѣмъ-же женихомъ я буду? (объ этомъ послѣ). И такъ я долженъ стать женихомъ, чтобы уѣхать отсюда; безъ этого у меня не достанетъ силъ уѣхать отсюда, покинуть Маменьку. Я долженъ уѣхать. Безъ этого одного ужъ я несчастливъ на всю жизнь. И такъ я долженъ стать женихомъ О. С., чтобы получить силу дѣйствовать, иначе —
на путь по душѣ крѣпкой воли мнѣ нѣтъ.

Ну, хорошо. Если бы даже я уѣхалъ отсюда? Я ужъ испыталъ прелесть отношеній съ дѣвицами черезъ отношенія къ О. С. Эта прелесть уже увлекаетъ меня. И вотъ что я буду дѣлать въ Петербургѣ? Я долженъ скоро и рѣшительно, не развлекаясь ничѣмъ, устраивать свои дѣла. А если я явлюсь въ Петербургъ не женихомъ, я буду увлеченъ въ женское общество своею потребностью; что же выйдетъ? То, что я буду заниматься двумя дѣлами—работою и женскимъ обществомъ, если угодно—волокиствомъ и мыслію о волокитствѣ, т. е. это у меня будетъ не волокитство, а потребность любви и отыскиваніе любви. И любовь помѣшаетъ работѣ. Да еще на меня стануть имѣть виды господа, имѣющіе дочерей и т. п.—устою-ли я противъ ихъ увлеченій, самъ увлекаюсь своимъ сердцемъ? Нѣтъ. И я буду гоняться за двумя зайцами, и одно—работу—упущу. Да, и какой мой характеръ? Развѣ я не бездѣльничая вообще все время, когда мнѣ нѣтъ рѣшительной необходимости работать? Слѣдовательно, у меня должна быть необходимость работать и окончить, устроить свои дѣла быстро и скоро. Что жъ можетъ заставить меня работать, не теряя времени? Только одно: „я имѣю невѣсту, которая ждетъ меня и долженъ поскорѣе устроить свои дѣла такъ, чтобы она была моею женою“.

Кромѣ этого я ничего не вижу, чтобы могло меня заставить не терять времени въ пустыхъ работахъ . . . .⁷¹⁾ со стороны, напр. Срезневскаго. Э. Боже мой, да я у него могу нахватать разнаго соотрудничества, такъ что мои собственные дѣла будутъ постоянно отлагаться. Да, онъ будетъ настаивать, а я постараюсь тянуть. Я не могу кончить работы иначе какъ тогда, если мнѣ данъ срокъ, къ которому я долженъ ее кончить; такъ, напр., и мой словарь никогда не былъ бы отдѣланъ, если бы не рѣшительная мысль ѣхать въ Петербургъ въ декабрѣ. А уѣхалъ-ли я? Нѣтъ. И такъ я долженъ быть женихомъ. Вотъ невѣста. Если ужъ этотъ случай не будетъ схваченъ мною, какой можетъ быть другой случай, столь прекрасный, столь счастливый, столь понудительный?

Хорошо. Я, пожалуй, поѣду въ Петербургъ. Тамъ года два не устрою своихъ дѣлъ, какъ должно, если не буду принужденъ къ этому необходимостью. Въ эти два года я постарѣю много, истрачу лучшій пылъ сердца, сдѣлаюсь разсчитливѣе въ выборѣ. Да и кто мнѣ понравится послѣ нея? И вотъ сколько лѣтъ пропадетъ у меня! Богъ знаетъ сколько! И вотъ мнѣ 32 года, и вотъ я долженъ жениться на 25-лѣтней отцвѣтшей дѣвушкѣ, и вотъ мнѣ 50 лѣтъ, а мои старшіе дѣти еще мальчики, еще дѣвочки. А я хочу свѣжей любви, а я хочу долго любо-

⁷¹⁾ Одно слово неразборчиво.

ваться, наслаждаться молодостью жены. Да и какія дѣвицы въ Петербургѣ? Вялая, блѣдная, какъ Петербургскій климатъ, какъ Петербургское небо. Нѣтъ, я не хочу ихъ. Да у нихъ будетъ семейство тутъ, да у моей жены, если она изъ Петербурга, будутъ различнаго рода матери, тетки, братцы и т. д.—я ихъ не хочу. Я не хочу, чтобы у насъ былъ кто нибудь, кромѣ меня и моей жены, чтобы ей надували въ уши, что обыкновенно надуваютъ въ уши г-жи родственницы. Нѣтъ, моя невѣста должна быть не изъ Петербурга. Если не женюсь теперь на ней, когда-же? Богъ знаетъ, когда, вѣроятнѣе всего—никогда. Чтобы я женился, нуженъ подобный случай. А подобный случай требуетъ подобной дѣвицы—найдется-ли еще хоть одна такая на моемъ пути? Что же? Я долженъ буду отыскивать въ Петербургѣ блѣдную, вялую, золотушную, чахоточную красавицу. Или ѣхать въ качествѣ кандидата въ женихи въ Саратовъ. Господи Боже мой! Что это за чепуха! Я не долженъ выпускать этого чуднаго случая. Не долженъ, или я погибъ. И я беру и благословляю руку, которая такъ довърчиво, такъ счастливо для меня протянута ко мнѣ. Не найти мнѣ подобной руки. Беру ее, благословляю ее! О, да будешь ты благословенна, да будешь ты счастлива?

Это все написано въ среду 4 марта.

Продолженіе. Пишу 5 марта въ 12^{1/2} час. утра.

Мнѣ должно жениться уже и потому, что черезъ это я изъ ребенка, каковъ я теперь, сдѣлаюсь человѣкомъ. Исчезнетъ тогда моя робость, застѣнчивость и т. д.

Наконецъ, мнѣ должно жениться, чтобы стать осторожнѣе. Потому что, если я буду продолжать такъ, какъ началъ, я могу попасться въ самомъ дѣлѣ. У меня должна быть идея, что я не принадлежу себѣ, что я не вправѣ рисковать собою, иначе, почему знать? Развѣ я не рискну? Должна быть какъ защита противъ демократическаго, противъ революціоннаго направленія и этою защитой ничто не можетъ быть, кромѣ мысли о женѣ.

Итакъ, я долженъ необходимо жениться.

Долженъ-ли я жениться на ней?

Объ этомъ я ужъ говорилъ съ одной стороны, съ той стороны, что я и раньше нашего разговора въ четвергъ 19 февраля чувствовалъ къ ней сильную привязанность и думалъ, что для моего счастья необходима такая жена, какъ она.

Что будетъ, если я женюсь на ней? Я никогда не смогу найти такого прекраснаго существа, какъ она; мой выборъ будетъ всегда неравненно хуже, чѣмъ тотъ счастливый случай, который представился мнѣ теперь. Потому что я знаю, что у меня нѣтъ ни довольно проницательности, ни довольно опытности, чтобы предохранить себя отъ хитрости обмана, наконецъ, ...⁷²⁾ Гдѣ мнѣ искать, гдѣ кому нибудь найти такую дѣвушку? Такую чистую, такую благородную, такую умную, такую красавицу? Кто лучше ея изъ тѣхъ, которыхъ называютъ здѣсь красавицами? Я во всякомъ случаѣ не знаю, и вѣрно никто мнѣ не будетъ такъ нравиться.

Наконецъ, у меня есть еще одно желаніе—фантастическое желаніе,—это можетъ быть,—но глубокое, давно уже зародившееся и все развивающееся болѣе и болѣе; сильное желаніе—не желаніе даже, а глубокая потребность . . . .⁷³⁾ на всемъ моемъ характерѣ:

⁷²⁾ Одно слово неразборчиво.

⁷³⁾ Одно слово неразборчиво.

Я хочу любить только одну во всю жизнь.

Я не хочу, чтобы у меня было о комъ-нибудь и какія-нибудь воспоминанія, кромѣ какъ о моей женѣ.

Я хочу, чтобы мое сердце не только послѣ брака, но и раньше брака, не принадлежало никому кромѣ той, которая будетъ моей женой.

Кромѣ этого, я хочу поступить теперь въ обладаніе своей женѣ и тѣломъ, не принадлежавъ ни одной женщинѣ, кромѣ нея. Я хочу жениться дѣвственнымъ и тѣломъ, какъ будетъ дѣвственна моя невѣста — для этого я долженъ жениться скорѣе, потому, что я слишкомъ долго не могу удержаться цѣломудреннымъ; я не хочу попасть къ женщинѣ, кромѣ своей жены. Поэтому ужь я долженъ не медлить женитьбою.

А что теперь? Какъ ни говори, какъ ни увѣрай себя, что то, что я чувствую къ ней, еще не любовь, — все-таки это любовь.

Да не въ названіи дѣло, дѣло въ томъ, что глубже чувства, которое внушаетъ она мнѣ, я не испытывалъ, и что это чувство такъ глубоко, что воспоминаніе о немъ никогда не пропадаетъ изъ моего сердца. И въ объятіяхъ жены, если это будетъ не она, я буду помнить: „А было время, мое сердце принадлежало другой. Другъ мой, я не всю свою жизнь, не всю свою душу отдалъ тебѣ. Часть жизни моей души принадлежитъ не тебѣ. Не ты моя первая любовь“. Это будетъ мнѣ мучительно. Я буду ревновать себя за свою жену къ О. С., къ моей первой любви. Я этого не хочу. Пусть у меня будетъ одна любовь. Второй любви я не хочу.

Все это весьма идеально, можетъ быть весьма смѣшно, но что-жь дѣлать? Мало-ли есть въ моемъ характерѣ такого, что для другихъ должно показаться смѣшнымъ и отъ чего все-таки я не могу и не хочу освободиться.

Итакъ, такъ будь ты моею единственною любовью, если только это возможно, если только ты согласна!

Долженъ сказать, что я пишу это нисколько не разгоряченный, — да и отъ чего мнѣ разгорячаться? Уже шестой день, какъ я не видѣлъ ее, а что теперь имѣетъ на меня какое нибудь вліяніе, кромѣ ея присутствія?

Итакъ, я люблю ее. Я не надѣюсь найти другую, къ которой бы я могъ такъ сильно привязаться; я даже не могу представить себѣ, никакъ не могу представить себѣ, чтобы могло быть существо болѣе по моему характеру, болѣе по моему сердцу, чтобы какой-бы то ни былъ идеаль былъ выше ея, я не могу даже вообразить себѣ ничего выше, лучше ея. Она мой идеаль, но идеаль не потому, чтобы я идеально смотрѣлъ на нее: я вижу ее, какъ она есть, я не украшаю ее въ моемъ воображеніи, нѣтъ — потому что въ ней все, что можетъ быть лучшаго, все, что можетъ плѣнять, обворожать, заставить биться радостью и счастьемъ мое сердце.

Это женщина, съ которою я буду счастливъ, какъ только можно быть счастливымъ отъ женщины. Въ ней мое счастье, въ ней.

Она выбираетъ меня — значить она думаетъ найти во мнѣ свое счастье. Это всего важнѣе; безъ этого я никогда бы не рѣшился для своего счастья рисковать ея счастьемъ. Она думаетъ быть счастлива со мною — хорошо; если такъ, я не буду колебаться.

Потому что у меня одно колебаніе: будешь ли ты счастлива со мною; что я буду счастливъ съ тобою, объ этомъ нечего и толковать, какъ нечего толковать о томъ, что днемъ на небѣ бываетъ солнышко.

Вот мои мысли (конечно, кромѣ мысли, что она выберетъ меня, приметъ мою руку) при началѣ разговора съ ней. Я не сознавалъ ясно, но я чувствовалъ ясно, что мой разговоръ, къ которому я готовился въ пятницу и который я началъ въ четвергъ, кончится съ моей стороны тѣмъ, что я сдѣлаю ей предложеніе.

Я хотѣлъ его сдѣлать, я готовился къ нему.

Но раньше я долженъ былъ, какъ честный человѣкъ, высказать ей мои сомнѣнія о томъ, что должна она связать свою судьбу со мной.

Я сдѣлалъ это, потому что — какъ угодно, а въ сущности я честный человѣкъ, и я правду говорю, когда говорю передъ собою и повторяю ей:

Твое счастье для меня дороже моей любви.

Тяжело было для меня говорить такъ, какъ я говорилъ съ нею. вмѣсто любви, вмѣсто восторга, вмѣсто языка жениха, языкъ человѣка, который говоритъ: пожалуйста не рѣшайте выходить за меня замужъ!

Чѣмъ бы это могло кончиться? Этотъ разговоръ могъ бы быть чрезвычайно ⁷⁴)..... для моего счастья.

Но я все таки началъ этотъ разговоръ и высказалъ все, что долженъ былъ высказать.

Я поступилъ, какъ честный человѣкъ.

И она выслушала этотъ грубый языкъ, она выслушала его и поняла мои рѣчи въ ихъ истинномъ смыслѣ; не оттолкнула меня за мой грубый совѣтъ „откажитесь отъ мысли быть моей женой“.

Она поняла, что я говорю, какъ честный человѣкъ, что говорю это не для того, чтобы мнѣ хотѣлось заставить ее оттолкнуть меня, — что было бы тогда со мною, я не знаю, — а потому, что я долженъ былъ сказать ей, за кого она выходить.

Она поняла, что я не ломаюсь, что я говорю искренно, по чувству обязанности сказать все, а не потому, что хотѣлъ отказаться отъ ея руки. Кто бы понималъ это? Она поняла!

Кто бы не оскорбился этимъ? Она не оскорбилась!

О, какъ это возвысило мое уваженіе къ ней! О, какъ это возвысило мою увѣренность въ томъ, что я буду счастливъ съ нею, и что она не будетъ несчастна со мною!

Я не знаю равной тебѣ. Ты согласна—я счастливъ!

Да будешь ты счастлива!

Да будетъ у меня одно счастье въ жизни— счастье тѣмъ, что ты счастлива!

Моя жизнь будетъ посвящена твоему счастью.

Я пишу это совершенно холодно. Я теперь далекъ отъ всякой экзальтаціи, отъ всякаго преувеличенія. Я спокоенъ, я говорю мысль, которая никогда не покинетъ меня, потому что она имѣетъ источникомъ мой характеръ и мое знаніе себя, а не какую нибудь горячность.

Я разсуждаю о моихъ чувствахъ, я теперь не увлекаюсь ими.

Насколько твое счастье зависитъ отъ меня, отъ моихъ силъ, отъ моей безграничной преданности, ты будешь счастлива!

5¹/₂ час. вечера, 5 марта, четвергъ. Начинаю писать свои размышленія о ней.

⁷⁴) Это слово неразборчиво.

Первый, самый главный, единственный вопрос, отъ котораго разрѣшенія зависить мое счастье, это вопросъ, котораго я стыжусь:

Не играть ли только мною она? Я рѣшительно говорю: нѣтъ.

Но я человѣкъ мнительный и долженъ записывать свои сомнѣнія. Чтобы и въ послѣдствіи можно было видѣть, что я не увлекался, а дѣйствовалъ по совѣсти и разсудку, конечно движимый сильнымъ, глубокимъ, нѣжнымъ, но вовсе не слѣпымъ чувствомъ.

Я пишу ихъ и изъ ненависти къ этой глупой сторонѣ моего характера — мнительности, робости, опасенію встрѣтить противодѣйствія, несчастія, горе, непріятности тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ и не можетъ быть. Эта сторона моего характера должна быть безжалостна казнена, и я казню ее страшнымъ образомъ, выставляю на негладимый позоръ этимъ записываніемъ.

Стыдись, малодушный! (вотъ истинное названіе для меня)!..

Стыдись, малодушный, своего глупаго малодушія — вотъ оно выставляется тебѣ самому на показъ, чтобы ты могъ послѣ, когда продолжишь борьбу съ этою гнуснѣйшею, подлѣйшею, наконецъ вреднѣйшею стороною своего характера, который, скажу безъ самохвальства — былъ бы безукоризненъ, если бы въ немъ не было этой стороны, — чтобы тогда ты могъ видѣть ее на бумагѣ неизгладимо заклеяною тѣмъ самымъ, что она выставлена цѣликомъ, какъ есть, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній — ты увидишь ее и она будетъ поражена всякій разъ, какъ ты помотришь на ея изображеніе во всей ея гнусности.

Мнѣ тяжело, — о, какъ тяжело писать то, что я буду писать, — но я напишу все. Я казню себя тѣмъ, что пишу. Я не щажу никогда никого, потому что озлобленъ противъ себя тѣмъ, что во мнѣ есть такая гнусность; тѣмъ болѣе, не пощажу своей гнусности, этого источника моего ожесточенія.

Пусть, когда развѣятся мои глупыя сомнѣнія, когда мнѣ придетъ охота отказаться отъ нихъ, у меня *на бумагѣ* (останется) неизмѣнное доказательство того, какъ я былъ глупъ со своими опасеніями, и тогда я буду всегда имѣть право сказать себѣ, если бы начались снова подобныя опасенія: посмотри, какъ былъ ты глупъ — ты и теперь будешь также глупъ, если не подавишь своихъ глупыхъ сомнѣній; сомнѣнія были во мнѣ — не противъ ея — нѣтъ; въ отношеніи къ ней у меня не было сомнѣній, не было подозрѣній, оттого что она слишкомъ благородна и пряма, чтобы у нея могли быть отъ меня тайны, когда она увидитъ, что со мной не нужно имѣть тайнъ.

Нѣтъ, не противъ нея, а сомнѣнія относительно моихъ житейскихъ, служебныхъ, литературныхъ, политическихъ отношеній. Сомнѣнія противъ нея — они и теперь нелѣпы; я и теперь не обращаю вниманія на нихъ, а послѣ, если я буду такъ счастливъ, что блаженство жить для нея будетъ моимъ удѣломъ — послѣ у насъ не будетъ никакихъ недоразумѣній; я буду знать о ея жизни, о ея чувствахъ ко мнѣ и къ другимъ, о всѣхъ ея отношеніяхъ все, что заслуживаетъ быть извѣстнымъ, все, что имѣетъ хоть малѣйшую важность для меня или для нея.

Опять какой горячій языкъ, — а вѣдь я пишу рѣшительно спокойно! Я пишу такъ же спокойно, какъ говорю: „Солнце освѣщаетъ землю“ — что жъ дѣлать, что о солнцѣ нельзя не употреблять сильныхъ выраженій, какъ бы спокойно ни говорилъ о немъ; — что же дѣлать, что о ней нельзя не писать величественныхъ, торжественныхъ мыслей, какъ бы холодно ни писалъ. Она сама виновата въ томъ,

что самыя спокойныя, холодныя размышленія о ней, излагаясь какъ нельзя проще и спокойнѣе, все таки имѣють какой-то возвышенный характеръ. О возвышенномъ самыя холодныя мысли возвышенны.

Играеть ли она мною? И я думаю это! Нѣтъ, я не думаю это, а въ моей гнусной мысли, малодушной фантазіи есть эти гнусныя мысли, и я ихъ выдаю на позоръ. Можетъ быть, — клеветаетъ на нее мое необузданное малодушіе, — она просто видитъ въ тебѣ простака, который безъ памяти влюбленъ въ нее и съ которымъ она можетъ дѣлать, что ей угодно — вѣдь это даръ Божій! Ей хочется выйти замужъ. Она имѣетъ надежды, что можетъ быть посватается ей кто нибудь, кто кажется ей лучше тебя, напр. Палимпсестовъ. Но какъ дѣвушка весьма умная, видитъ, что это не легко; можетъ быть это будетъ, можетъ быть то и не будетъ. А ей хочется выйти замужъ поскорѣе. Ну, вотъ она и взяла тебя про запасъ — будетъ прискивать себѣ жениховъ, увидитъ, что нѣтъ возможности выйти ни за кого, кромѣ тебя, — „ну, нечего дѣлать, пойду за этого глупенькаго простака“, — вѣдь ей весьма несносно жить въ домѣ — „онъ всетаки избавитъ меня отъ матери, а тамъ, когда выйду за него, посмотримъ, что будетъ“.

Низко, братъ, низко, стыдись этихъ мыслей.

Иду пить чай. Буду продолжать по возвращеніи.

Продолжаю 6 марта, пятница, 9 часовъ утра.

„Плохо, если не найду никого; нечего дѣлать, тогда пойду за этого простака. Онъ мнѣ вовсе не нравится. Что жъ такое? Можно будетъ жить и съ нимъ, потому что онъ будетъ моимъ лакеемъ. Я буду имъ управлять. Онъ мнѣ не будетъ мѣшать ни въ чемъ, я съ тѣмъ и пойду, и такъ буду держать его, чтобы онъ не смѣлъ ревновать и, однимъ словомъ, всетаки жить съ послушнымъ мужемъ лучше, чѣмъ жить съ нетерпящею меня матерью“. (Это я хватилъ уже черезъ чуръ — я излагаю въ этихъ строкахъ свои сомнѣнія яснѣе и рѣзче, чѣмъ они представляются мнѣ).

Итакъ, я игрушка ея, я запасной дворянинъ, я лицо, о которомъ говорится въ пословицѣ: „за немѣнѣемъ маркитанта служить и булочникъ“⁷⁵⁾.

Но положимъ, что, наконецъ, не найдутъ ей другого жениха. Она выйдетъ за меня. Что тогда будетъ? Она будетъ вести себя такъ, какъ ей вздумается. Окружить себя въ Петербургѣ самую блестящую молодежь, которая только будетъ доступна ей по моему положенію и по ея знакомствамъ, и будетъ себѣ съ ними любезничать, кокетничать; наконецъ, найдутся и такіе люди, которые заставятъ ее перейти границы пустого кокетства. Сначала она будетъ остерегаться меня, недоувѣрять мнѣ, — но потомъ, когда увидитъ мой характеръ, будетъ дѣлать все, не скрываясь. Сначала я сильно погорюю о томъ, что она любитъ не меня, потомъ привыкну къ этому положенію, у меня явится *resignation*, и я буду жалѣть только о томъ, что моя привязанность пропадаетъ неопѣненная, т. е. звать ее она будетъ, но будетъ считать ее не слѣдствіемъ нѣжности моей привязанности и моихъ убѣжденій о правѣ сердца быть всегда свободнымъ, а слѣдствіемъ моей глупости, моей ослиной влюбленности. И у меня общаго съ ней только то, что мы будемъ жить въ одной квартирѣ и она будетъ располагать моими доходами.

Я перестану на это время любить ее. У нея будетъ самое грустное располо-

⁷⁵⁾ Это слово не совѣмъ разборчиво.

женіе духа. Но быть рѣшительно въ расноряженіи у нея я не перестану. Только въ одномъ стану я тогда независимымъ отъ нея: нѣкоторою частью денегъ я буду располагать самъ, не передавая ихъ ей — буду употреблять ее на посылки и подарки своимъ роднымъ. Что будетъ послѣ? Можетъ быть ей надоѣсть волокитство, и она возвратится къ соблюденію того, что называется супружеская обязанность, и мы будемъ жить безъ взаимной холодности; можетъ быть даже, когда ей надоѣдятъ легкомысленныя привязанности, она почувствуетъ нѣкоторую привязанность, ко мнѣ, и тогда я снова буду любить ее, какъ люблю теперь.

Ну, это до крайности нелѣпо. Эти мысли оскорбительны для нея, недостойны меня. Я знаю, что онѣ глупы, рѣшительно ложны. Что этого никогда не будетъ. Будетъ она любить меня, или просто будетъ чувствовать только нѣкоторую благодарность мнѣ за мою привязанность, но вертопрашничать она не будетъ. Но если бы я былъ рѣшительно увѣренъ, что такъ будетъ — чтобы я сдѣлалъ! Я зналъ бы, что черезъ бракъ съ ней буду несчастливъ, но я не отступлю отъ своего обязательства и если бы даже она сама мнѣ сказала: „я выхожу за тебя только для того, чтобы пользоваться рѣшительно свободою, дѣлать, что мнѣ угодно, любезничать со всѣми, съ кѣмъ захочу“ — я все таки сказалъ бы: „какъ вамъ угодно, такъ и живите; я сказалъ, что повѣнчаюсь на васъ, и прошу васъ ѣхать въ церковь вѣнчаться. Пусть будетъ, что будетъ. Я готовъ на все. Вамъ угодно, чтобы я былъ вашимъ мужемъ — я готовъ. Вы будете моею женою и будете совершенно свободны“.

Изъ чего же возникаютъ мои сомнѣнія? Изъ моего характера, прежде всего. Мнѣ нужны слишкомъ ясныя доказательства, что мною не пренебрегаютъ, что я не надоѣлъ, что я не противенъ. Мнѣ всегда кажется, когда напр. я сижу у когонибудь, или ктонибудь сидитъ у меня, что онъ со мною скучаетъ, что я пришелъ не во время и т. д. Мнѣ трудно убѣдиться въ томъ, что я на своемъ мѣстѣ, что я въ хорошихъ отношеніяхъ къ комунибудь. Но этотъ поводъ скоро уничтожится, если она въ самомъ дѣлѣ будетъ привязана ко мнѣ. Напр. убѣдился же я, что Николаю Ивановичу ⁷⁶⁾ я не мѣшаю, что онъ не пренебрегаетъ мною; точно также и относительно Евгенія Александровича ⁷⁷⁾ Чеснокова, Малышева ⁷⁸⁾ и т. д. Слѣдовательно, за это нечего бояться, это пройдетъ весьма скоро, вѣроятно, раньше моего отъѣзда въ Петербургъ весной.

Другой источникъ — мнѣ говорили (Палимпсестовъ). „Она истаскана“ (конечно, сердцемъ) — „она растеряла свои чувства и уже не способна любить“. Это и теперь на меня не дѣйствуетъ, потому что я ставлю себя выше другихъ и ихъ мнѣнія для меня не имѣютъ никакого вѣсу. Я способенъ, чѣмъ они, понимать такихъ людей, какъ О. С.; странно было бы, если бы религіозныя мнѣнія Николая Ивановича или Анны Никаноровны имѣли хотя малѣйшее дѣйствіе на меня. — Я выше по ясности взгляда, я лучше ихъ понимаю эти вещи, поэтому они, говоря мнѣ, заставляютъ меня только одобрительно улыбаться: „друзья мои, вы ничего тутъ не понимаете, вы городите страшную чепуху“. То же самое, только въ гораздо большей степени, и съ этими толками о томъ, что она истаскана, что она растратила чувства. „Милые мои, вы говорите благородно, предупреждая меня,

⁷⁶⁾ Костомарову.

⁷⁷⁾ Бѣлова.

⁷⁸⁾ Эта фамилія написана неразборчиво.

что вамъ кажется вотъ какъ. Но вы въ сущности люди съ грязною душою. Вы не можете понимать, что такое за разница между любезничаньемъ, которое не касается до сердца, и между сердечною привязанностью. Вы не способны понимать ее. Неужели вамъ кажется, что она любить кого нибудь изъ тѣхъ, съ кѣмъ любезничаетъ, кому кружить головы? Если хотите, она любить такъ, какъ любить напр., тебя, мой милый Ѳедоръ Устиновичъ ⁷⁹⁾, Елена Васильевна Акимова—но вотъ видите: О. С. рѣшительно другой человѣкъ—ея сердце не истощено этимъ чувствомъ—она гораздо выше, и ея сердце остается рѣшительно дѣвственнымъ. Ея любовь еще впереди. Меня она полюбитъ, или другого, я не знаю. Можетъ быть и не найдетъ она человѣка, котораго полюбила бы истинною любовью, который бы занялъ мѣсто, въ самомъ дѣлѣ, въ ея сердцѣ, Но дѣло въ томъ, что ея сердце до сихъ поръ еще дѣвственно. И что касается, напр. до тебя, мой милый, мой благородный другъ, Ѳедоръ Устиновичъ, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ смѣшно было слушать, когда ты говорилъ, что Елена Васильевна тебѣ нравится, а О. С. не можетъ нравиться, что у Ел. Вас. милое кокетство, а у О. С. кокетство, которое было бы отвратительно, если бы она не была такъ умна, и что въ Ел. Вас. ты былъ влюбленъ, а О. С. никакъ не могла тебѣ нравиться—это, мой милый, препотѣшно было мнѣ слушать послѣ того, какъ ты говорилъ о томъ, что у О. С. истощилось сердце, а у насъ съ тобою дѣвственное сердце; нелѣпо, мой милый, потому что, во первыхъ, напрасно, значить, ты говоришь о дѣвственности своего сердца: ты, мой милый, не понимаешь, что такое дѣвственность сердца, но еще потѣшнѣе видѣть, что ты не понимаешь разницы между Ел. Вас.—пустенькой, глупенькой и поэтому пошленькой дѣвченкою, которая была и будетъ пошленькой вертопрашницею, и между такимъ возвышеннымъ существомъ, какъ О. С., существомъ съ такою глубокою и благородною натурою. Смѣшно (и въ самомъ дѣлѣ мнѣ было смѣшно, хотя мнѣ вовсе не до смѣха, какъ скоро дѣло касается отношеній и чувствъ О. С. ко мнѣ), весьма смѣшно! Дай тебѣ Богъ здоровья, ты честный человѣкъ, но—извини—ты рѣшительно глупъ и пошлый человѣкъ, и эти слова, мой милый Ѳед. Уст.—увы, остались безъ всякаго дѣйствія на меня! Мой милый, напрасно ты трудился, хотя я благодаренъ тебѣ за твои честныя, благородныя усилія просвѣтить меня. Извини—мнѣ стыдно такъ сказать о человѣкѣ, который показалъ мнѣ истинную дружбу, но *amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas*—ты, рѣшительно, похожъ на свинку, которая доказывала бы человѣку, что напрасно онъ ѣстъ апельсинны, потому что желуди гораздо лучше ей нравятся. Славный ты человѣкъ! Но не далъ тебѣ Богъ способности понимать многого на свѣтѣ. И есть натуры, которыя выше тебя, напр. хотя и О. С., и о нихъ ты, мой милый, не судья. Ты производишь на меня тоже впечатлѣнїе, какъ человѣкъ, который сталъ бы говорить мнѣ, что Вольтеръ, Луи Бланъ и Прудонъ, Искандеръ и Гоголь ему не нравятся, потому что слишкомъ много въ нихъ цинизма, а что Булгарина и Масальскаго читаетъ онъ съ большимъ удовольствїемъ.

Но теперь гораздо важнѣе. Теперь мои собственныя сомнѣнїя, которыя кажутся мнѣ, конечно, непрїятны, но наконецъ нуждаются въ самомъ дѣлѣ въ разъясненїи. И я не знаю, весьма вѣроятно, что я даже буду говорить о нихъ съ О.

⁷⁹⁾ Палимпсестовъ.

С. Я знаю, что это не такъ, какъ мнѣ представляется, но наконецъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ представляется это. Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ во мнѣ есть эти мысли.

„Не хитритъ ли она со мною? Не завлекаетъ ли она меня обдуманно, не предполагаетъ ли она, что я могу не сдержать своего обѣщанія прѣхать сюда какъ можно скорѣе сватать ее, не хочетъ ли она заставить меня жениться на ней до отъѣзда моего въ Петербургъ?“ Если такъ, зачѣмъ не сказать это прямо? Тогда я представлю свои возраженія. Если она не убѣдится ими, я съѣлаю, какъ ей угодно. Объ этомъ долженъ поговорить съ ней. Я начну: „О. С., какъ вы думаете, я хитрю сколько нибудь съ вами? Вы не увѣрены сколько нибудь, что я въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно, въ вашихъ рукахъ?“ и потомъ разговоръ пойдетъ, какъ приведется. Можетъ быть приведетъ онъ меня и къ тому, что я спрошу ее: „А вы не хитрите со мною?“ И попрошу ее выслушать мои сомнѣнія.

Зачѣмъ она говорила мнѣ о двухъ своихъ женихахъ, Харьковскомъ (250 душъ) и Кіевскомъ (1000 душъ)? Въ дѣйствительности существованія перваго я не сомнѣваюсь. Но второй не придуманъ ли впоследствии для эффекта? Мнѣ что то нѣсколько подозрителенъ этотъ кіевскій женихъ. Дѣйствительно, несомнѣнно, что тамъ ухаживалъ за ней какой нибудь молодой богатый человѣкъ. Но хотѣлъ ли онъ прѣхать сюда, чтобы ее сватать? Не просто ли это сказано для того, чтобы сказать мнѣ другими словами: женись на мнѣ теперь? Потому что, если отложишь до зимы, то я выйду за другого? И отчего это „женись теперь“? Оттого ли, что ей хочется поскорѣе вырваться изъ своего семейства? Это еще весьма невинно и даже хитрость ея въ этомъ случаѣ не имѣетъ ничего дурнаго. Но не происходитъ ли это отъ мысли: „Кто тебя знаетъ, удержишь ли ты свое слово прѣхать? Я должна ковать желѣзо, пока оно горячо“, — если такъ, я скажу ей въ первый разъ — и въ послѣдній разъ, — потому что это единственный случай, въ которомъ я долженъ сказать ей „нѣтъ“, — подобнаго другого случая не можетъ быть — я скажу ей: Нѣтъ, если вы такъ мало вѣрите искренности, и серьезности, и прочности моей привязанности, вамъ рано выходить за меня. Должно подождать. Я рискую страшно, но долженъ раньше рисковать. Я уйду, не женившись на васъ. Что я прѣйду за вами, вы увидите. Я рискую. Потому что, если такъ мало вы надеетесь на прочность моей привязанности, вы не станете дожидаться меня, и, если представится случай, выйдете за другого. Но что жъ дѣлать, я лучше готовъ пожертвовать своимъ счастьемъ (я пишу это для себя, потому пишу, какъ думаю, и пишу все, что думаю — тутъ нѣтъ испытанія для нея, тутъ есть только то, что я пишу), чѣмъ связывать вашу судьбу съ моей, пока мои обстоятельства еще не устроены и заставляютъ васъ или нуждаться, или содержать меня на свои деньги нѣсколько мѣсяцевъ“.

То, что говорила она, будто бы, Вусловской, что въ половинѣ поста она дастъ слово или мнѣ или Яковлеву, нисколько на меня не дѣйствуетъ. Это что нибудь не такъ.

Ну, теперь мои сомнѣнія относительно ея кончены. Теперь перехожу къ другимъ мыслямъ.

И во первыхъ, о моихъ отношеніяхъ къ Паленькѣ и Маменькѣ. Что можетъ быть изъ моего сватовства? Согласятся ли они, чтобы я сваталъ ее? Можетъ быть ея дурная репутація слишкомъ хорошо извѣстна имъ и не согласятся. Если будетъ рѣшительное несогласіе, я ужъ написалъ, какъ я поступлю. Однимъ словомъ,

они меня не остановятъ, потому что я не хочу ихъ слушать въ этомъ случаѣ. Но правъ ли я буду передъ ними? Вотъ другой вопросъ. Я сильно огорчу ихъ. Это такъ. Но это меня не колеблетъ. Пусть огорчатся, это будетъ прискорбно для меня. Но что жъ дѣлать? Это такой случай, что слишкомъ большая деликатность вовсе тутъ не у мѣста. Не объ огорченіи дѣло, а о томъ, правъ ли я буду передъ ними, вправъ ли я не слушаться ихъ?

Когда предлагаются подобныя вопросы, отвѣтъ извѣстенъ: я въ правѣ такъ сдѣлать. Въ правѣ ли я, или нѣтъ такъ сдѣлать, но я твердо убѣжденъ, что въ правѣ, и вотъ почему:

Они не судьи въ этомъ дѣлѣ, потому что у нихъ понятія о семейной жизни, о качествахъ, нужныхъ для жены, объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, о хозяйствѣ, образѣ жизни, рѣшительно не тѣ, какъ у меня. Я человекъ рѣшительно другого міра, чѣмъ они, и какъ странно было бы слушаться ихъ относительно, напр., политики или религіи, такъ странно было бы спрашивать ихъ совѣта о женитьбѣ. Это вообще. Въ частности—они, рѣшительно, не знаютъ моего характера и того, какая жена нужна мнѣ. Въ этомъ дѣлѣ можетъ быть судьей, могъ бы быть напр.—ищу, ищу и не найду, потому что никто не можетъ войти въ мой характеръ и въ мои понятія, кромѣ меня самого. Можетъ быть со временемъ, когда рѣшительно убѣдится въ томъ, что я дѣйствительно таковъ, какъ изображаю ей себя, только О. С. Это все равно, что совѣтоваться съ ними, напр., о своихъ отношеніяхъ къ А. Ник. Пасхаловой. Они тутъ рѣшительно ничего не понимаютъ. А отъ этого дѣла зависитъ мой миръ съ самимъ собою и—вѣроятно—мое счастье. Какіе же тутъ совѣты отъ людей, положимъ весьма любящихъ меня, но которыми, рѣшительно, нельзя растолковать ни того, что такое О. С., ни того, что такое я, ни того, какова должна быть, по моимъ понятіямъ, жена. Этого мало. У меня къ О. С. рѣшительно особыя отношенія, которыя понять могутъ только весьма немногіе, напр. А. Ник. Пасхалова. (Я думаю и Ник. Ив., хотя не совсѣмъ), а ужъ вовсе не Маменька. Но если бы, напр., моя Маменька была и такова, какъ Анна Ник., т. е., если бы ей можно было объяснить и если бы она могла сочувствовать этимъ отношеніямъ, то и тутъ: развѣ эти отношенія таковы, что могутъ быть рассказаны кому нибудь? Нѣтъ, имъ не въ правѣ я рассказывать; Ольгѣ С. и то не должно, потому что они слишкомъ странны, а я не въ правѣ, я былъ бы подлецомъ, если бы высказалъ бы хоть однимъ намекомъ на нихъ кому бы то ни было. „Она хочетъ выйти за меня“—какъ хорошо рассказывать эти отношенія! А эти отношенія—одно изъ самыхъ главныхъ обстоятельствъ и безъ нихъ ничего нельзя понять. Слѣдовательно, я не могу, не смѣю, не въ правѣ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было, тѣмъ болѣе съ людьми, которыми чужды всѣ понятія, всѣ отношенія этого дѣла. Я былъ бы подлецомъ, если бы сталъ совѣтоваться.

Мнѣ не должно совѣтоваться, наконецъ, и для того, чтобы не лицебритъ болѣе передъ собою, какъ и передъ ними. Развѣ я послушаюсь ихъ мнѣнія? Да, въ сущности, развѣ я не дѣлалъ всегда такъ, какъ мнѣ казалось нужнымъ, а всегда только прикрывался ихъ волею. „Какъ вамъ угодно, такъ я и сдѣлаю“. — „Я сдѣлалъ такъ потому, что мнѣ казалось, что вамъ такъ угодно“, а въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ такъ, какъ мнѣ было угодно. Къ чему это лицебріе? Оно гнусно, оно лживо. Пора его бросить.

Пора, наконецъ, перестать выставлять себя мальчишомъ, который все спра-

шивается — „Что прикажете?“, а самъ дѣлаетъ, вовсе не обращая вниманія на приказанія. Пора дѣйствовать прямо и самостоятельно, какъ дѣйствуютъ всѣ другіе.

Но я все таки чувствую нѣкоторое сожалѣніе, что не могу высказать свои намѣренія, т. е. сказать имъ, что О. С. мнѣ весьма нравится, что, если будетъ можно, я приѣду изъ Петербурга просить ея руки, но что, конечно, я не знаю, дастъ ли она ее мнѣ. Мнѣ тяжело скрываться отъ нихъ. Но что дѣлать? Не могу я сказать это потому, что это слишкомъ рано. Это значило бы толковать о томъ, что еще слишкомъ невѣрно. Потому что развѣ я увѣренъ, что она выйдетъ *за меня*, а не за другого? До тѣхъ самыхъ поръ, какъ я поѣду изъ Петербурга въ Саратовъ, или теперь до тѣхъ самыхъ поръ, какъ я поѣду въ Петербургъ весною, я не долженъ говорить ни одного слова. Однимъ словомъ, дѣло находится въ такомъ положеніи, что пока должно быть еще тайною. Я не имѣю склонности скрытничать. Скорѣе я болтушка. Но что дѣлать? Тайну я долженъ хранить, когда ее должно хранить.

Но я буду виновать передъ ними, что огорчу ихъ, потому что этотъ выборъ, вѣроятно, не понравится имъ?

Въ одномъ я почти рѣшительно увѣренъ, что мысль „не понравится“, покажется „слишкомъ верченою, слишкомъ кокеткою“, что эта мысль одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ произведеній моей фантазіи, которыя рождаетъ она въ такомъ огромномъ количествѣ. Скорѣе понравится. Гораздо скорѣе. А если не понравится? Что жъ дѣлать, долженъ отвѣчать обыкновенною фразою: „не вамъ жить съ нею, а мнѣ“. Что дѣлать? Не я виновать, что вы такъ мало полагаетесь на меня, что вы (особенно Маменька) слишкомъ самонадѣянны, такъ что вамъ непремѣнно только то хорошо и разсудительно, что дѣлается по вашему; что дѣлать? Кто виновать, что вы никакъ не хотите понять, что могутъ быть лица, понятія, отношенія, которыя чужды вашему кругу понятій. Вы слишкомъ самонадѣянны, такъ что же мнѣ дѣлать? Не пожертвовать же своимъ счастьемъ и своею *честью* вашей самонадѣянности“.

Наши приѣхали отъ обѣдни. Кончаю писать. Примусь послѣ обѣда. Теперь 12 часовъ.

Остается нѣсколько минутъ до обѣда, могу посидѣть въ своей комнатѣ, потому что Маменька занята разливаніемъ чаю, котораго я пить не хочу.

Я созданъ для повиновенія, для послушанія, но это послушаніе должно быть свободно. А вы слишкомъ деспотически смотрите на меня какъ на ребенка. „Ты и въ 70 лѣтъ будешь моимъ сыномъ и тогда ты будешь меня слушаться, какъ я до 50 лѣтъ слушалась Маменьки“. Кто жъ виновать, что ваши . . . ⁸⁰⁾ такъ велики, что я долженъ сказать: въ пустякахъ, въ томъ, что все равно,—а раньше этими пустяками были важныя вещи,—я былъ послушнымъ ребенкомъ. Но въ этомъ дѣлѣ не могу, не въ правѣ, потому что это дѣло серьезное. Нѣтъ-съ, тутъ я ужъ не тотъ сынъ, котораго вы держали такъ: „Милая Маменька, позвольте мнѣ съѣздить къ Ник. Ив.“ — „Хорошо, ступай!“ „Милая Маменька, позвольте мнѣ съѣздить къ Аннѣ Ник.“ — „И не смѣй ѣздить, это гадкая женщина“. Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ я не намѣренъ спрашиваться, и если вы хотите приказыв-

⁸⁰⁾ Одно слово неразборчиво.

вать, съ сожалѣніемъ долженъ сказать вамъ, что напрасно вы будете приказывать“.

Я мужчина, наконецъ, и лучше васъ понимаю, что дѣлаю. А если станете упрямыться, — извольте, спорить не стану, а убью себя“. Посмотримъ, что тогда будетъ. И если будетъ необходимость, я исполню свою угрозу, потому что лучше умереть, чѣмъ жить безчестнымъ въ собственныхъ глазахъ, или разсорившись съ тѣми, кого люблю, съ тѣми, которые, наконецъ, сами любятъ тебя, только слишкомъ странно со своей претензіей на всезнаніе и безошибочность своихъ понятій о людяхъ и о томъ, что „такъ, а не такъ должно тутъ поступить“. Но само собою, этого никогда не будетъ. Много, много, если скажетъ Маменька: „Я не хотѣла бы; я думаю, что она не составитъ твоего счастья“.— „А я думаю“.— „Ну, какъ хочешь“. А Папенка ничего и не скажетъ. А всего вѣроятно, что она имъ понравится и что дурные слухи не остановятъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, я входить въ разсужденіе не буду, скажу просто: „Я лучше васъ знаю ее и себя. Согласны вы или нѣтъ?“

Боже мой! Что за дикая фантазія! Что за странное свойство ожидать вездѣ сопротивленія и непріятностей! Что за странное свойство постоянно готовиться къ страшной ссорѣ съ людьми, которые никогда и не думали съ тобою ссориться? Что за пѣтушиная храбрость (пѣтушиная — потому что вовсе не представляется случая выказать ее, а не потому что я не выдержалъ бы себя такъ, какъ думалъ выдержать — случая то нѣтъ!) Что за смѣшное расположеніе духа вездѣ ожидать или оскорбленія или несогласія? Когда весьма согласны и весьма рады. Но буду продолжать. Вѣдь долженъ же излагать свои мысли.

Что будетъ въ самомъ дѣлѣ, если они будутъ недовольны моимъ выборомъ? Я увѣренъ, что скоро увидятъ, что я не ошибся и скажутъ, что ошибались, не одобряя раньше моего выбора. Потому что источникъ несогласія можетъ быть только одинъ — если имъ покажется, что она не составитъ моего счастья. А они увидятъ, что я счастливъ, и ихъ предубѣжденія исчезнутъ и дѣло скоро кончится рѣшительнымъ примиреніемъ со мною. А если она скажетъ: „Я не хочу, потому что не нравлюсь вашимъ роднымъ?“ Тогда снова за то же: — „Вы должны просить ее выйти за меня“. Если она не пойдетъ, снова то же: „Вы разстроили, извольте устроить, или я не буду живъ“.— Но это будетъ роль унижительная для нихъ? Нѣтъ, она съ ея благородствомъ не потребуетъ отъ нихъ ничего унижительнаго. Только Маменька должна будетъ сказать ей: „О. С., будьте моей дочерью. Я буду любить васъ не менѣе, чѣмъ люблю сына“. Тутъ унижительнаго ничего нѣтъ. А если Маменька не согласится! Какъ угодно, послѣ не жалѣйте обо мнѣ; вы значить, сами хотѣли моей смерти — сами накликали, такъ не пеняйте на другихъ. Я не виноватъ.

Теперь кончено въ отношеніи къ роднымъ. Иду внизъ смотрѣть, что дѣлается. 35 мин. 1-го.

Продолжаю послѣ обѣда. 2 часа.

Я правъ передъ родными во всемъ. Въ одномъ только несправедливъ я: Маменька любитъ меня всею силою души — а вотъ является чужая мнѣ до сихъ поръ, которая и не говорила даже, что любитъ меня, — и я люблю ее такъ, что привязанность къ Маменькѣ рѣшительно ничтожна передъ любовью къ ней. И какое

право имѣю я любить ее болѣе самой Маменьки? Гдѣ тутъ справедливость? Тутъ нѣтъ справедливости. Что дѣлать! Любишь болѣе не тѣхъ, кого болѣе долженъ любить, а тѣхъ, кого болѣе любишь!

Перехожу къ ея вѣроятнымъ отношеніямъ къ моимъ роднымъ.

Маменькѣ будетъ сначала не совсѣмъ нравиться свобода ея обращенія, особенно съ молодыми людьми. Но скоро Маменька увидитъ, что здѣсь ничего дурнаго нѣтъ, что это не грозитъ мнѣ никакимъ несчастіемъ и помирится съ этимъ. Ей можетъ быть не будетъ нравиться ея любовь къ свѣту. Но она говоритъ, что этой любви къ выѣздамъ и нарядамъ у нея нѣтъ. Не знаю. Можетъ быть она сама ошибается. Но и съ этимъ Маменька скоро помирится, когда увидитъ, что она не живетъ выше своихъ средствъ (своихъ средствъ—потому что мои деньги будутъ ея деньгами). А за все остальное Маменька не можетъ не полюбить ее. Особенно она полюбитъ ее за то, что я въ самомъ дѣлѣ отъ души привязанъ къ ней, что я счастливъ ею. Потому что мое счастье, наконецъ, выше всякаго для Маменьки. И какъ ее не полюбить! Дурные слухи будутъ доходить до Маменьки. Но она увидитъ ихъ несправедливость и не будетъ обращать на нихъ вниманія, когда увидитъ, что мнѣ все это извѣстно весьма хорошо, что она ничего не скрываетъ отъ меня, потому что я въ самомъ обыкновенномъ, самомъ спокойномъ состояніи духа, всегда только радуясь на нее, вполне полагаясь, ни въ чемъ не подозреваю ее; когда Маменька увидитъ, что она въ самомъ дѣлѣ привязана ко мнѣ. А ея отношенія къ Маменькѣ? Конечно, она будетъ, прекрасною дочерью. Если ужъ съ своею матерью, которая ее ненавидитъ, она такъ хороша тѣмъ болѣе она будетъ хороша съ моею Маменькой, въ которой увидитъ готовность любить ее болѣе всего на свѣтѣ, какъ источникъ своего счастья.

Однимъ словомъ, я не сомнѣваюсь даже въ своей необузданной малодушной фантазіи, что Маменька будетъ любить ее, что она будетъ сама лучшею дочерью для Маменьки и что она полюбитъ Маменьку, или если не полюбитъ, то будетъ весьма хороша къ ней и благодарна ей за ея любовь, на которую будетъ отвѣчать всевозможно предупредительностью и должною внимательностью. Таковъ ужъ ея милый, добрый характеръ. А Папенька? Папенька, конечно, будетъ радоваться на нее, потому что на Папеньку угодить гораздо легче, онъ гораздо мягче, чѣмъ Маменька. Папенька никогда никому не былъ помѣхою. У него характеръ чрезвычайно мягкій и нѣжный, въ сущности едва ли не болѣе, чѣмъ у меня. Однимъ словомъ, она найдетъ въ моихъ родныхъ самыхъ лучшихъ родныхъ, какіе только могутъ быть. И все наше семейство будетъ счастливо черезъ нея. А если Маменька захочетъ ѣхать съ нами въ Петербургъ? Долженъ буду отвѣчать, что теперь еще нельзя. Одну—и едва не главную въ самомъ дѣлѣ причину—я ей скажу: Должно подождать, пока устроятся наши денежные дѣла и пока мы будемъ въ состояніи, какъ должно успокоить ее въ Петербургѣ.

Истинная причина должна быть для нея всегда тайною: раньше, чѣмъ явится Маменька жить съ нами, наши отношенія съ О. С. должны быть ужъ установлены, чтобы она нашла ихъ ужъ рѣшительно опредѣленными, твердыми и не могла имѣть никакого вліянія на нихъ. Потому что, по моему несомнѣнному убѣжденію, которое я не хочу нарушать ни въ какомъ случаѣ, никто, какъ-бы онъ ни былъ близокъ, какъ-бы онъ ни любилъ, не долженъ имѣть вліянія на отношенія между мною и

моею женою. Тутъ законъ—воля моей жены и исполненіе всего, что только можетъ быть исполнено при моемъ характерѣ и моихъ средствахъ.

Когда мы совершенно устроимся, тогда милости просимъ. Мы будемъ весьма рады. Тогда, наконецъ, и Папенька можетъ быть переѣхать къ намъ. Но это едва-ли возможно. Онъ не захочетъ. И Маменька будетъ у насъ только гостьей; скорѣе всего будетъ, что она не пріѣдетъ къ намъ, разъ что черезъ два года послѣ своего отправления въ Петербургъ пріѣдемъ въ Саратовъ.

А нашъ образъ жизни въ Петербургѣ? Здѣсь одно только сомнѣніе—довольно ли я буду получать денегъ? Работать я буду, какъ нельзя больше, насколько у меня достанетъ силъ. А силъ у меня достанетъ на 15 часовъ въ сутки. Странно было-бы, если-бы я не имѣлъ возможности получать 2000 р. сер. въ первый-же годъ послѣ нашей свадьбы. Мы будемъ жить вѣроятно одни. Братъ ⁸¹⁾ и Иванъ Григорьевичъ ⁸²⁾ не будутъ жить съ нами. Къ чему? Даже это зависитъ отъ нея. Если мы будемъ жить одни, тогда нашъ бюджетъ представится такимъ образомъ—смотри записку, которую я составилъ раньше, отмѣченную знакомъ В Ж ⁸³⁾. Квартира изъ 4 комнатъ: залъ, ея комната, моя рабочая комната, нѣчто вродѣ спальни или столовой,—однимъ словомъ не пріемная комната. Квартира эта будетъ выходить на улицу, съ порядочнымъ подъездомъ; вѣроятно она будетъ на Петербургской сторонѣ, если тамъ будутъ у меня уроки, или, если уроки въ Пажескомъ Корпусѣ, то гдѣ нибудь на Фонтанкѣ 20 р. сер. въ мѣсяцъ . . . 240 р.

Въ ней будутъ 2 печи и 1 въ кухнѣ. Дровъ будетъ выходить въ зиму на наши печи 7 сажень, потомъ 8 сажень на кухню, всего 15 саж. по 4 р. сер.—60 р.; за воду и другіе мелкіе расходы различнаго рода 3 р. сер.—35 р., всего . . . . . 95 р.

Освѣщеніе. Обыкновенно 2 стеариновыя свѣчи на зимнія вечера, по 2 ф. въ недѣлю, въ 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ, всего 24 ф. въ лѣтніе мѣсяцы и 14 ф. въ зимній мѣсяцъ = 84 ф. = 24 + 108; 30 разъ зимою общество, тогда 2 лишнія свѣчи, 15 ф. и т. д., всего положимъ 140 ф. по 10 р. пудъ—35 р.; въ кухнѣ и передней 5 ф. въ мѣсяцъ сальныхъ 5 р. сер., всего. . . . . 40 р.

Прислуга. Женщина, которая можетъ быть горничною для нея и кухаркою—3 р. сер., 36 р. сер. и мальчикъ—всего . . . . . 70 р.

Бѣлье для меня: 1 р. въ мѣс., для нея—1 р. 50 к., всего 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ; это составитъ съ новой чернорабочей 3 р. сер. и (прислуга изъ 3 лицъ) . . . . . 35 р.

Такимъ образомъ все вмѣстѣ будетъ стоить, кромѣ ежедневныхъ текущихъ расходовъ . . . . . 480 р. сер.

Положимъ для круглаго счета. . . . . 500 р. сер.

Столъ и чай. Чай ⁸⁴⁾ 6 пуд. = 60 р., чай 40 р. = 100 р.

⁸¹⁾ Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

⁸²⁾ Терсинскій, женатый на старшей сестрѣ Александра Николаевича Пыпина—Любови Николаевнѣ, вкорѣ умершей.

⁸³⁾ Записки этой не сохранилось.

⁸⁴⁾ Вѣроятно описка вмѣсто „сахаръ“.

Столь. Собственно кушаніе—50 к. сер. въ день; булки и хлѣбъ къ столу—15, молока на 10 = 25 к., всего 75 к.=270 р. сер. въ годъ; мелкія покупки къ столу и закуска 80 р. въ годъ=350+100 р. чай. . . . . 450 р.

Расходы рѣшительно необходимыя: 10 р. въ бібліотеку для чтенія для нея; кое-какія другія расходы въ слѣдующемъ родѣ, напр. бумага и письма 40 р. сер.=50 р. сер. Расходы собственные для меня: извозчики 5 р. въ мѣсяць=60 р., платье 140=200 р., всего . . . . . 1200 р. сер.

Театръ. Въ оперу, если будемъ абонироваться въ креслахъ—80 р. сер., извозчики и мелкія расходы 10 р. = 90 р. сер. (скорѣе, ложу пополамъ съ кѣмъ нибудь 50 р. сер. и тогда вмѣсто 90—60), еще 60 р. сер. на другія театры, театр . . . . . 150 р.

Итого—кажется все, кромѣ ея расходовъ . . . . . 1350 р. сер.

если буду получать 1800 р. сер. . . . . 450 р. на ея наряды и удовольствія.

О, если бы такъ! Конечно такъ, потому что я считалъ все слишкомъ не экономически. Можно все это дѣлать гораздо выгоднѣе и вмѣсто 1350 р. вѣрно понадобится только 100 р. въ мѣсяць, 1200 р. въ годъ. Остальное, собственно, ея расходы. Но само собою и эти расходы совершенно зависятъ отъ ея воли.

Я думаю, что глупо было бы мнѣ сомнѣваться въ возможности получать 2000 р. сер. въ годъ. Но теперь обзаведеніе—вотъ задача. Главное и почти единственное—мебель. (Тутъ роаяль—что дѣлать съ нимъ)?

Роаяль 300 р. сер., этотъ расходъ можетъ быть отложенъ, если за ней будетъ роаяль, или она можетъ дать мнѣ въ займы для его покупки. Другая мебель въ ея комнатѣ: диваны 2=35 р. сер.; кресла (всего для всѣхъ комнатъ 12 по 10 р.) 120 р. сер. Столы: мой рабочій—20 р. сер.; 5 еще—50 р.; ея гардеробъ—20 р. сер.; другія шкапы 20 р. сер. (Ковровъ, если не будетъ у нея, отложимъ до пріѣзда въ Петербургъ); другія диваны (3)—45 р. сер.; стулья 18=30 р. сер., всего 330 р. сер. Посуда 70 р. сер., всего 400 р. сер. Боже мой. да у меня, какъ гора съ плечъ свалилась—всего 400 р. сер, да и то еще. . . .⁸⁵⁾ все въ изобиліи. Поѣздка сюда 70 р. сер. Отсюда до Москвы 3 лишнихъ—74 р. сер., изъ Москвы 26 р. сер.=100 р. сер.; да различные расходы въ дорогѣ=200 р. сер. Свадьба—ну, это ужъ дѣло постороннее; подарки, разумѣется, если можно, на 200 р. сер.; одежда моя 50 р. сер., всего 250 р. сер. Всего расходовъ по свадьбѣ 450 р. сер., да обзаведеніе 400 р., всего какихъ нибудь 1000 р. сер., и тогда можно будетъ все сдѣлать безъ нужды.

Схожу для освѣженія къ Чеснокову. Послѣ dokonчу.

Писано 7, суб. 7 час. утра. Завтра я увижу ее.

Итакъ, по серьезномъ разчетѣ, я вижу, что обзаведеніе не представляетъ никакихъ существенныхъ неудобствъ. Конечно, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она нашла при вступленіи въ свою квартиру все вполне готовымъ—но все это мечты. И если дѣло пошло на то, что мнѣ не у кого будетъ занять 1000 р. сер.,— въ случаѣ

⁸⁵⁾ Одно слово перазборчиво.

крайности можно попросить ихъ у Ник. Ив., который сказалъ, что дастъ, если будетъ въ рукахъ, — то можно будетъ ограничиться мебелью на 100, посуду на 100, проѣздъ на 200 р. сер., расходы свадебные 100 р., всего 500 р. Подарки можно послать послѣ, послѣ же закупить мебель. Откуда же я получу 500 р. сер.? Отъ литературныхъ трудовъ, надѣюсь, если уѣду отсюда въ концѣ юня; въ Саратовъ за нею отправлюсь въ половинѣ октября; все-таки въ 3 мѣсяца, конечно, по утрамъ буду работать для экзамена и кое-что даже Срезневскому; послѣ обѣда буду писать и вѣрно получу нѣсколько сотъ рублей сер. А если бы не получилъ? Вѣрно ктонибудь дастъ въ займы. Можетъ быть даже Введенскій, когда передъ отъѣздомъ скажу на что. А если онъ не дастъ? Возьму у ростовщика по 20% и все-таки буду имѣть 500 р. Но если у Введенскаго, то возьму чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Наковецъ, если бы не удалось получить деньги въ Петербургъ, возьму ихъ въ Саратовъ, или у собственныхъ знакомыхъ, или даже черезъ Пашенькино ходатайство у когонибудь изъ отдающихъ за проценты. Однимъ словомъ, когда разсудилъ и разсмотрѣлъ, вижу, что за деньгами остановки не будетъ. Если за ней будутъ деньги, для меня все равно; я скажу рѣшительно, что трогать ихъ на наши общіе расходы не намѣренъ. Но послѣ, когда по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ она увидитъ мою чистоту въ отношеніи къ ея деньгамъ, можетъ быть можно будетъ, не тревожа ее, принять ея предложеніе дать мнѣ часть своихъ денегъ въ займы. Но лучше будетъ, если этого не дѣлать. И лучше будетъ, если за ней не будетъ ничего деньгами. Теперь это ей говорить еще не слѣдуетъ. Конечно, мнѣ бы хотѣлось имѣть передъ отъѣздомъ 1500 р. сер., чтобы у насъ было при свадьбѣ все, что нужно.

Но вижу, что въ денежномъ отношеніи затрудненій не будетъ, или они легко могутъ быть побѣждены.

Теперь вопросъ: какъ мы будемъ жить въ Петербургѣ? Разъ въ недѣлю у насъ собираются знакомые. Въ другіе дни мы будемъ дома только для своихъ, какъ это дѣлаетъ Введенскій. Можно намъ будетъ бывать у тѣхъ людей, которыхъ она почтетъ достойными. Я безъ нея не буду бывать нигдѣ, кромѣ какъ по дѣламъ. Довольно часто, насколько позволятъ деньги, будемъ бывать въ театрѣ. До 6 или 7 часовъ у меня весь день будетъ посвященъ работѣ. Сижу за работою всегда, когда позволяеть качество работы, подлѣ нея. Но наконецъ, мое время рѣшительно въ ея распоряженіи, кромѣ времени, употребленнаго на необходимую работу. Выборъ знакомыхъ будетъ зависеть отъ нея. Я ее, конечно, познакомлю съ кружкомъ Введенскаго, особенно, кромѣ Введенскаго, съ Рюминымъ, Милюковымъ, Городековыми. Потомъ отъ нея . . . .⁸⁶⁾ зависитъ продолженіе этого знакомства. Мы будемъ жить вѣроятно одни. Но если захотятъ Иванъ Григорьевичъ или Саша⁸⁷⁾, и если она согласится, то, конечно, вмѣстѣ. Эти люди не помѣшаютъ намъ, потому что прекрасные люди, которые не будутъ ни вмѣшиваться въ наши супружескія отношенія, ни стѣнать насъ. Тогда, конечно, и квартира будетъ больше и прислуги больше и столъ можетъ быть съ большими прихотями. Саша, если ужъ такъ будетъ нужно, можетъ нѣкоторое время жить даромъ. Ив. Григ. — какъ угодно, будетъ-ли участвовать въ третьей долѣ расходовъ, или платить 25 р. сер. въ мѣсяцъ, это будетъ зависеть отъ его отношеній: захочетъ-ли онъ быть рѣшительно

⁸⁶⁾ Одно слово неразборчиво.

⁸⁷⁾ Александръ Николаевичъ Пышинъ.

членомъ семейства или только жить съ нами. Если будемъ жить вчетверомъ, тогда комната для Ив. Григ., для Саши, для меня, для нея и 2 общія комнаты. Эта квартира будетъ стоить 350 или 400 р., прислуга . . . .⁸⁸⁾ лакей. Маменька если захочетъ съ нами, мы постараемся устроить такъ, чтобы прѣѣхала года черезъ два. Черезъ два года мы сами, вѣроятно, прѣѣдемъ сюда въ Саратовъ на каникулы—если она захочетъ; если нѣтъ, съѣзжу одинъ на мѣсяць.

Теперь, кажется, все. Остаются вопросы: 1) состоится-ли наша свадьба; 2) что будетъ, если не состоится; 3) любить-ли она меня. Эти вопросы разрѣшить теперь рано, въ слишкомъ подробныхъ соображеніяхъ. Это будетъ гораздо яснѣе передъ отъѣздомъ. Напишу только общія соображенія.

1) вѣроятно. Оттого, что или она привязана ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ и хочетъ выйти за меня не потому только, чтобы выйти за кого нибудь, или, если не видитъ теперь, со временемъ увидитъ, что другіе женихи (кромѣ этого Кіевского помѣщика) хуже меня.

2) если не состоится, если она не дождется меня—это меня въ самомъ дѣлѣ весьма поразитъ, говоря безъ всякихъ шутокъ. Это меня разстроитъ надолго. Но не состояться можетъ она только въ случаѣ—если ей представится женихъ, который покажется ей лучше меня. Я скорѣе умру, чѣмъ не сдержу своего обязательства, не сдержатъ которое будетъ для меня позоромъ, который отравитъ всю мою жизнь, сдержатъ которое теперь для меня представляется источникомъ счастья.

3) любить-ли она меня, т. е. говоря не про романтическую любовь—этого нѣтъ, но про то, что, кажусь-ли я ей человѣкомъ, въ самомъ дѣлѣ стоящимъ особой привязанности; человѣкомъ, съ которымъ она будетъ гораздо счастливѣе, чѣмъ при равныхъ денежныхъ средствахъ съ другимъ кѣмъ-бы то ни было? Кажется что такъ; во всякомъ случаѣ, все ея обращеніе дышетъ истинною нѣжностью, горячею привязанностью. Все, рѣшительно все. Все дышетъ горячею привязанностью.

Да будешь же ты счастлива, моя милая! Въ тебѣ теперь моя жизнь. Нѣтъ ни одной мысли у меня, которую не озаряла бы мысль о тебѣ. Я вполне преданъ тебѣ. Я чувствую себя совершенно другимъ человѣкомъ послѣ 19 февраля. Я сталъ рѣшительнѣе, смѣлѣе; мои сомнѣнія, мои колебанія исчезли. Теперь у меня есть воля, теперь у меня есть характеръ, теперь у меня есть энергія.

Теперь мои впечатлѣнія и моя перемяна послѣ 19 февраля. Но это послѣ, теперь иду пить чай.

Писано въ 9^{1/2} часовъ утра 7 числа.

Впечатлѣнія и слѣдствія для меня.

Въ первыя минуты послѣ какъ я ушелъ въ четвергъ отъ О. С. я былъ доволенъ и спокоенъ, но только чувствомъ того, что я поступилъ какъ слѣдовало поступить, что я не отступилъ, когда мнѣ говорили: я хочу быть съ тобой. Но не могу рѣшительно сказать, чтобы у меня не оставалось никакихъ сомнѣній на счетъ того, не найду ли я впоследствии въ своемъ поступкѣ опрометчивости и рискованія своею участью. Я не могъ не рисковать, это я знаю; если бы я отказался отъ риска, я замучился бы упреками совѣсти и собственнымъ презрѣніемъ, это такъ. Но мнѣ всетаки кажется, что я сдѣлалъ страшный рискъ. „Я не могу не идти; но къ

⁸⁸⁾ Два слова неразборчивы.

чему меня приведетъ эта дорога, я еще не знаю“. Однимъ словомъ, я былъ доволенъ собою и только.

Въ пятницу я былъ въ Гимназіи; послѣ обѣда поѣхалъ къ Ник. Ив. Тутъ то сидя въ своей комнатѣ и за обѣдомъ и послѣ обѣда, я началъ все живѣе и живѣе чувствовать, что я не только доволенъ, что я счастливъ. Когда, наконецъ, я поѣхалъ къ Ник. Ив. и могъ на свободѣ — первыя минуты рѣшительнаго уединенія и самоуглубленія послѣ разговора съ ней — рѣшительно предаться своимъ впечатлѣніямъ, я дошелъ до рѣшительнаго восторга, какого никогда еще не ощущалъ. Я сталъ рѣшительно блаженнымъ. И это продолжается съ той минуты до сихъ поръ. И чѣмъ больше представляю, тѣмъ глубже становится мое счастье, тѣмъ, что можетъ быть я буду ея мужемъ. Оно теперь уже вошло въ мою натуру, стало частью моего существа, какъ мои политическія и спеціальныя убѣжденія. Къ Ник. Ив. я вошелъ въ рѣшительно радужномъ расположеніи духа; я чувствовалъ, что мое сердце стало не таково, какъ было раньше. „Я теперь рѣшительно измѣнился“, сказалъ я ему, хотя вовсе не хотѣлъ высказываться, но не могъ — отъ избытка сердца говорили и уста; „и эта переѣна все будетъ усиливаться. Мое презрѣніе къ самому себѣ, источникъ моего ожесточенія, причина того, что я покрываю ядовитымъ презрѣніемъ все, прошло. Теперь я почти доволенъ собою, потому что надняхъ поступилъ почти рѣшительно, какъ порядочный человѣкъ, и въ мирѣ съ самимъ собою. Я теперь не хочу ругать никого“. И я сдержалъ свое слово, не хотѣлъ даже смѣяться надъ Богомъ и будущею жизнью, отъ чего не удержался бы раньше. Говорилъ потомъ съ восторгомъ о томъ, что высшее счастье есть семейная жизнь. Наконецъ, при отъѣздѣ почти проболтался: „Я завтра къ Стефани. Если нѣтъ у меня ни аневризма, ни чахотки, я надняхъ дѣлаю предложеніе одной дѣвицы. Nur sprechen Sie Niemand von meiner Heirath.“ — Почти проболтался. Почти проболтался и черезъ недѣлю 26 февраля, четвергъ, Аннѣ Никаноровнѣ: когда вошла мать и она хотѣла показать, что мы говоримъ рѣшительно не о томъ, о чемъ говорили, т. е. о нашихъ отношеніяхъ, она сказала: „А вотъ Николай Гавриловичъ говорить, что хочетъ жениться.“ Когда мать ушла, я сказалъ: „А вы, не думая сказать правду, сказали правду. Я женюсь.“ Къ счастью, конечно, и она и Ник. Ив. позабыли объ этомъ, или не приняли это совершенно серьезно. Я писалъ съ восторгомъ нѣсколько мѣстъ, содержащихъ въ себѣ общіе возгласы, въ письмѣ къ Сашѣ 26 февраля. Къ счастью дѣло, конечно, не ясно для него. Ник. Ив. и А. Н. или не обратили вниманія, или забыли, или такъ деликатны, что не напоминаютъ.

А что было бы со мною безъ этого? Я всѣ дни передъ четвергомъ былъ въ страшной тоскѣ; я вздыхалъ безпрестанно, я плакалъ при мысли, что долженъ буду прекратить эти отношенія, что долженъ буду разстаться съ ней, едва начавъ, что день мой жизни затмѣвается въ самомъ началѣ.

Послѣ этого сбылось то, что я ожидалъ: мое озлобленіе противъ себя проходить. Проходить и мое ожесточеніе, моя желчь противъ всего, что попадаетъ мнѣ. Вотъ рѣшительная картина моей внутренней жизни до и послѣ: раньше это былъ туманъ, покрытое все одной сѣрой тучей — небо, на которомъ только изрѣдка мелькали свѣтлыя мѣста среди облаковъ. Теперь это чистое, ясное, лазурное небо, по которому только изрѣдка пробѣгаютъ облака, но и эти облака озарены счастьемъ моей жизни, мыслью о ней, и они скоро расплываются отъ теплыхъ лучей яркаго

солнца. Однимъ словомъ, вмѣсто дурнаго расположенія духа, я теперь имѣю хорошее расположеніе духа...

Иду отдохнуть отъ чувствъ, спокойныхъ, но слишкомъ сильныхъ. Это восторгъ, какой является у меня при мысли о будущемъ социальномъ порядкѣ, при мысли о будущемъ равенствѣ и отрадной жизни людей — спокойный, сильный, никогда не ослабѣвающий восторгъ. Это не блескъ молніи, это равно не волнующее сіяніе солнца. Это не знойный іюльскій день въ Саратовѣ, это вѣчная сладостная весна Хюса.

Надежда на счастье быть ея мужемъ имѣетъ, кажется, ужь и прямо благоприятное дѣйствіе даже на мой организмъ: пропадаетъ тоска, пропадаетъ и ея слѣдствіе — боль въ груди противъ соска, эта боль, которая такъ заставляла меня сомнѣваться въ здоровьи моей груди. Во всякомъ случаѣ, я теперь ничего не чувствую вотъ уже нѣсколько дней. Да и сама грудь, вѣроятно, будетъ крѣпче, чѣмъ раньше: во всякомъ случаѣ, во всѣ эти дни я писалъ больше, чѣмъ когда либо, и всетаки не чувствовалъ боли въ груди. Что жъ? Весьма естественно, что спокойствіе сердца успокаиваетъ грудь.

Но есть и еще влияніе — это то, что пропадаетъ моя нерѣшительность, мнительность, застѣнчивость; что изъ робкаго, малодушнаго я сталъ человѣкомъ твердымъ и рѣшительнымъ. Дѣйствительно, я теперь чувствую, что справедливо написалъ въ этомъ дневникѣ нѣсколько дней тому назадъ:

O Mädchen, Mädchen! Wie lieb ich Dich! Wie ich Dich liebe, mit warmen Blut. Die Du mir Jugend und Freud und Muth zu neuen Thaten Und glücke giebst! Sei ewig glücklich, Wie Du mich liebst ⁸⁹⁾!

Теперь я говорю: Wie Du mich liebst, потому что нѣсколько дней размышленія, обдумыванія, углубленія въ твое обращеніе со мной увѣрило меня, что ты любишь меня. Что я имѣю цѣну въ твоихъ глазахъ. Что и для тебя было бы прискорбно разлучиться со мною.

Вотъ твое влияніе:

Я сталъ черезъ тебя изъ тряпки, дряни — человѣкомъ; я сталъ изъ ожесточеннаго — радостнымъ, гуманнымъ въ мысляхъ; я сталъ изъ мнительнаго, недовѣряющаго себѣ — увѣреннымъ въ себѣ, уважающимъ именно себя.

Да будешь Ты счастлива! Кончаю этимъ:

Да будешь Ты счастлива!

И ты будешь счастлива.

Теперь принимаюсь перечитывать написанное и дѣлать дополненіе и вставки. Да будешь Ты счастлива! Меня ты ужь дѣлаешь счастливымъ.

И ты будешь счастлива!

(о, какъ робко прибавлю я — со мною или съ другимъ, но ты будешь счастлива)!

Потому что въ Тебѣ настолько высокости ⁹⁰⁾, настолько ума, что ты не ошибешься въ выборѣ)!

И если ты выберешь другого, тотъ другой въ самомъ дѣлѣ будетъ достойнѣе Тебя, чѣмъ я, и Ты будешь съ нимъ счастливѣе, чѣмъ со мною.

⁸⁹⁾ Goethe. Mailed.

⁹⁰⁾ Это слово неразборчиво.

Но — о, если бы я былъ признавъ Тобою достойнымъ Тебя! И если бы ты думала — а ты настолько умна и проникательна, что твои мысли не будутъ обманчивы, въ пользу ли мою будутъ онѣ или въ пользу другого — о, если бы ты думала, что будешь счастлива со мною!

Ты во всякомъ случаѣ будешь счастлива!

8. Воскресенье. Половина третьяго.

Утромъ взялъ Кольцова отъ Смирнова. Отдалъ 3 р. сер. (и взялъ съ почты Копперфильда Введенскаго, котораго прислалъ онъ мнѣ въ подарокъ и его отдамъ съ подписью). Довольно хорошо вышелъ переплеть. Это былъ мой первый подарокъ ей, и первый подарокъ женщиѣ. Потомъ былъ у Патрикѣевыхъ, гдѣ могъ видѣться съ нею. Теперь къ Кобылинымъ, оттуда къ ней, но раньше занесу книги. Каково то будетъ нынѣшнее свиданіе? Съ трепетомъ души думаю о немъ. Такъ много нужно переговорить: 1, хитритъ ли она со мною? 2, мои чувства къ ней; 3, гдѣ будемъ видѣться? 4, что ей во мнѣ не нравится? 5, о моемъ отъѣздѣ и перепискѣ. Чѣмъ скорѣе уѣхать, тѣмъ лучше. Постараюсь. Только не съумѣю сдѣлать, чтобы она больше говорила. Начинаю одѣваться.

Со слѣдующей страницы начинается снова описанія событій. Но теперь они будутъ ужъ рядомъ съ чувствами, размышленіями, впечатлѣніями. Завтра я надѣюсь видѣть тебя, опять говорить съ тобою.

8 марта 11^{1/2} час. Вчера отъ Кобылиныхъ отправился къ ней, въ 6 час. по моимъ, и опоздалъ ^{1/2} часа по нимъ. Отъ нихъ въ 8 час. къ Аннѣ Никан. Утромъ уговаривался, чтобы у нихъ были Патрик. и Вас. Дим. и наклеилъ на свою шею, потому что намъ мѣшали. Отправляясь къ Кобылинымъ я заѣхалъ къ нимъ, завезъ книги (Кольцова и Копперфильда). Я вошелъ во дворъ и подходилъ было на заднее крыльцо, какъ вдругъ съ лѣстницы голосъ: „М-г Чернышевскій.“ — Это она. „Я для васъ встала съ постели (она въ пятницу и субботу была очень больна: у нея болѣла грудь и голова — я этого не зналъ). „Вотъ какое сильное доказательство любви“ — тутъ еще была Рычкова. — „Вы скучали обо мнѣ?“ — „Чрезвычайно“ — это я сказалъ съ чувствомъ ужъ. Я взмохъ. „На минутку. Вотъ я привезъ книги“ — „Межді.“ — „Когда?“ — „Въ 6 часовъ, но не позже.“ Съ ней была младшая Рычкова, но потомъ ушла и я оставшись съ ней, нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку. Отъ Кобылиныхъ, наконецъ, — какъ мнѣ хотѣлось и какъ робѣлъ, чтобы не прийти слишкомъ рано. Вхожу — у нихъ ужъ Аванасія Яковлевна, Патрикѣева, младшая Рычкова, Василій Димитріевичъ, Ник. Дим., Вороновъ. Сначала она сидѣла съ Вороновымъ и я говорилъ съ Кат. Матв.; милая, добрая, кроткая дѣвушка! Потомъ сѣлъ съ ней, когда стали другія танцовать. Патр. сказала мнѣ: „Нѣтъ ли у васъ книгъ?“ „Рѣшительно нѣтъ.“ — „Напр. Кольцова, да еще въ какомъ хорошенькомъ переплетѣ! Или Давида Копперфильда?“

Боже мой, какъ я глупъ. Какъ я глупъ! Какъ я глупъ!

Наконецъ сѣли. Разговору нашему мѣшаютъ. Сидятъ подлѣ насъ. Подходить безпрестанно Кат. Матв. Между прочимъ говорили о моихъ глупостяхъ у Аким. (Купріановъ и Нат. Алекс. Воронова). Отрывками я могъ говорить: „О. С., какъ вы думаете, хитрю я съ вами.“ — „Можетъ быть.“ „Помилуйте.“ — „Поѣдете и позабудете.“ Я увѣрялъ, что нѣтъ. Говорилъ, что докажу свою любовь чѣмъ

угодно. „Если хотите доказать, поѣзжайте въ апрѣлѣ въ Петербургъ и возвращайтесь въ іюль.“ — „Не могу. Потому что въ это время каникулы. Раньше октября, половины, не могу. Но знаете что: не хитрите ли вы со мною? Не хотите ли вы заставить меня жениться на васъ раньше отъѣзда въ Петербургъ? Этого не долженъ я дѣлать, чтобы не заставить васъ нѣсколько мѣсяцевъ нуждаться. Но я, рѣшительно, въ вашей волѣ — когда вамъ угодно и что вамъ угодно.“ — „Нѣтъ, я этого не хочу.“ — „Если вы хотите, скажите мнѣ — скажите, мнѣ должно говорить прямо“ — и я привелъ въ доказательство свой пріѣздъ въ Саратовъ. — „А если ваши родители не согласятся?“ „У меня есть средства, этого не будетъ, но я объ этомъ думалъ.“ — И я говорилъ въ общихъ фразахъ о томъ, что у меня въ дневникѣ. Не передаю подробностей разговора. Я спросилъ, говорила ли она Бусловской, что выберетъ между мной и Яковлевымъ. Она не говорила — такъ я и думалъ. Она сказала: „Мнѣ кажется, вы женитесь на мнѣ изъ состраданія.“ „Какъ долго! Съ отчаянія я могу сдѣлать Богъ знаетъ что. Я могу выйти замужъ, какъ чуть не вышла въ прошломъ іюль. Но теперь я не выйду безъ разбора. Я ни въ кого, вѣроятно, не влюблюсь. Но никто не правился мнѣ болѣе васъ.“ Прощаясь я сказалъ: „Я рѣшительно недоволенъ нынѣшнимъ вечеромъ. Когда мы можемъ говорить съ вами. Она сказала — „будущее воскресенье.“ „Такъ долго?“ „Хорошо, во вторникъ въ половинѣ седьмого.“ При прощаніи я не поцаловалъ даже ея руки — я просто пожалъ ея руку. До вторника. Нужно же переговорить все, какъ слѣдуетъ.

О, моя милая! Какъ я люблю тебя! Какъ ты чиста и благородна!

Да будешь ты счастлива!

10 марта 10 часовъ утра. Вторникъ. И вчера и нынѣ все думаю о ней. Она сказала въ воскресенье на мой вопросъ; „чѣмъ же доказать, что я рѣшительно искрененъ въ моей любви?“ — „Вотъ чѣмъ: поѣзжайте въ апрѣлѣ, возвращайтесь въ іюль, потому что мнѣ, можетъ быть, будетъ слишкомъ тяжело, и отчаяніе можетъ заставить выйти за человѣка немилаго.“ Я сказалъ, что возвратиться раньше октября не могу. Теперь думаю, вчера я рѣшилъ сдѣлать, во всякомъ случаѣ, то, что отъ меня зависитъ: я уѣду въ апрѣлѣ (это все дастъ мнѣ возможность кончить свои дѣла нѣсколько раньше), непременно въ началѣ мая и то если задержать Кобылинъ, а то — какъ будетъ путь. Не стану дожидаться здѣсь пока кончу диссертацию; довольно того, что успѣю, хоть буду работать всѣми силами. Довольно переписывать словарь. Теперь принялся за диссертацию. Это смотри въ другомъ дневникѣ. Нынѣ, когда я входилъ въ комнату, гдѣ пили чай, Маменька говорила А. Иванъ, которая жаловалась на одышку: поѣдьте къ Сократу, къ Аннѣ Кириловнѣ⁹¹. — „Поѣдьте нынѣ“, сказалъ я. Маменька сказала, что можно. Если поѣдемъ нынѣ, я раньше долженъ побывать у нихъ и объяснить, что это не моя мысль, что это сама Маменька. Какъ то она повратится Маменькѣ? О, моя милая, я живу только тобою.

10 часовъ вечера. О, какъ я ждалъ не дождался времени, когда увижу ее, поговорю съ нею! Вотъ наконецъ я вхожу на переднее крыльцо, — такъ она сказала мнѣ — прислушиваюсь — никого, вхожу въ переднюю — все тихо; долго стою,

⁹¹) Сократъ Евгеньевичъ Васильевъ, отецъ Ольги Сократовны, былъ извѣстный въ Саратовѣ докторъ. Анна Кириловна — его жена.

весьма долго, дожидаясь, не выйдет ли кто, чтобы не быть принужденным самому отыскивать — нѣтъ. Нечего дѣлать, иду — въ гостинной, которая отворена, не видно никого. Иду черезъ корридоръ въ заднюю людскую. — „У себя Анна Кириловна? — У себя, да въ дѣтской О. С., пожалуйста. — Вхожу, она на диванѣ въ комнатѣ Ростислава (Ростиславъ уѣхалъ на слѣдствіе куда то). Вхожу. Подую ей руку (ни при встрѣчѣ, ни при прощаніи не поцаловалъ, къ чему). Сажусь подлѣ нея. Она говоритъ мнѣ, что долго оставаться нельзя, что съ Анной Кириловной лучше не видѣться — почему? — Мнѣ и такъ за васъ досталось въ воскресенье. Маменька не хочетъ, чтобы я принимала когонибудь, даже короткихъ знакомыхъ, когда нѣтъ брата. — Вы мнѣ сказали, чтобы я уѣзжалъ въ апрѣлѣ, пріѣзжалъ въ іюнѣ — я думалъ, думалъ объ этомъ, наконецъ, рѣшилъ: мой ранній отъѣздъ можетъ нѣсколько, весьма немного, ускорить мое возвращеніе и я поѣду въ самомъ началѣ мая или даже въ концѣ апрѣля, но только въ такомъ случаѣ если до тѣхъ поръ я успѣю убѣдить васъ, что я, рѣшительно искрененъ. Вѣрите ли вы мнѣ или нѣтъ? — И вѣрю и нѣтъ. — И такъ я ѣду въ апрѣлѣ или маѣ. — Нѣтъ, лучше оставайтесь до іюня. — Для Венедикта? — Да, онъ говоритъ, что безъ васъ будетъ плохо. — Я ужь думалъ объ этомъ (дѣйствительно, я давно ужь обдумалъ это и рѣшилъ). Я передъ отъѣздомъ скажу, что нужно. Аннѣ Кириловнѣ угодно, чтобы онъ кончилъ съ правомъ на чинъ — скажу, чтобы ему дали непременно, что если не дадутъ, то должны ожидать отъ меня... неприятностей... молчаніе. Что же мы будемъ играть съ вами въ молчанку? — Что жь начинать говорить и не доканчивать. Скоро я долженъ уйти? — Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. — А къ Аннѣ Кириловнѣ не заходить? — Нѣтъ. — Мнѣ кажется это неловко. — Нѣтъ, лучше не заходите, — уходите же — и она проводила меня. Мнѣ сказали: Анна Кир проситъ васъ къ ней кушать чай (вѣдь я спрашивалъ дома ли Анна Кир., она это не знала; можетъ быть, если бы знала и согласилась бы, что не ловко не зайти, а я, олухъ, не успѣлъ сказать ей это! Фу, какъ я глупъ!). — Неловко не зайти — „нѣтъ, лучше не заходите.“ — Когда же я могу видѣть васъ? сказалъ я при прощаніи передъ уходомъ изъ комнаты Ростислава: „Вотъ видите, я не такой страстный любовникъ, чтобы для меня было необходимою постоянно безпрестанно видѣть предметъ своей страсти, но мнѣ хотѣлось бы говорить съ вами, чтобы вы лучше узнали меня.“ — „Въ воскресенье на минуту можете быть у насъ, потому что это день моего рожденія; будутъ Патрикѣевы и Фанни.“ — А раньше? Вы не будете у Патр.? „Нѣтъ, я буду у нихъ въ то воскресенье, на 3-й недѣлѣ буду говѣть.“ — Боже мой, какъ я глупъ! Боже мой, какъ я глупъ! Не сказалъ ей, что спрашивалъ я самъ Анну Кир. — и ушелъ, а долженъ былъ зайти къ Аннѣ Кир. — и грустно мнѣ теперь.

И грустно, грустно мнѣ. Снова до воскресенья! И еще до того воскресенья, потому что въ это воскресенье я долженъ быть только на минуту и не успѣю сказать ничего — и въ то воскресенье у Патр. снова тоже — можно ли такъ было говорить? Когда жь, наконецъ, мы сблизимся такъ, чтобы лучше узнать друга друга? Т. е. чтобы мнѣ узнать, дѣйствительно ли она, какъ мнѣ кажется, нѣжно привязана ко мнѣ, а ей убѣдиться въ томъ, что я не хитрю, не обольщаю ее обѣщаніями, которыя не сдержу? Грустно! Неужели и всѣ мои ожиданія, и надежды и мысли о счастья съ ней также разлетятся, какъ это наше свиданіе? Грустно. На глазахъ у меня слезы.

Нѣтъ, не хочу кончить этимъ. Да будешь ты счастлива! Вотъ мое окончаніе.

Да будешь ты счастлива!

Да когда же я увижусь съ тобой, какъ должно? Да когда жъ мы будемъ видѣться съ тобою, какъ должно? Но что ни будь, я хочу въ нашихъ отношеніяхъ только одного: чтобы ты была счастлива. Я буду счастливъ твоимъ счастьемъ, хотя бы ты была счастлива съ другимъ.

Да будешь ты счастлива!

11 марта 9 час. утра.

Хитрить она со мною, или нѣтъ? Все ея обращеніе показываетъ, что нѣтъ. И если даже хитрить, какъ она должна быть умна, чтобы такъ хитрить! Что она не чувствуетъ ко мнѣ слишкомъ глубокой привязанности, какъ я къ ней, это такъ; но если она гораздо болѣе осторожна, чѣмъ я, это происходитъ отъ того, что она гораздо болѣе стѣснена, чѣмъ я, и, наконецъ, она еще не совсѣмъ довѣряетъ мнѣ. Я никогда не позабуду того, какъ у Чесн. въ пятницу на масляницѣ, когда мы сидѣли въ залѣ, она вынула бумагу изъ кармана — Что это такое, спросили Вас. Дим. и Кат. Матв. — Вамъ нельзя показать это. — А мнѣ? — Вамъ можно — и она отдала мнѣ ее — я вышелъ въ переднюю — это былъ мой листокъ, на которомъ было написано распредѣленіе пѣсень Кольцова для Гимназій. Когда Вороновъ бралъ у меня эту книгу и принесъ назадъ, листка не было; онъ сказалъ, что потерялъ — это она взяла его, чтобы имѣть что нибудь моей руки. — Это меня чрезвычайно тронуло. Я воротился и отдалъ ей, потому что она дала съ условіемъ; чтобы я возвратилъ: О. С., неужели это не шутка? Боже мой, нѣтъ, какъ угодно, это не хитрость! Женюсь ли я на ней? Вѣроятно, т. е. я говорю не о томъ, сдержу ли я свои обязательства, а о томъ, что, вѣроятно, она не найдетъ до тѣхъ поръ человѣка, который будетъ ей нравиться лучше меня, котораго бы она предпочла мнѣ. Буду ли я счастливъ съ ней? Нечего и говорить о томъ случаѣ, когда она будетъ имѣть ко мнѣ нѣжную привязанность. Но если бы даже этого и не было, я съ ней долженъ быть болѣе счастливъ, чѣмъ съ другой, потому что въ самомъ дѣлѣ она такова, какова должна быть моя жена.

А если она выйдетъ за другого? Что тутъ поразить меня? То, что я потерялъ прекрасный случай окончательно устроить свою судьбу. Но будетъ ли это прямымъ ударомъ для моего сердца! Не знаю. Кажется, что нѣтъ, но вѣроятно, будетъ. Буду ли я тосковать, какъ любовникъ, который потерялъ свою возлюбленную, или какъ человѣкъ, который потерялъ возможность устроить наилучшимъ образомъ свою судьбу? Кажется мнѣ, что только какъ послѣдній. Но къ чему еще приду я, это неизвѣстно еще. Полтора мѣсяца впереди.

То, что она не дорожить собственно мною, какъ я дорожу собственно ею, это несомнѣнно. Что она не хитритъ со мною, что она въ самомъ дѣлѣ рада выйти за меня, а не просто выйти поскорѣе за человѣка, съ которымъ, какъ съ весьма многими другими, можно жить — и это правда. Принимаюсь за дѣло.

Писано 14 марта въ 9 ч. утра.

Четвергъ, 12 марта. Я вложилъ письмо № 1 подъ бумагу, которою обернулъ Исторію Русской Поэзіи Милюкова и отдалъ ее Венедикту. Послѣ этого я былъ спокоенъ. Но дожидался съ трепетомъ, что будетъ. Не прійдетъ ли Вене-

диктъ? Нѣтъ; наконецъ 6 часовъ. Я готовъ. Но со мною ѣдетъ Сережа⁹²⁾. Я не хочу, чтобы онъ зналъ. Я ѣду къ Палимисестову, у котораго хотѣлъ быть вечеромъ послѣ О. С. Его еще нѣтъ дома. Прекрасно. Посылаю за извозчикомъ. Ёду. Вхожу. Она сидитъ въ залѣ. „Такъ вы здѣсь? Я думала, что вы не будете?“ Я былъ радъ своей смѣлости, я со смѣхомъ увѣрялъ ее въ своей любви, просилъ вѣрить мнѣ. Наконецъ, — не буду описывать всего въ подробности, потому что мнѣ некогда, я долженъ спѣшить работать, — наконецъ является разговоръ о Кольцовѣ. Она хочетъ, чтобы я прочиталъ оттуда нѣсколько стихотвореній. Я не хотѣлъ, потому что читаю дурно и не хотѣлъ еще разъ показаться ей смѣшнымъ. Она показываетъ видъ, что сердится. Наконецъ, я читаю „Вѣгство“. — Она смѣется. — „Вы читаете рѣшительно какъ Псалтырь“. — Поэтому то я и не хотѣлъ читать вамъ. — Это былъ снова веселый эпизодъ. Но содержаніе разговора. „Неужели вы думаете, что я могу не сдержатъ своихъ общацій?“ и т. д. Увѣрялъ, что никого не люблю кромѣ ея и рассказывалъ о томъ, кто мнѣ нравится, между прочимъ объ этой красавицѣ въ оперѣ въ бель-этажѣ и о женѣ В. Петр. . . . .⁹³⁾ „друзьбы говорилъ мнѣ, чтобы я одобрилъ его выборъ. Я напрягалъ свое воображеніе и достигъ такъ до того, что его невѣста мнѣ стала нравиться“. Сказалъ, что здѣсь ни одна дѣвица мнѣ не нравится. Хоть есть хорошенькія, только я слишкомъ разборчивъ. „Напримѣръ Кобылина?“ — потому что разговоръ былъ и о ея болѣзни, сказала она съ улыбкою, такъ что видно, что по ея мнѣнію она не хороша. Я постыдился за себя, какъ стыдился почти постоянно и раньше, и сказалъ, что она была бы хороша, еслибы на ея лицѣ не было глупенькаго выраженія — что и правда. Я увѣрялъ, что привязанъ къ весьма не многимъ, между прочимъ въ Саратовѣ никому — что и правда, — что мнѣ, только мнѣ, люди милы за свои мнѣнія и свои качества. „А въ Петербургѣ? — сказала она — вы не любили никого? Напр. Введенскаго?“ — „Вовсе не думаю, чтобы отношенія наши съ нимъ были такъ коротки“, — „Можетъ быть съ его женою были короче? — „Да, она подарила мнѣ при отъѣздѣ сигарочницу. Подарила и сестра. Я ей отдалъ взаменъ сигарочницу Введенской, а ея сигарочницу отдалъ здѣсь одному изъ своихъ друзей“. — „Хорошо же вы бережете подарки. Такъ бы вы сдѣлали и со мною?“ — „Нѣтъ, все, что я получалъ отъ васъ, я берегу“. — „Напримѣръ, что же? Вѣрно бахрому отъ мантильи?“ — „Да. Но одну вашу вещь я съегъ“. — „Почему? И какую?“ — „Это какое то вязаніе, которое далъ мнѣ Вас. Дим.“. — „Почему это?“ — Я не хотѣлъ возвратитъ его, не хотѣлъ и имѣть — потому что это было дано не вами?“. — Когда о Кольцовѣ она сказала, что подчеркивалъ ли я тамъ что нибудь, я сказалъ что подчеркнул въ „Послѣдній поцалуй“, — „На полгода всего мы разстаться должны“ — и „какъ весна хороша ты“ — но „невѣста моя“ не подчеркнул, — другого ничего — нѣтъ. — „Почему же вы не подчеркнули невѣста моя?“ — „Не хотѣлъ. Она отыскала это и „подчеркните же и это“. — „Нѣтъ, нельзя“. — Подчеркните“. И она взяла мою руку и провела ногтемъ моимъ по этимъ словамъ. Но сама не хотѣла подчеркнуть и не подчеркнула — это еще когда будетъ. — Еще: „Вы довольно смѣлы“. — Это при началѣ разговора. — „Да, мнѣ стоитъ только вздумать, что такъ должно сдѣлать, и сдѣлать для меня

⁹²⁾ Сергій Николаевичъ Пылицъ, младшій братъ Александра Николаевича Пылина, бывший тогда гимназистомъ.

⁹³⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

ничего не стоит“. — „Какъ напр. вы начали разговоръ со мною“. — Конечно, это была шутка и сказано это было шуточнымъ тономъ, такъ что нельзя было ошибиться. Но шутить я не долгот. Тенерь, напр. я припомнилъ, что черезъ нѣсколько дней я говорилъ, что къ сожалѣнiю не могу жениться, но если бы могъ, то сдѣлалъ бы предложенiе. Еще, когда о Кольцовѣ, она со смѣхомъ говорила: „Ну, читайте же: обойми, поцалуй, приласкай, еще разъ поскорѣй поцалуй горячѣй“. — „Нѣтъ, это не нужно, и я этого не хочу“.

Снова продолжаю сущность разговора. „Всѣ мои ожиданiя о томъ, какое влiянiе производятъ на меня мои отношенiя къ вамъ сбылись. Не сбылось только одно — я думалъ, что они дадутъ мнѣ спокойствiе — а между тѣмъ я мучусь и тоскую — какъ же вы хотите, чтобы я вѣрилъ, когда вы говорите это и смѣетесь“. — „Я говорю совершенно серьезно, даромъ, что смѣюсь. Если хотите и я буду васъ увѣрять, что люблю васъ, но это будетъ ложь“. — „Я этого не хочу слышать, я хочу только, чтобы вы мнѣ вѣрили“. — „Ну, я вамъ вѣрю“; — я заставилъ ее это повторить нѣсколько разъ и, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ убѣдился и успокоился. И теперь рѣшительно спокоенъ. Потомъ, намеки о ея придаюмъ — что этого я рѣшительно не жду — намеки на то, что у меня рѣшительно нѣтъ ничего — это должно сказать еще яснѣе. Я сказалъ только, что хочу сказать ей оскорбительную вещь, что это неприятно для меня, но что она сама заставляетъ меня сказать это, потому что два раза говорила объ этомъ, хотя я раньше говорилъ въ такомъ тонѣ, что она не должна была возобновлять подобный разговоръ (Палимпсестовъ послѣ сказалъ, что за ней должно быть 3000 р. сер. — я не думаю, что мнѣ представлялась такая же сумма, когда она въ четвергъ сказала, что назначено ей, то будетъ дано; для меня это все равно) и я ей скажу — намекну на то, что она огорчаетъ меня тѣмъ, что говорить, чтобы я оставался для Венедикта; но я ей не сказалъ этого, скажу все-таки. Какъ она догадлива! Такъ о поцалуй, — что я этого не хочу — (тутъ большею частью былъ виноватъ Венедиктъ — онъ зналъ, что я женихъ — поцалуйте же ее, сказалъ Венедиктъ). — Не хочу я этого, сказала и она и я. — Да вѣдь вы хотѣли же ее поцаловать на Пасху. — Не поцалую, сказала она. И я не поцаловалъ бы васъ, если бы тутъ было 50 человекъ. Я перецаловалъ бы всѣхъ, но васъ не поцаловалъ бы. — „Почему?“ — Такъ, не хочу. — „Изъ скромности, знаю“ . . . . .⁹⁴⁾. Наконецъ, разговоръ о томъ, что я не долженъ бывать у нихъ: „Дайте честное слово, что не будете у насъ послѣ слѣдующаго воскресенья до Пасхи. — „Нѣтъ, не дамъ, потому что мнѣ надо видѣться съ вами“ *. — „Вы будете меня видѣть у Патрикѣевыхъ въ слѣдующее воскресенье, потомъ въ церкви“. — „Лишь бы я видѣлся съ вами, для меня все равно, у васъ или гдѣ нибудь“. — Раньше этого, когда о томъ, хитрю ли я — я сказалъ: „Я то ужъ не хитрю, и вы настолько проницательны, что должны это видѣть, но другому показалось бы, что вы хотите хитрить со мною; весьма многое въ вашемъ обращенiи могло бы показаться кокетствомъ, я думалъ объ этомъ. — весьма многое“. „Почти все“, сказала она. — „Я замѣчаю это, но вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣчаю другiя вещи, которыя другой не за-

⁹⁴⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

^{*}) Я сказалъ еще: я довольно жилъ въ своихъ отношенiяхъ, кромѣ любви къ женщинѣ. Я много испыталъ, но я никогда не испытывалъ ничего настолько сильнаго, какъ то, что заставляетъ меня испытывать мои отношенiя къ вамъ. И это правда.

мѣтилъ бы; я замѣчаю, хотя обыкновенно не вижу и не замѣчаю ничего“. Потомъ я сказалъ: „Наши характеры новидимому весьма различны“.

Да, весьма различные. — „А между тѣмъ вы не сказали, не сдѣлали ничего такого, что бы не жалѣлъ я—вотъ поэтому то вы и нравитесь мнѣ“. Но довольно. Опишу разставанье. Когда я сталъ выходить,—чтобы я былъ у Анны Кириловны она не хотѣла—сама пусть позоветъ, если хочеть, она знаетъ что вы здѣсь. Когда я выходилъ, Венедиктъ накинулъ на нее мою шубу, она засмѣялась, надѣла шляпу, вышла. „Извозчикъ“, закричала она и сказала: „Я такъ прокачусь“, и поѣхала по площади до угла, потомъ воротившись давала мнѣ цаловать руку нѣсколько разъ. Наконецъ, смѣясь протянула губки. „Поцалуйте въ самомъ дѣлѣ“, сказалъ я—конечно, я не ожидалъ и не хотѣлъ этого, но эта шутка была такъ мила. Потомъ она стала за перилами и все ворочала меня и давала нѣсколько разъ цаловать руку. Оканчиваю тѣмъ, что она сказала мнѣ: „Въ самомъ дѣлѣ къ вамъ весьма можно привязаться“.

Я ей говорилъ о томъ, какъ мнѣ хочется помолиться⁹⁵⁾ за нее. Я ей говорилъ о томъ, что если за полчаса до свадьбы она сказала бы, что ей больше нравится другой, я порадовался бы за нее. Но я еще долженъ сказать о ея женихѣ изъ Кіевской губерніи,—что я не совершенно этому вѣрю.

Теперь я совершенно спокоенъ.

Да будешь ты счастлива, милая, милая!

3¹/₂ часа. Послѣ обѣда.

Я, увѣряя ее въ томъ, что сдержу обязательства свои, сказалъ ей, что если бы я нарушилъ (ихъ), это имѣло бы слѣдствіемъ такой позоръ въ моихъ собственныхъ глазахъ, что я не могъ бы оставаться живымъ, что я не въ горячности, а совершенно спокойно убилъ бы себя; что я совершенно спокойно рѣшился бы, что жизнь послѣ этого мнѣ будетъ несносна и что я не могу жить. Раньше этого я сказалъ ей, что я пока не влюбленъ, но что моя привязанность къ ней развивается страшно, такъ что наконецъ я не отвѣчаю за то, чтобы я не показался ей еще большимъ чудакомъ, чѣмъ теперь, и что дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что я рѣшительно влюблюсь въ нее. Я тяжелъ на подъемъ, но когда поднимусь, то ужъ тутъ я пойду дѣйствительно. Она ревнуетъ меня. Это кажется ясно; ревнуетъ не серьезно, конечно, но все-таки ей пріятна мысль, что мое сердце не принадлежало никому, кромѣ ея, и она хочеть удостовѣриться въ этомъ. Значить, въ ней есть ко мнѣ привязанность. Я говорилъ ей объ этомъ дневникѣ и она говорила нѣсколько разъ, чтобы я принесъ его. Можетъ быть—вѣроятно даже—что я отнесу его завтра, какъ я и говорилъ ей,—но когда можно будетъ читать? Можетъ быть и будетъ время. Но мнѣ жалко его терять. Кажется, она въ самомъ дѣлѣ начинаетъ привязываться ко мнѣ. Во всякомъ случаѣ, она сказала: къ вамъ весьма можно привязаться.

Теперь мои размышленія:

Она мнѣ весьма часто говорила: Вы любите поговорить, вы весьма любите поговорить.

Хитрить ли она со мною? Нѣтъ, это ясно изъ ея обращенія, откровенности, изъ всего. Она не хочеть и не можетъ хитрить. А мои сомнѣнія? Рѣшительно

⁹⁵⁾ Это слово неразборчиво.

изгладились. Т. е. сомнѣнія томъ, что она говорила Бусловской, что она въ понедѣльникъ говорила мнѣ, что Яковлевъ ей сдѣлалъ предложеніе; что ее сватали эти два помѣщика—Харьковскій (въ этомъ я не сомнѣвался) и Кіевскій—это должно быть такъ и было. Дождется ли она меня? Вѣроятно. Она сама сказала: раньше я вышла бы за перваго встрѣчнаго, теперь буду разборчива. Дѣло зависитъ отъ того, чтобы кто нибудь понравился ей больше, чѣмъ я. Я думаю, что она успеетъ привязаться ко мнѣ такъ, что едва ли найдетъ человѣка, который бы ей понравился больше. Когда я ворочусь? Вѣроятно въ сентябрѣ, и въ октябрѣ, черезъ 28 дней, буду въ Петербургѣ съ ней.

Мои отношенія къ домашнимъ? Маменька не будетъ противъ этого выбора. Если будетъ, я уже сказалъ, что я скажу ей и что я сдѣлаю, если она этимъ не убѣдится; но во первыхъ, едва ли понадобится сказать, а если понадобится, то будетъ совершенно достаточно одного намека.

Но мнѣ совѣстно, что я ее, которая не любитъ меня, а развѣ просто думаетъ, что я хорошій человѣкъ и что за меня можно пойти съ удовольствіемъ, что ее я люблю гораздо болѣе чѣмъ Маменьку, которая живетъ только любовью ко мнѣ. Мнѣ совѣстно.

Какъ мы будемъ жить съ нею? Рѣшительно счастливо. Какъ она будетъ держать себя? Весьма свободно. Но кокетничать будетъ гораздо меньше, чѣмъ теперь. Она весьма остепенится. Но если бы и такъ, пусть она дурачится, шалитъ—это будетъ меня радовать за нее. Хотя можетъ быть и будетъ у меня чувство—не ревности, нѣтъ, я такъ увѣренъ въ ея прямотѣ, что подозрѣніямъ противъ нея никогда не можетъ быть мѣста, — а зависти къ тѣмъ людямъ, которые на минуту обратятъ на себя ея вниманіе. Будетъ ли она счастлива со мною? Будетъ, насколько это позволятъ денежныя средства. А ея шалости и, наконецъ, это чувство зависти? Я ужъ и теперь дѣлаюсь болѣе разсудительнымъ, потому что больше увѣренъ въ себѣ и черезъ ея любовь приобретаю я эту увѣренность въ себѣ. Я буду менѣе глупъ, менѣе малодушенъ, чѣмъ теперь. Ея шалости будутъ просто радовать и развеселять меня. Какъ я увидѣлъ ее въ своей шубѣ и шляпѣ, я сталъ думать, не вздумаетъ ли она носить мужское платье.

Если въ Петербургѣ есть хоть одна блумеристка, я самъ предложу ей это, и мы будемъ щеголять съ ней по Невскому и мы будемъ дурачиться. Но я ужъ успѣлъ сообразить: что-жь она будетъ дѣлать со своими волосами? Отрѣзать ихъ жаль. Впрочемъ, для меня она будетъ также мила съ кудрями по плечамъ, какъ и съ косою. Но въ сущности она будетъ весьма вѣрною женою, вѣрною, какъ немногія. А если въ ея жизни явится серьезная страсть? то есть я буду покинуть ея, но я буду радъ за нее, если предметомъ этой страсти будетъ человѣкъ достойный. Это будетъ скорбью, но не оскорбленіемъ. А какую радость дастъ мнѣ ея возвращеніе! Потому что она увидитъ, что какъ бы ни любилъ ее другой, но что никто не будетъ любить ее такъ, какъ я. Я буду любить ее, какъ отецъ любить дочь и какъ мужъ любить свою жену и любовникъ любить свою милую. А если предметъ ея страсти будетъ недостоинъ ея? Тѣмъ скорѣе кончится эта связь, тѣмъ болѣе она будетъ привязана ко мнѣ. Нѣтъ, я не Буа Жиберъ въ *Péché de Mr. Antoine*, я, — однимъ словомъ я не нахожу лица, съ которымъ бы я могъ сравнить себя. Но пора за работу.

Прощай дневникъ до завтра. Завтра я снова увижу ее. Я счастливъ тобою, моя милая невѣста.

5 часовъ. Былъ у Чеснокова, воротился. Маменька еще спитъ. Пока снова пишу.

Что будетъ по моему прїѣздѣ въ Петербургъ? Примусь готовиться къ экзамену, это до обѣда. Прїѣду если въ половинѣ мая, до половины августа это будетъ 3 мѣсяца. Успѣю приготовиться весьма хорошо. Вѣроятно это будетъ много заниматься 30 час. въ недѣлю приготовленіемъ. Вѣроятно будетъ до обѣда время и для другихъ занятій. Должно будетъ изучить для Никитенки Vicher's Aestetik— это одна недѣля; двѣ недѣли на исторію литературы для Никитенки. Одна недѣля для Устрялова. Два мѣсяца для Срезневскаго. Устный экзамень кончу въ двѣ недѣли. Если диссертация—ее успѣть посмотретьъ Срезневскій до начала каникулъ— и въ два мѣсяца успѣть напечатать—будетъ готова къ защищенію къ началу сентября; буду защищать; если не успѣю, совѣтують въ началѣ сентября, послѣ свадьбы. Это ничего. Послѣ обѣда вѣроятно много времени должно будетъ истратиться для посѣщеній (встаю въ 8, до 3 занимаюсь—изъ 7 часовъ вѣроятно въ занятіяхъ всегда успѣю проводить 4¹/₄ часа и въ недѣлю 30), но наконецъ будетъ оставаться часа 1¹/₂—2¹/₂ (отъ 5 до 7) для занятій, иногда ни часу, иногда цѣлый вечеръ; итакъ часовъ 15 будетъ въ недѣлю; въ это время можно написать печатный листъ, итого 4 листа въ мѣсяць. Это доставитъ мнѣ вѣроятно сначала меньше, послѣ больше 200 р. сер., и 150 р. сер., итого около 500 р. сер. Проживу 100 р. сер., на 400 р. можно съѣздить и купить мебели. Рояль возьму на прокатъ тотчасъ по прїѣздѣ (200 р. сер. на мебель, 200 на поѣздѣ), еще рублей 500, или, если можно, больше займу. Это я пишу потому, что главный предметъ моихъ заботъ теперь денежныя отношенія. Остальные всё уладятся. У кого займу? Если ужъ на то пошло—у ростовщика. Послѣ можно будетъ расплатиться. Но вѣроятно не откажется дать ктонибудь изъ знакомыхъ. Вѣдь нашелъ же Минаевъ. Въ Саратовѣ кто? Въ рѣдкой крайности Николай Ивановичъ. У него едва ли будутъ готовы деньги. Но для меня онъ выпишетъ. Но раньше ктонибудь изъ кружка родныхъ, напр., черезъ Ан. Иван. или чтонибудь вродѣ. Но раньше должно постараться найти деньги въ Петербургѣ. Вѣроятно дастъ Введенскій. Если нѣтъ—у ростовщика. Расплачусь. Потому что наконецъ глупо сомнѣваться въ возможности работать и получать деньги, когда выше всѣхъ изъ кружка Введенскаго, напимѣръ, хотя выше его и Милюкова. Однимъ словомъ деньги получу какъ бы то ни было. Въ Петербургѣ о своемъ намѣреніи ѣхать жениться не буду говорить до послѣднихъ дней, когда можетъ понадобится объяснить, для чего нужны деньги.

Главное сыграть свадьбу и устроить квартиру. Тамъ пойдетъ своимъ порядкомъ. Я человекъ, которымъ не будутъ пренебрегать. Я человекъ нужный. Буду писать въ Отечественныхъ Запискахъ или Современникѣ. Можетъ быть получу нѣсколько денегъ и черезъ Русскую Академію. Буду писать все что угодно. Главнымъ образомъ, если на мой выборъ, критическія извѣстія о различнаго рода литературѣ и теоріи словесности. Можетъ быть даже составлю учебникъ вмѣстѣ съ Введенскимъ. Ему отдамъ всю честь, себѣ приму только участіе въ денежныхъ выгодахъ.

Однимъ словомъ, я скоплю казну и могу сказать ей навѣрное: „Тамъ всего у

насъ довольно, эти люди намъ друзья, что душѣ твоей угодно, все добуду съ ними я“.

Въ себѣ я теперѣ увѣренъ. Въ ней увѣренъ. Въ согласіи своихъ родныхъ увѣренъ.

Гдѣ жъ ты прежде мое сомнѣніе?

Съ ней буду переписываться каждую недѣлю. Она будетъ посылать письма на мое имя въ Университетъ.

О, моя милая невѣста!

Ты источникъ моего довольства самимъ собою, ты причина того, что я изъ робкаго, мнительнаго, нерѣшительнаго сталъ человѣкомъ съ силой воли, рѣшительностью, силою дѣйствовать. Благословляю тебя!

Да будешь ты счастлива!

Все это писано въ совершенно холодномъ состояніи духа.

Описаніе воскресенія, дня ея рожденія. Писано въ понедѣльникъ, 4^{1/2}.

Утромъ я былъ у Акимовыхъ, потому что она велѣла быть, сказавъ, что это неловко, какъ бы я бывалъ только для нея. Я раньше этого читалъ свой дневникъ и нашелъ тамъ описаніе вечера въ Семеновскомъ полку, которое меня много позабавило, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшило: тамъ нѣтъ ничего собственно объ этой брюнеткѣ, а только общія чувства о несчастномъ положеніи женщинъ, подобныхъ ей, и тамъ ужъ есть мысль „я хочу любить одну, чтобы могъ сказать ей: никого я не обнималъ раньше тебя, никого я не любилъ раньше тебя“. Я не думалъ, чтобы эта мысль была такъ стара во мнѣ. Это меня обрадовало. У Аким. П. Вас. спрашивалъ меня, женюсь ли я на ней; я сказалъ, что ѣду въ Петербургъ черезъ 1^{1/2} мѣсяца. На вечерѣ Кат. Матв., съ которой я говорилъ больше всѣхъ, сказала мнѣ, помню-ли я стихи Кольцова „Обойми, поцѣлуй и т. д.“; —я сталъ говорить ихъ— „На полгода всего мы разстаться должны“ — „Вотъ это я хочу вамъ напомнить, вы подаете эти надежды“. — „Не знаю, сбудется-ли это—мало-ли что ожидаешь и что не сбывается“. — „Зачѣмъ же возбуждать надежды?“ — „Вотъ видите, я чрезвычайно привязанъ къ О. С., но она ко мнѣ нисколько“ (это я говорилъ, что думалъ). — „Да какъ же можно такъ скоро?“ — „Я ничего не хочу, а говорю только, что отъ своихъ словъ я не откажусь, но что отъ нея я не вправѣ ничего ожидать“.

Итакъ, въ 5 час. мы явились съ Фед. Дим.⁹⁶⁾. Акимовы были ужъ у нихъ. Она сидѣла въ какомъ-то бѣломъ платьѣ, должно быть не своемъ, или въ блузѣ, во всякомъ случаѣ оно было весьма широко. Онѣ сидѣли въ комнатѣ Ростислава; онѣ съ Катер. Матв. и Афанасіей Яковлевной цѣлый день шалили и переодѣвались во всевозможные наряды. Она тотчасъ убѣжала и переодѣлась—вотъ со мной, при мнѣ она не хочетъ дурачиться, для меня она держитъ себя не такъ, какъ для другихъ—я чтонибудь значу въ ея глазахъ. Мы пошли въ залъ. Первую кадрили она имѣла кавалера—Гуськова, вторую хотѣла танцевать со мною, третью я долженъ былъ съ Кат. Матв. Въ первую кадрили я пригласилъ Елену Вас., которая весь вечеръ страшно хотѣла любезничать со мной. Но она рѣшительно дурная дѣвушка и съ ней я не хочу дурачиться, даже, напр., какъ съ Вороновою, потому что она въ самомъ дѣлѣ кокетка. Я, впрочемъ, говорилъ ей довольно много о своей находчивости въ разговорахъ—въ оправданіе, что я не говорилъ съ ней, и

⁹⁶⁾ Федоръ Димитріевичъ Чесноковъ.

разсказывалъ довольно много примѣровъ этого, между прочимъ, о разговорахъ съ Шапошниковою, такъ что это имѣло видъ откровенности. „Вы будете у насъ въ воскресенье?“ — „Буду“ — „Когда?“ — „По утру“ (потому что я думалъ, что вечеромъ будетъ О. С. у Патр., но теперь буду вечеромъ, потому что вечеромъ О. С. будетъ у Акимовыхъ). Я кромѣ того весьма много говорилъ съ Кат. Матв., почти весь конецъ вечера. Это добрая дѣвушка, но болѣе ничего какъ обыкновенная добрая дѣвушка, даже умная дѣвушка, съ которой можно быть откровеннымъ. Она довольно мало понимаетъ въ нашихъ отношеніяхъ съ О. С. Съ О. С. говорилъ весьма мало, почти только между второю кадрилию и въ самомъ концѣ вечера, и В. Дим. былъ весьма недоволенъ моею нелюбезностью и сказалъ, что я держу себя ни на что не похоже. Я подъ конецъ вечера — все время ходилъ съ нимъ и съ Кат. Матв. — сказалъ ему на его повторенныя слова, что я плохъ до крайности, что ему наконецъ стыдно имѣть такого protégé — „Наши отношенія съ О. С. довольно странны“. — Онъ нѣсколько понимаетъ ихъ, хотя не знаетъ, кажется, всего. — „Безъ этихъ отношеній я не поѣхалъ бы въ Петербургъ“. — Онъ все хвалилъ ее, говорилъ, что имѣй онъ возможность доставить ей такую жизнь, къ какой она привыкла, онъ женился-бы на ней. Значить, онъ не знаетъ моихъ отношеній къ ней вполне. Разсказывалъ мнѣ о томъ, какое ея житіе, какъ Ростиславъ разъ сказалъ ей, когда пріѣхала къ Патрик. отъ Гуськовыхъ одна: „Я скажу отцу, что ты была въ гостиницѣ“. Хотѣлъ сказать еще болѣе объ этомъ случаѣ. Сказалъ, что мать не любитъ ее до того, что не хотѣла отдать ее за Персидскаго, который весьма хорошій человѣкъ и который ей нравился. Онъ сказалъ Сократу Евг., тотъ сказалъ, что онъ не прочь, что должно переговорить съ Анной Кирил. „Пріѣзжаетъ онъ разъ — больна, въ другой — тоже, въ 3, 4 — тоже, и дѣло тѣмъ кончилось“. — Шутка съ доскою для арифметики, которая стоитъ у нихъ въ углу залы подлѣ передней. Въ первой кадрили мой визави Вороновъ любезничалъ со своей дамою Лидіей Иван. (Рычкова кажется). Фед. Дим. и Пав. Вас., которые не танцовали, написали на доскѣ: „дежурные старшины Ф. Д. Чесноковъ и Пав. Вас. Акимовъ“, я тотчасъ написалъ вверху „на свадьбѣ Лид. Ив. и Мих. Алекс.“ Рычкова оскорбилась и ушла. Мы написали вверху „свадьба разстроилась“ и понесли доску въ заднюю комнату, гдѣ сидѣли служители — она была тамъ — она вышла послѣ этого, но О. Сокр. сказала, что она разсердилась и хотѣла жаловаться теткѣ, Дарьѣ Кирил. Чтобы сколько нибудь укротить ее, она велѣла мнѣ написать „О. С. и Ник. Гавр.“ и я написалъ это на двери въ передней, какъ бы тайкомъ. Ей тотчасъ это показали, я не хотѣлъ показывать, она, кажется, нѣсколько успокоилась. Какая находчивость и какая доброта! Сколько разъ ужъ я дѣлалъ подобныя неловкости и ставилъ О. С. въ неловкое положеніе, и она не оскорблялась, не капризничала никогда. Вас. Дим. говорилъ о ней подъ конецъ вечера въ самыхъ выгодныхъ выраженіяхъ, и я нашелъ тутъ настоящее слово: „Ольга Сократовна *рыцкая* дѣвушка“.

Теперь конецъ описаній всѣхъ эпизодовъ и я начинаю записывать разговоры съ ней. (Но раньше иду пить чай и послѣ съѣзжу къ Колесникову⁹⁷⁾ за 1 №-мъ Современника для нея).

Наконецъ, долженъ сказать, что мнѣ она съ каждымъ новымъ свиданіемъ

⁹⁷⁾ Эта фамилія написана не вполне разборчиво.

больше нравится и съ каждымъ новымъ свиданіемъ въ самомъ дѣлѣ и болѣе и болѣе вижу въ ней чудныхъ, удивительныхъ качествъ сердца и характера, съ каждымъ новымъ свиданіемъ больше и больше вижу въ ней рѣдкаго ума. О ней ужъ всё говорятъ въ одинъ голосъ. Качества ея души цѣнить и Вас. Дим. и всё знающіе ее коротко, напр., и (даже она!) Сер. Г. Шапошникова и Кат. Матв., которая можетъ цѣнить, потому что сама весьма добрая дѣвушка. Но я цѣню ихъ гораздо болѣе всёхъ, потому что—скажу прямо—во мнѣ самомъ есть много благородства и нѣжности, потому мнѣ вполне понятны чудныя качества ея души. Прощай до 7 часовъ, мой милый дневникъ.

Писано 17, вторникъ, 12¹/₈ час. утра.

Мы все воскресенье говорили съ ней мало. Sie konnte mir kein Wortchen sagen, zu viele Lauscher waren wach, Nur ihrem Blick ich konnte fragen, Und wohl verstand ich, was er sprach.

Она держитъ себя въ отношеніи ко мнѣ такъ, что показываетъ, что увѣрена, что и ужъ не нуждаюсь въ доказательствахъ ея привязанности ко мнѣ. И я былъ совершенно доволенъ. Зачѣмъ при другихъ высказывать внимательность, когда я увѣренъ въ ней. Разговоры наши были весьма кратки. Первый былъ у стола, который стоитъ на улицу къ гостиной ближе. На немъ лежалъ гребешокъ, она взяла его и сказала Катеринѣ Матвѣевнѣ: „Какъ же можно такъ бросать?“ — „А вы часто и долго бываете передъ зеркаломъ?“ сказалъ я. — „Я одѣваюсь передъ зеркалами только на балъ; а такъ, я только вхожу въ залъ взглянуть, когда ужъ одѣта, все-ли такъ; волоса мнѣ причесываетъ дѣвушка, что жъ мнѣ быть передъ зеркаломъ?“ — Вотъ дѣвушка! У нея нѣтъ даже зеркала и это правда, я увѣренъ въ этомъ. И я рѣшительно увѣренъ въ томъ, что сказала мнѣ послѣ Кат. Матв.: „Оля рѣшительно не занята собою, хотя держитъ себя гораздо свободнѣе Елены Васильевны“ (она передъ этимъ сказала, что Ел. Вас. весьма занята собою). Да. Это совершенная правда.

Потомъ, когда пили чай (послѣ первой кадрили; вторую я долженъ былъ танцевать съ ней). Мы ходили нѣсколько времени по залѣ вмѣстѣ. Она подошла сказать мнѣ, что скоро будетъ и моя очередь отправиться къ Аннѣ Кирилловнѣ ⁹⁸⁾ на испытаніе—она поочередно приводила къ ней молодыхъ людей.— „Не думайте, что будетъ для меня особенно скучно. Я вамъ говорю правду, что для меня всякій разговоръ потерялъ свой интересъ, кромѣ разговора съ вами. Если говорить не-съ вами, то для меня рѣшительно все равно—говорить ли съ Анной Кирилловной, Кат. Мр., Вас. Дим., Кат. Матв.—рѣшительно все равно“. Я сказалъ, что принесъ свой прежній дневникъ, Петербургскій, прочитайте ей нѣсколько мѣстъ о томъ, какъ я жилъ въ Петербургѣ.— „Я не могу прочитывать его?“ — „Нѣтъ, онъ такъ мною написанъ, что его нельзя разобрать“. — „Ахъ, какъ это дурно. Зачѣмъ же вы принесли? Вы и такъ можете рассказать. „Для того, чтобы вы не могли усомниться въ томъ, что я буду читать правду“. — „Я и такъ повѣрю“. — „Я отыскалъ тамъ романтическое мѣсто объ одномъ вечерѣ, на которомъ я былъ“. — „О, если ваши воспоминанія ограничиваются только этимъ, то нечего о нихъ будетъ и беспокоиться“. — „Вы меня сильно огорчили О. С. во вторникъ, когда я былъ у васъ на минуту—вы сказали, чтобы я оста-

⁹⁸⁾ Анна Кирилловна Васильева—мать Ольги Сократовны.

валясь до конца юня для Венедикта—неужели вамъ это кажется важнѣе?“ — „Но вѣдь вы сказали, что это дѣло устроится и тогда, если вы уѣдете? Конечно, это мнѣ кажется важнѣе, потому что вѣдь все равно, когда вы ни уѣдете, вы не воротитесь отъ этого раньше?“ — „Нѣтъ, все-таки это ускорить мой прїѣздъ“. И она отводитъ меня къ Ан. Кир. — „Но сейчасъ начнутъ танцовать, я долженъ танцовать съ вами эту кадрили?“ — „Все равно, протанцуете четвертую“. — „Да будетъ ли четвертая?“ — „Вѣроятно будетъ“. — Четвертой не было, и я не танцевалъ съ ней въ этотъ вечеръ, но это было для меня нисколько не прискорбно, потому что мы съ ней теперь обходимся какъ женихъ съ невѣстой, какъ друзья, увѣренные другъ въ другѣ, которымъ не нужно мелкой разчетливости въ внимательности и любезности для того, чтобы понимать привязанность другъ къ другу. Я отправился къ Ан. Кир. Она говорила о томъ, что инныя дѣвицы бойки весьма, о томъ, что Ел. Вас. кажется выходить неохотно. Я, чтобы угодить ей, говорилъ, что вѣдь, конечно, можно принудить Богъ знаетъ какъ, но и на собственный выборъ дѣвицы часто нельзя положиться. Она спрашивала меня о Паскаловой, я говорилъ много и оправдывалъ ее. Наконецъ—я просидѣлъ минутъ 25— Кат. Матв. пришла вызвать меня танцовать третью кадрили. Тутъ то мы говорили о томъ, что О. С. не кокетка и не занята собою.

Послѣ этого, черезъ нѣсколько времени, я говорилъ минуты двѣ съ О. С. Послѣ какъ Вас. Дим. сказалъ мнѣ о томъ, какъ мать не любитъ ее до того, что не хотѣла отдать ее за Персидскаго ⁹⁹). „О. С., а если ваши не согласятся, чтобы вы вышли за меня?“ — „Кто жь? Развѣ одинъ Папенъка“. — „А Анна Кирилловна?“ — „Этого нельзя ожидать“. — „А какъ же васъ сватали и она не захотѣла?“ — „Тогда я была ребенкомъ, это дѣло началось, когда мнѣ было 15 лѣтъ и кончилось, когда мнѣ не было почти 16. Она не хотѣла, чтобы я такимъ ребенкомъ вышла замужъ. Да и теперь она называетъ меня дѣвочкой; говорить, я еще не привыкла заниматься хозяйствомъ. Я тогда еще училась. Она не хотѣла, чтобы я прямо со школьной скамьи вышла замужъ. Да я и послѣ еще училась, я училась до 17 лѣтъ“.

Этотъ разговоръ совершенно удовлетворилъ меня. Кажется, на счетъ Анны Кир. я могу быть спокойнымъ. А теперь спокоенъ и на счетъ Сократа Евгеньевича, потому что онъ не согласился бы только изъ любви къ ней, изъ опасенія, что я не составлю ея счастья; а теперь, когда буду знакомъ съ нимъ, онъ увидитъ, что я хорошій человекъ и что, насколько отъ меня будетъ зависѣть, она будетъ счастлива. Передъ тѣмъ, какъ она отвела меня къ Ан. Кир. и когда мы ходили, пока я пилъ чай, передъ словами, что для меня все равно съ кѣмъ ни говорить, если не съ ней, я говорилъ ей: я не влюбленъ въ васъ, вы только чрезвычайно мнѣ нравитесь, какъ никто никогда, даже въ . . . . ¹⁰⁰). Я только убѣдился, что я буду вполне счастливъ съ вами. Я убѣдился рѣшительно и въ томъ, что вы не пожалѣете никогда о томъ, что вышли за меня, кромѣ только одного; за одно я не ручаюсь—это за то, что у меня будетъ много денегъ“. — „Да развѣ въ деньгахъ счастье?“ — „Деньги одно изъ условій счастья“. — „Это такъ“. — „Да, я только за это не ручаюсь. За все остальное я ручаюсь передъ собою. Никогда съ моей стороны не будетъ кромѣ этого ничего, что бы могло

⁹⁹) Саратовскій помѣщикъ.

¹⁰⁰) Нѣсколько словъ неразборчивы.

мѣшать нашему счастью“. — „А съ моей?“ — „Я увѣренъ, совершенно увѣренъ, что и съ вашей стороны никогда ничего, чтобы когда нибудь возмутило мое счастье“. — „А если я буду виновна въ чемъ нибудь передъ вами?“ — „Я въ этомъ увѣренъ, что никогда ни въ чемъ“. — „Почемъ знать? Вѣроятно, я не могла быть виновна изъ каприза, но мало ли что можетъ быть?“ — „Нѣтъ. въ васъ я увѣренъ совершенно, что вы можете быть только источникомъ счастья“.

Теперь иду къ Кобылину остается только разговоръ передъ отъѣздомъ.

Наконецъ, послѣ какъ мы все ходили съ Кат. Матв. и Патр., стали собираться домой; О. С. подошла ко мнѣ, взяла мою руку отъ Кат. Матв. и сказала ей: „Ты нынѣ совѣмъ отбила у меня Николая Гавриловича“. Все въ этотъ вечеръ происходило такъ, какъ бы она имѣла полное право на меня и мнѣ не нужно ухаживать за нею. „Когда мы теперь увидимся съ вами?“ сказалъ я. — „Въ воскресенье у Акимовыхъ“. — „Утромъ вы будете у Патрикѣевыхъ?“ — „Буду“. — „Я могу тамъ быть?“ — „Можете“. — „А раньше?“ — „Нѣтъ, раньше нельзя“. — „Вы не будете у Патрикѣевыхъ на этой недѣлѣ?“ — „Нѣтъ“. — „Вы будете говѣть и васъ можно видѣть въ церкви?“ — „Нѣтъ, не буду говѣть, потому что будетъ грязно, лошади нужны для Папенки“. — „А“ *).

Стали прощаться. „О. С., почему вы не хотите познакомить меня съ Сократомъ Евгеньевичемъ?“ — „Если хотите, сейчасъ можно“. — Я думалъ въ самомъ дѣлѣ, что она почему нибудь не хочетъ, чтобы я знакомился съ нимъ. И она повела меня къ нему въ кабинетъ. „Папенка, рекомендую вамъ Николая Гавриловича Чернышевскаго“. Онъ взялъ меня за руку и просилъ бывать у него. — „Я самъ тоже люблю что нибудь поговорить—я самъ былъ въ Университетѣ, да еще на казенномъ . . . ¹⁰¹⁾ Медицина мнѣ надоѣла и я люблю поговорить о чемъ нибудь. Вотъ теперь читаю Русскую Исторію Ишимовой. Хорошо написано и прекраснымъ языкомъ“. Я простился съ нимъ и спросилъ О. С., когда я могу быть у него. Она сказала, что можно въ четвергъ. „Достаньте мнѣ 1 № Современника за нынѣшній годъ, тамъ весьма хвалятъ одну повѣсть“. — „Достану; только не знаю, скоро ли, потому что я не читаю нынѣ ничего“. — „Достаньте поскорѣе“. Мы стали прощаться. Она вышла на крыльцо и я нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку. Въ передней (тутъ она сказала снова, что говорила раньше: „Какъ онъ цалуетъ—совершенно машинально“, потому что я самъ сказалъ эти слова, сказанныя ей раньше) и потомъ на крыльцѣ. Я разстался съ ней рѣшительно довольный вечеромъ, хотя другой на моемъ мѣстѣ и не былъ бы доволенъ, потому что она избѣгала любезничать со мною—но для меня именно это и служить самымъ лучшимъ доказательствомъ ея настоящей привязанности и увѣренности въ моей привязанности.

Когда на другой день вечеромъ Вас. Дим. былъ у меня, онъ сказалъ, что когда онъ просилъ ее быть на дняхъ у Патр., она спросила его: „Для чего вы хотите быть?“ — „Собственно для себя, ни для кого бы, но почему вы такъ неласковы съ Чернышевскимъ?“ — „Это могло бы зайти слишкомъ далеко. Я пошла бы за него. Но онъ уѣзжаетъ и нельзя намъ не остерегаться, чтобы не

*) „Такъ вы уѣдете въ маѣ?“ — „Даже раньше, если можно“. — „И мы поѣдемъ на лѣто съ Папенкою въ Харьковъ недѣли на двѣ и воротимся въ концѣ іюля“. И я съ грустнымъ, но покорнымъ тономъ сказалъ: „И выйдете тамъ замужъ“. — „За кого же? Я тамъ знаю всѣхъ. Я говорила вамъ, что тамъ помѣщикъ сваталъ меня, но я не пошла за него и не пойду“.

¹⁰¹⁾ Одно слово не разборчиво.

зайти слишком далеко“. Я увѣренъ, что это правда, что она въ самомъ дѣлѣ ставитъ меня выше и лучше всѣхъ, что она цѣнитъ мою привязанность.

Теперь понедѣльникъ. Я съѣздилъ за Современникомъ къ Колесникову¹⁰²⁾, у котораго онъ былъ, и рѣшился самъ теперь же отвезти имъ его, а не дожидаться до утра, чтобы передать черезъ Венедикта. Но ужъ было нѣсколько темно—появится ли ей мое посѣщеніе, и, кромѣ того, я былъ непричесанъ, не приглаженъ—нужды нѣтъ, зачѣмъ заставлять ее дожидаться лишніе сутки? Да хотѣлось и показать ей мое рвеніе тотчасъ исполнить ея желаніе. Я взошелъ. Она сидѣла въ залѣ и читала. Я не сталъ скидывать шубы. Она вышла ко мнѣ къ дверямъ передней и взяла книгу. „Ужъ досталъ? Какъ скоро. Какой милый, милый!“ Я нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку, не съ пламенною пылкостью, а съ спокойною нѣжностью. „О. С., я буду въ четвергъ у С. Евг.“ — „Будьте“. „Въ 6 часовъ“. — „Да, около вотъ этого времени“—было около 6¹/₂ часовъ. Я еще нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку.

Прости моя милая невѣста, будь счастлива, какъ я счастливъ тобою. Прости до четверга и будь счастлива. Еще два дни и я опять увижу тебя. Прости, будь счастлива.

Да будешь ты счастлива!

Долженъ записать еще перемѣну въ моихъ чувствахъ съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ свои размышленія. Теперь я пересталъ ревновать или завидовать, потому что убѣдился рѣшительно въ томъ, что она вовсе не кокетничаетъ и что желаніе вкружить голову всякому, кто попадется ей въ руки, какъ выражается Палимпсестовъ, рѣшительно ей чуждо. Этого мало. Еще важнѣе. Я убѣдился, что никого она не предпочитаетъ мнѣ, что ея чувство ко мнѣ, или, лучше сказать, ея мысли обо мнѣ, рѣшительно серьезны и довольно глубоки, что она привязана ко мнѣ, или лучше сказать, что я въ ея глазахъ болѣе всѣхъ достоинъ любви и что ни о комъ, кромѣ меня, она не думаетъ и никогда не подумаетъ, кромѣ развѣ того случая, что серьезно и пламенно влюбится въ когонибудь—вещь не весьма вѣроятная по ея собственнымъ словамъ, которыя должны быть рѣшительно справедливы и въ искренности которыхъ я убѣжденъ, точно также, какъ въ своихъ чувствахъ къ ней. Теперь я рѣшительно спокойно чувствую къ ней чрезвычайно сильную привязанность. Прошли всякія безпокойства, всякія сомнѣнія въ томъ, можетъ ли она вѣрить мнѣ, или можетъ ли она оцѣнить, какъ глубоко и нѣжно я привязанъ къ ней. Теперь моя привязанность рѣшительно тиха и спокойна, но чрезвычайно глубока, сильна и нѣжна. О, да будешь ты счастлива, моя милая невѣста!

Писано 18 Марта въ 10¹/₂ ч. вечера . . .¹⁰³⁾

Когда я шелъ изъ гимназіи, меня догналъ Вороновъ и сказалъ мнѣ, что „Вы хотите быть у нихъ въ четвергъ—О. С. сказала, что ихъ дома не будетъ до вторника—завтра именины Дарьи Кирилловны, они будутъ у нея; воскресенье и понедѣльникъ именины и рожденіе Лидіи Ивановны“.

Я посмѣялся этому несчастью передъ Вороновымъ, но это меня обезкуражило рѣшительно. Почему? Не умѣю хорошенъко сказать почему. Можетъ казаться мнѣ

¹⁰²⁾ Эта фамилія написана неразборчиво.

¹⁰³⁾ Три слова неразборчивы.

потому, что она вообще не дорожить случаемъ видѣться со мною? Она рѣшительно не имѣетъ ко мнѣ привязанности. Но я самъ знаю, что это неправда, что она избѣгаетъ случаевъ видѣться со мною, потому что еще больше начнутъ говорить о насъ, ужъ и теперь говорятъ. Или—это ближе—зачѣмъ она сказала Воронову, что я хотѣлъ быть у нихъ въ четвергъ, зачѣмъ она передаетъ мнѣ черезъ него? Она могла бы это черезъ брата. Вороновъ не такъ чистъ и не такъ привязанъ къ ней, какъ Чесноковъ—зачѣмъ выбирать его посредникомъ? Но и это не то—нѣтъ—скажу, что—весьма глупо—все-таки ближе всего къ истинѣ. Это то, что я *влюбленъ* въ нее; мало того, что привязанъ къ ней—мнѣ *нужно* ее *видѣть*; мало того, что я думаю, что лучше жены для меня не можетъ быть; мало того, что я думаю, что я буду счастливъ—во мнѣ потребность *видѣть ее теперь*. Глупо, весьма глупо быть влюбленнымъ—и между тѣмъ это правда. Правду я сказалъ ей, когда былъ въ четвергъ 12: — „Я ожидалъ отъ себя подобныхъ вещей, но чтобы онѣ были въ такомъ размѣрѣ, этого ужъ я не ожидалъ. Я ожидалъ, что буду дѣлать глупости, но чтобы дѣлать такія глупости, на это ужъ я отъ себя не надѣялся. А со временемъ вѣроятно это все будетъ еще въ большемъ размѣрѣ, тѣмъ теперь.“ Такъ и есть, такъ и выходитъ. Я все болѣе и болѣе увлекаюсь. Чѣмъ же наконецъ это кончится? До чего наконецъ это дойдетъ?

Но Вас. Дим. сказалъ мнѣ, что будетъ просить ее быть завтра у нихъ. Если она не будетъ у нихъ, я все-таки буду у С. Евг. Все равно, будетъ ли она дома или нѣтъ, увижу ли ее или нѣтъ. Но должно быть я завтра увижусь съ ней. А если завтра не застаю ее дома, буду у нихъ въ пятницу или въ субботу. Нѣтъ, воля ваша, О. С., вы доводите меня до рѣшительно глупаго состоянія, до состоянія влюбленности.

Да будешь ты счастлива, давшая мнѣ столько счастья!

Писано 20 марта, 8 утра, описаніе четверга.

Вас. Дим. Чесноковъ упросилъ О. С. быть у нихъ въ четвергъ, потому что Д. Гавр. именинница. Я пришелъ, когда ихъ еще не было. Наконецъ пріѣхали. Пошли мы изъ флигеля въ домъ. О. С. сѣла на креслахъ съ правой стороны дивана, Катерина Матв. на диванѣ, я подлѣ нея. О. С. была весьма грустна. Отчего? Она получила нынѣ письмо, въ которомъ писали ей о смерти Рычкова и еще какого-то Виктора¹⁰⁴⁾, „котораго я любила“, сказала она. Она на память сдѣлала его портретъ и показала мнѣ. Она была чрезвычайно грустна и въ весь вечеръ почти у нея наворачивались слезы, наконецъ, она нѣсколько разъ принималась плакать, нѣсколько разъ уходила, чтобы посидѣть одной. Я не сумѣлъ заставить ее высказаться мнѣ и тѣмъ сколько нибудь облегчить свою печаль. Она въ весь вечеръ избѣгала меня. Только разъ удалось мнѣ говорить съ ней и то такъ неловко, что она не поняла моихъ настоящихъ чувствъ. Это было вотъ какъ. Передъ чаемъ, въ 7^{1/2} час., она ходила по залѣ съ Кат. Матв., и подошелъ къ нимъ. Кат. Матв. стала говорить съ Ростиславомъ, и остался съ ней. „Кто жъ умеръ? братъ?“ „Да“, сказала она, нехотя. „Въ такомъ случаѣ эта печаль вовсе не такъ серьезна и долга, какъ я думалъ. Мы родныхъ любимъ такъ, что потеря ихъ не такъ глубоко огорчаетъ насъ. Вотъ если бы это былъ посторонній, дѣло

¹⁰⁴⁾ Викторъ Ивановъчъ Рычковъ—двоюродный братъ Ольги Сократовны.

другое^{*}). И т. д. я говорилъ нѣсколько минутъ въ этомъ родѣ, но такъ глупо, что она приняла это за выраженіе ревности и ушла. Я хотѣлъ сказать, что понималъ, что она думаетъ, что я ревную, и увѣрялъ, что этого нѣтъ, что это только выраженіе одного сочувствія, по которому все, что радуешь ее, радуешь меня и что огорчаетъ ее, огорчаетъ меня. Она не повѣрила. И скоро уѣхала. Я долженъ былъ остаться, чтобы не показать виду, что былъ только для нея, не посмѣлъ даже проводить ее. Что теперь дѣлать? Нынѣ въ перемѣну позову Венедикта къ себѣ и поговорю съ нимъ, если можно съ нимъ говорить серьезно.

Что возбуждаетъ во мнѣ ея печаль о смерти этого молодого человѣка? Нѣтъ, вовсе не ревность. Нѣтъ, одна только скорбь о ея скорби. Но правда и то, что я сказала ей: „Кромѣ того, что я огорченъ вашею печалью, я огорченъ еще тѣмъ, что вы не довѣряете мнѣ, что вы не видите, какое чувство возбуждаетъ во мнѣ ваша печаль о немъ, считаете это чувство ревностью“.

А послѣ, когда она уѣхала, говорилъ съ Вас. Дим. о нашихъ съ ней отношенійхъ и высказалъ свои намѣренія, не высказывая своего разговора съ ней въ четвергъ 19 февраля. Что теперь дѣлать? Вѣроятно, буду просить Венедикта попросить ее отъ меня, чтобы она была дома и поговорила со мною нѣсколько минутъ, а самъ пойду къ Сокр. Евг. и посижу съ нимъ, пока онъ поѣдетъ къ больнымъ. Постараюсь, чтобы она поняла мое настоящее чувство, мой настоящий характеръ. Едва ли это удастся сразу. Для чего я это сдѣлаю? Чтобы она могла мнѣ повѣрить, высказать свою печаль и тѣмъ нѣсколько облегчить ее. И для того, чтобы она поняла меня и лучше увидѣла, что если она рѣдкая дѣвушка, то и я рѣдкій человѣкъ: человѣкъ, съ которымъ можно говорить все; который весьма способенъ выслушать, понять все; понять все, что ему говорить, такъ, какъ понимаетъ это человѣкъ, который говоритъ ему, какъ чувствуетъ это онъ самъ, что я человѣкъ, который сочувствуетъ всему, даже тому, что въ другихъ возбуждаетъ не сочувствіе, а ревность или зависть; что я человѣкъ съ мягкою душою, открытый сочувствію для всякаго горя, для всякой радости. А это для чего? Потому что за это болѣе всего можно привязаться ко мнѣ; это лучшая сторона во мнѣ и я хочу, чтобы она знала и оцѣнила ее. Мало того: я хочу, чтобы наши отношенія уже скорѣе стали именно таковы, каковы они всегда должны быть со мною; что каковы бы ни были мои чувства, хотя даже любовь, хотя даже влюбленность, но что раньше всего—я другъ; раньше всего я живу не своею жизнью, а жизнью тѣхъ, кого я люблю. Установить эти отношенія весьма важно для нашего будущаго счастья.

Но быть у ней нынѣ, говорить съ ней нынѣ—не слишкомъ ли это рано? Не значить ли это надоѣдать ей? Въ такомъ ли она состояніи, чтобы могла разсудить и понять когонибудь и чтонибудь, кромѣ своей скорби? Такъ, рано; поэтому можетъ быть и будетъ лучше, если она не захочетъ нынѣ говорить со мною; но я долженъ нынѣ же показать ей готовность говорить съ ней, чтобы впоследствии, когда она будетъ въ состояніи говорить со мною, она знала, что всегда будетъ таково; что ревность, зависть ни на минуту не были въ моей душѣ отъ этой скорби объ умершемъ миломъ. Я думаю теперь о ней больше, чѣмъ раньше. Я всю ночь видѣлъ ее во снѣ, что было только одинъ разъ до сихъ поръ,

* Я былъ такъ глупъ, что въ это время въ самомъ дѣлѣ думалъ, что эта смерть *только* брата, котораго, можетъ быть, она любила. Но потомъ увидѣлъ, что умеръ, въ самомъ дѣлѣ, еще другой, и о немъ... (Дальше нѣсколько словъ неразборчивы).

да и то во время какой то бессонницы, продолжавшейся часа два. Теперь я спалъ весьма крѣпко, но всю ночь видѣлась мнѣ она и думалось о ней. Я грущу ея грустью и грущу, что она до сихъ поръ не оцѣнила во мнѣ лучшей моей стороны способности быть повѣреннымъ, того, что со мною можно и должно говорить все. *Allein das Neigen von Herzen zu Herzen, Ach! wie so eigenschaffet das Schmerzen.* Но я сочувствую ей больше, чѣмъ когда нибудь, потому что всякое несчастье, всякое горе заставляетъ меня болѣе интересоваться чело-вѣкомъ, усиливаетъ мое расположеніе къ нему. Если человекъ въ радости, я радуюсь съ нимъ. Но если онъ въ горѣ, я полнѣе раздѣляю его горе, чѣмъ раздѣляю его радость и люблю его гораздо больше.

Писано въ 12 час. вечера. Пятница.

Въ гимназіи я говорилъ съ Тищенко¹⁰⁶⁾, который сказалъ, что О. С. по-вѣхала заказывать себѣ черное платье и весьма груститъ, много плакала это утро. Я черезъ него передалъ Венедикту, чтобы онъ былъ у него въ 12 часовъ. Мы пошли и просидѣли около часу. „Венедиктъ Сократовичъ, вы дитя или нѣтъ? съ вами можно говорить серьезно? Вы будете смѣяться или перескажете не такъ?“ — „Говорите, перескажу такъ.“ — „Я хотѣлъ быть нынѣ у Сокр. Евг. — будетъ ли О. С. дома? (я хотѣлъ въ такомъ случаѣ просить ее поговорить со мною нѣсколько минутъ). — „Нѣтъ. Значитъ и вы не будете?“ — „Нѣтъ, все равно, буду. Мнѣ хотѣлось еще кое-что вамъ сказать, чтобы вы передали“. И я сталъ говорить о томъ, чтобы онъ передалъ О. С., что она рѣшительно ошибается, приписывая мой вчерашній разговоръ чувству ревности (эти слова я даже не высказалъ, потому что онъ не знаетъ, кажется, о комъ она груститъ), приписывая мнѣ желаніе заставить ее говорить по какому нибудь другому чувству, кромѣ того, о которомъ я говорилъ ей — желаніе облегчить нѣсколько ея горестъ, давши ей возможность высказаться, и чувству скорби о ея скорби. Я чрезвычайно разстроены ея горемъ. Почти какъ она сама. Нѣтъ, вѣроятно, менѣе, чѣмъ она, но все-таки весьма разстроены, такъ что не могъ ни вчера, ни нынѣ ни читать, ни писать. Когда человекъ въ горѣ, онъ занимается вдвое болѣе. Я никогда не видѣлъ ее во снѣ, кромѣ того, что разъ какъ то мнѣ не спалось и я только дремалъ и конечно думалъ о ней, какъ всегда думаю о ней. Но нынѣшнюю ночь я всю ночь видѣлъ ее во снѣ“ и т. д. о ея характерѣ, въ общихъ выраженіяхъ, такъ, чтобы она поняла ихъ, если онъ будетъ пересказывать сколько нибудь вѣрно; но чтобы онъ не понималъ, я говорилъ о чувствѣ ревности, о томъ, что не могу ревновать ее, потому что слишкомъ знаю ее; о томъ, что я съ этой стороны на столько знаю, чтобы нуждался въ распрашиваніи; о томъ, что я человекъ, который прежде всего созданъ быть повѣреннымъ, которому говорятъ все; что это замѣчали мнѣ люди, которые не любятъ меня и которыхъ я не люблю (я говорю о Пасхаловой), которые все-таки говорили мнѣ, что „на васъ можно положиться болѣе, чѣмъ на кого нибудь, съ вами скорѣе будешь высказываться, чѣмъ съ кѣмъ нибудь“. Я говорилъ о томъ, что безъ отношеній къ ней никогда не уѣхалъ бы изъ Саратова, потому что жаль было бы покинуть Маменьку и т. д. Не знаю, какъ передать онъ, и какъ она приметъ этотъ мой поступокъ — и какъ она повѣритъ тому, что я пересказывалъ черезъ него, но мнѣ стало нѣсколько легче,

¹⁰⁶⁾ Товарищъ Ростислава Сократовича.

когда я высказался передъ нимъ съ надеждою, что онъ хотя сколько нигудь передастъ ей.

Послѣ обѣда спалъ, потому что не шла работа на умъ. Я рѣшительно не могъ работать. Проснулся въ 6 почти, такъ что когда вошелъ на дворъ къ Васильевымъ, ужь стояла лошадь для Сокр. Евг. и я не пошелъ. Отчасти не пошелъ и для того, чтобы успѣлъ побывать у Шапошн. для того, чтобы выпросить Маленькѣ березовки. Мнѣ жаль ее, всего болѣе жаль потому, что я покидаю ее, которая живетъ однимъ мною, покидаю для О. С., которая не чувствуетъ ко мнѣ никакой особой привязанности. Мнѣ совѣстно передъ ней, что я такъ мало люблю ее въ сравненіи съ О. С., которая слишкомъ мало любитъ меня.

Но, все-таки въ ней моя жизнь, въ ней моя радость и скорбь. Der Eichwald brauset, die Wolken ziehn. Ein Mägdlein sitzt am Ufer's Grün, Es bricht sich die Welle mit Macht, mit Macht. Das Auge vom Weinen getrübet. Das Herz ist gestorben, die Welt ist leer. Und weiter giebt nichts dem Wunsche noch mehr. Du Heilige, rufe dein Kind zurück, Ich habe genossen das irdische Glück, ich habe gelebt une geliebt¹⁰⁶⁾. Она говорила: „Теперь я желала бы умереть. Это первая потеря человѣка близкаго къ моему сердцу“.—Es rinnet der Thränen vergeblicher Lauf, Die Klage sie weinet die Todten nicht auf. Doch sage, was tröstet und heiter die Brust Nach der süßen Liebe verschwundener Lust—Ich, die Heilige, will's nicht versagen. Lass rinnen des Thränen vergeblichen Lauf. Es weine die Klage den Todten nicht auf. Doch das süsseste Glück für die trauernde Brust nach der schönen Liebe verschwundener Lust sind der Liebe Schmerzen und Klagen¹⁰⁷⁾.

Я буду плакать вмѣстѣ съ тобою о твоемъ погибшемъ миломъ, моя милая, моя милая, милая! И я плачу въ самомъ дѣлѣ.

Писано 26 марта 11½ час. Буду коротокъ, какъ можно болѣе, потому что некогда быть длиннымъ.

Воскресенья 22 марта я дожидался съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, чтобы встрѣтить ее у Акимовыхъ. Даже я не совсѣмъ рассчитывалъ на это, поэтому даже мало одѣвался. Но она была тамъ. Наконецъ, танцую кадрили, я ей говорю о моей скорби. Доказательства въ тонѣ, какимъ я говорю и на моемъ лицѣ. Послѣ сидимъ съ ней въ гостиной, пока другіе танцуютъ гротфатеръ. Она говоритъ мнѣ, что теперь менѣе печальна, чѣмъ раньше, чѣмъ нынѣ поутру; и она была, правда, печальна. но не до такой степени, чѣмъ раньше. Я почувствовалъ, что у меня на сердцѣ становится легче. Она, наконецъ, когда подали водку, начала шалить съ Пригоровскимъ, который былъ подлѣ на диванѣ (мы сидѣли на креслахъ въ залѣ), заставляла его пить водку и грозила, если онъ не будетъ пить, вылить ему на голову, и вылила въ самомъ дѣлѣ цѣлую рюмку. И я началъ шалить—мѣшалъ ему пить, когда подавала ему, и т. д. Двѣ рюмки разлилъ, наконецъ, унесъ бутылку и продолжалъ шалить. Она, наконецъ, разсердилась, принявши это за дерзость преднамѣренную съ моей стороны. Можетъ быть я и сдѣлалъ въ продолженіе этой шутки какую нибудь дерзость, но не замѣчая самъ. Когда ушли въ залу, она подала руку Палимпсестову, сказавъ, что не хочетъ говорить со мною.

¹⁰⁶⁾ Шиллеръ—Das Mädchens Klage.

¹⁰⁷⁾ Шиллеръ—Das Mädchens Klage.

Я нѣсколько приставалъ къ ней, чтобы она говорила со мною, потому что мнѣ хотѣлось узнать, чѣмъ я оскорбилъ ее и, кромѣ того, спросить, почему она думаетъ, что я не могу понравиться Аннѣ Кирилловнѣ, потому что я думаю, что понравлюсь, поэтому буду у нея, если О. С. позволить. Но она не хотѣла говорить и наконецъ (это было когда они съ Палим. шли по залѣ)— „Вы хотите быть со мною также дерзки, какъ съ Наташей—съ ней можно, потому что она дѣвочка, но съ собою я не позволю такъ обращаться, потому что я дѣвица. Я отвѣчу вотъ чѣмъ“ —и она приподняла нѣсколько руку (т. е. вы заставите меня ударить васъ по щекѣ). Видя, что она рѣшительно разсержена, я оставилъ ее. Но когда (тотчасъ послѣ этого) стала уѣзжать, я на лѣстницѣ спросилъ, въ самомъ ли дѣлѣ я ее оскорбилъ.

Продолжаю писать въ 9 часовъ, воротившись отъ О. С.

„Oui, je suis fâchée“ — „Ну, это еще ничего, не въ этомъ дѣло—оскорбилъ ли я васъ въ самомъ дѣлѣ?“ — „Oui, je suis fâchée“ —и она не хотѣла подать мнѣ руки ни на прощаніе, ни послѣ, когда стали разѣзжаться (тутъ они поѣхали вѣ вмѣстѣ, я съ Буловскимъ и Кат. Матв. послѣдніе). Это меня разстроило до крайности. Памятникомъ этого разстройства осталось недописанное письмо къ ней и письмо къ Сашѣ¹⁰⁸), писанное во вторникъ, и еще то, что я не хотѣлъ ничего писать объ этомъ въ дневникѣ, пока дѣла не устроятся.

Наконецъ настало Благовѣщеніе. Я всѣ три ночи, на понедѣльникъ, вторникъ и среду, не засыпалъ до часу, двухъ или болѣе, поэтому просыпался поздно и утомленный. Поэтому проспалъ и обѣдню раннюю. Прихожу къ поздней въ шубѣ, смотрю—въ лѣвомъ преддѣлѣ назади стоитъ Кат. Матв. и подлѣ нея Полина Ивановна Рычкова.—О. С. съ перваго раза я не замѣтилъ, но думалъ, что она должна быть тутъ, поэтому посмотрѣлъ еще разъ—она стоитъ между ними, и когда я оборотился, спряталась за Полину Ивановну. А, такъ она перестала сердиться, потому что начинаетъ шутить—я думалъ, что она серьезно и долго будетъ сердиться,—о, такъ я пойду къ нимъ. Когда я не видѣлъ ее, я хотѣлъ подойти; когда увидѣлъ, что тутъ, не хотѣлъ, чтобы не оскорбить ее своимъ преслѣдованіемъ; теперь увидѣлъ, что не сердится, поэтому рѣшился подойти—я ушелъ домой, чтобы нѣсколько одѣться, потому что теперь ясно, онѣ поѣдутъ къ Патрикѣевымъ, а Патрикѣевы можетъ быть позовутъ меня—воротился, сталъ и началъ говорить съ Кат. Матв. которая стояла слѣва. О. С. черезъ минуту оборотилась и сказала, чтобы я не говорилъ,—я отвѣчалъ какъ обыкновенно шутливо-равнодушнымъ тономъ— „Я говорю не съ вами, для васъ должно быть все равно“.— „Да вы мнѣ мѣшаете молиться, уйдите“.— „Если вамъ непріятно, вы можете уйти, куда вамъ угодно“ —и продолжалъ говорить съ Кат. Матв. Она ушла и стала сзади меня, подлѣ О. Андр., но рѣшительно подлѣ меня. Я продолжалъ говорить съ Кат. Матв., которая сердилась и смѣялась. О. С. начинаетъ говорить со мною и страшно хохотала своему разговору и моимъ отвѣтамъ—наконецъ она сказала: „что вы не молитесь?“ — „Если вы прикажете буду молиться“, и нѣсколько разъ она велѣла мнѣ становиться на колѣни, молиться въ землю. Въ это время опустилъ мнѣ ея муфту Вороновъ, который стоялъ подлѣ—вѣроятно, по ея приказанію—я взялъ муфту и поклонившись въ землю поцаловалъ

¹⁰⁸) Александру Николаевичу Пыпину.

ее, потомъ поцаловаль платье Кат. Матв. и сдѣлаль это нѣсколько разъ, пока взяли у меня муфту; тогда я, когда она велѣла мнѣ становиться на колѣни, цаловаль платье Кат. Матв. и такъ шалиль страшнымъ образомъ во всю обѣдню, такъ что всѣ, кто стояль кругомъ, смотрѣли на насъ. Она шалила, спрятала въ карманъ моего пальто свои ключи, перчатки, четки и т. д., наконецъ что я замѣтилъ только, когда былъ у Кобылина, положила мнѣ въ карманъ папироску— гдѣ она ее взяла, Богъ знаетъ. Послѣ конца обѣдни я спросилъ ее, будетъ ли она у Патр. вечеромъ. Она сказала, что нѣтъ. Онѣ поѣхали къ Патр., я не зашелъ къ нимъ утромъ, хотя и думаль, что можетъ быть зайду; вмѣсто этого пошелъ къ Малышеву¹⁰⁹⁾ котораго не засталъ дома, и потомъ просидѣль до 1½ у Кобылина. Анжелика Алексѣевна сказала, чтобы я у нихъ обѣдалъ; я поторопился домой, сталъ собираться, чтобы быть у нихъ въ 3½; въ это время принесли мнѣ отъ Вас. Дим. записку, чтобы я былъ въ 5 ч. у Патр. Я зашелъ къ нему и сказалъ, что буду. Отъ Кобылина отпавился въ ½6. Когда пришелъ, у Патр. были уже всѣ, т. е. Рычковы, Шапошниковы, Чесноковы, наконецъ, Ростиславъ, но ея не было въ этихъ комнатахъ. Она была въ заднихъ, куда ушла должно быть нарочно, увидя меня въ передней. Наконецъ, она вышла и проходя мимо (я сидѣль въ гостиной съ О. Андр.), поклонилась на мой поклонъ, но не подала мнѣ руки.

Когда начинали первую кадрили, Кат. Матв. сказала мнѣ, чтобы я просилъ О. С., потому что она хочеть танцовать со мной, но она сказала, что имѣеть кавалера, „Какую же вы хотите танцовать со мной?“ — „Ни которой“, но (вторую я танцоваль съ Афанасією Яковлевной) въ третью кадрили, когда я долженъ былъ танцовать съ Кат. Матв., она сказала, что танцуетъ со мной—потомъ она танцовала со мной слѣдующія три кадрили — ихъ только я и танцоваль, потому что другія кадрили она не танцовала, такъ что я не танцоваль съ Кат. Матв. Потомъ она сидѣла со мной въ гостиной, сначала у окна, которое въ залъ, послѣ на креслахъ, которыя отъ дивана къ залъ — потомъ ушла играть на фортепiano; потомъ сѣла съ Лидіей Ивановной подлѣ окна, которое къ гостиной; я стояль подлѣ и когда она уходила, садился говорить съ Лид. Иван. Наконецъ Лидія Ив. ушла и мы сѣли одни. Послѣ этого еще нѣсколько времени мы ходили по залъ. Что тутъ было сказано замѣчательнаго, буду писать какъ можно короче, потому что не достаетъ времени.

Когда мы танцовали вторую кадрили, мы сидѣли подлѣ дверей у передней.

Тутъ я началъ свое объясненіе относительно воскресенья. Сущность разговора будетъ въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ съ самаго начала: „Вы еще слишкомъ молоды, я бы васъ болѣе любилъ, если бы вы были годомъ старше. Вы не понимаете значенія того, что дѣлаете, потому что въ воскресенье вы сказали мнѣ такіа слова, которыя имѣли на меня ужасное слѣдствіе — вы не понимали, какъ оно важно, вы еще не понимаете всей серьезности нѣкоторыхъ вещей“. — Она говорила, что я былъ дерзокъ нарочно, потому что у меня все дѣлается обдуманно; потому что она не вѣритъ мнѣ; словомъ, что это было преднамѣренно, — что я былъ дерзкимъ нарочно, чтобы показать, что могу обращаться съ ней такъ, какъ съ другими. Потомъ мы сидѣли у окна, которое къ гостиной; тутъ она

¹⁰⁹⁾ Фамилія неразборчива; можетъ быть — Мелантовичу.

сказала мнѣ, что я одинъ только разъ оскорбилъ ее.— „Что жъ это такое?“ — „Я это не скажу, вы должны знать сами“. — Я началъ вспоминать, что было серьезнаго сказано мною, но не могъ отгадать. Наконецъ она сказала: „Когда вы были у насъ и мы сидѣли въ столовой“. — Я началъ перебирать разговоръ и наконецъ дошелъ до мѣста — я женюсь на васъ только потому, что думаю этимъ сдѣлать вамъ услугу. „Вы сказали „почти“ — я сказалъ, что . . . . .¹¹⁰⁾ можно опустить „почти“ — это оскорбило ее (я думалъ, что это должно быть въ высшей степени оскорбительно, но не замѣтилъ, что она этимъ оскорбилась — смотри это — дневникъ, размышленія о ней) — это оскорбило ее и она такъ долго не довѣрялась мнѣ потому, что это оскорбило ее — какъ мало еще она откровенна со мною — я сталъ говорить о странности моихъ понятій, о томъ, что я хотя понимаю, что это оскорбительно, но готовъ всегда сказать это во второй разъ, если понадобится, — началъ говорить о томъ, что мои понятія въ самомъ дѣлѣ странны, и разговоръ перешелъ къ моимъ понятіямъ о супружескихъ отношеніяхъ. — „Неужели вы думаете, что я измѣню вамъ?“ — „Я этого не думаю, я этого не жду, но я обдумывалъ и этотъ случай“. — „Что жъ бы вы тогда сдѣлали?“ — Я рассказалъ ей Жака Жоржъ-Занда. „Что жъ бы вы тоже застрѣлились?“ — „Не думаю“, и я сказалъ, что постараюсь достать ей Жоржъ-Занда (она не читала его, или во всякомъ случаѣ не помнитъ его идей — нынѣ былъ у . . . . .¹¹¹⁾, у него нѣтъ Жоржъ-Занда, и сказалъ ей нынѣ объ этомъ). Наконецъ подошла Лидія Ивановна и сказала, что Ан. Кир. поручила поцаловать меня и сказать мнѣ, что Ростиславъ говорилъ Ан. Кир. наканунѣ, что она мнѣ нравится и что я хочу сдѣлать ей предложеніе, и что Ан. Кир. сказала, что она будетъ согласна, и Ростиславъ требовалъ, чтобы и она согласилась, и что когда она ушла и легла въ постель, Ростиславъ подошелъ къ ней и приставалъ до тѣхъ поръ, пока она сказала, что согласится. — „Такъ я буду у васъ“. — Теперь можно бывать, потому что вамъ дано не только разрѣшеніе, даже приказаніе“ — и наконецъ, когда я прощался и всѣ вышли въ переднюю вмѣстѣ, она сказала: „Demain, а cinq heures“. Итакъ я былъ у нихъ нынѣ въ 5 часовъ и пробылъ до 8^{1/2}, сидѣлъ съ полчаса съ Сокр. Евг., 3 раза былъ у Анны Кирил., въ разговорѣ съ которой попадались намеки, на которые я тоже отвѣчалъ намеками. Теперь разговоръ съ нею нынѣ. Я предугадывалъ, что она подойдетъ къ этому и что кончится тѣмъ, что она мнѣ говорила, но, не приготовившись къ этому, не обдумывалъ это, потому что считалъ это не совсѣмъ вѣроятнымъ послѣ ея словъ, что она не хочетъ этого (чтобы раньше моей поѣздки) — это было сказано мнѣ у Акимовыхъ.

26 марта. У нея (продолжаю писать 27 пятн., 6^{1/2} час. утра).

Она рѣшительно измѣнила свое обращеніе со мною — не стѣсняется ничѣмъ со мною, также какъ раньше не стѣснялась, напр., съ Вас. Дим., и теперь сама сказала, что въ субботу я долженъ быть у нихъ, а въ воскресенье можетъ быть у нея будетъ Кат. Матв. и тогда я снова долженъ быть. Но сущность разговора будутъ слова, которыя она сказала мнѣ, когда я воротился отъ ея матери: „Поѣдьте въ Петербургъ вмѣстѣ“. — „Я снова скажу вамъ — воля ваша“. — „То есть?“ — „То есть, какъ вамъ угодно, такъ я и сдѣлаю, но дѣло въ томъ, что

¹¹⁰⁾ Два слова неразборчивы.

¹¹¹⁾ Фамилія неразборчива.

это, по моему мнѣнію, будетъ не совсѣмъ честно съ моей стороны. Но если вамъ такъ угодно, и вѣроятно долженъ сдѣлать такъ, какъ вамъ угодно. Теперь некогда; когда я буду у васъ въ субботу, я выскажу вамъ неудобства этого; если вы и послѣ захотите, и сдѣлаю, какъ вамъ угодно“. Раньше этого, когда она повела меня отъ Сокр. Евг. къ Аннѣ Кир., и сказалъ: „Если она заговорить о моихъ намѣреніяхъ, что мнѣ сказать ей?“ — „Она этого не скажетъ“. — „И я такъ думаю, но если заговорить, что сказать?“ — „Что хотите“. — „Но до какой степени я могу высказывать ей?“ — „Сколько хотите, она этого не скажетъ“. — „Но если она станетъ намекать, могу-ли я говорить?“ — „Даже не мѣшало бы“. — Я самъ все-таки не намекалъ. Но сама О. С., когда Анна Кир. стала просить меня прочитать стихи, развернула послѣдній поцалуй изъ Кольцова и сказала: „Ну, прочитайте-же „на полгода всего мы разстаться должны“. Я конечно отвѣчалъ на это — „И слава Богу, что на полгода, т. е. не болѣе“, — „То есть не менѣе?“ — Потомъ она сказала Полинѣ Ивановнѣ, что скоро выходитъ замужъ; при матери — что теперь она уѣзжаетъ отсюда, когда та говорила, ...¹¹²⁾, что ей тяжело разставаться съ дѣтьми и послѣ ужъ добавила, что это она уѣзжаетъ съ отцомъ въ Харьковъ — такъ она хотѣла заставить меня высказаться передъ матерью яснѣе. Но я говорилъ только такъ, чтобы не опровергать намековъ Анны Кир. и О. С., а самъ не говорилъ болѣе, чѣмъ онѣ. Иду внизъ работать.

Я говорилъ на эти предложенія: 1) у меня нѣтъ денегъ, но если вы рѣшительно хотите, я возьму гдѣнибудь; 2) я все время буду работать — что-жъ вамъ будетъ за удовольствіе и что-же вы станете дѣлать? Она отвѣчала, что у нея есть деньги и что она сама будетъ работать въ это время. Я ей говорилъ потомъ, что она не рѣшительно знаетъ мой характеръ, и что я одинъ изъ тѣхъ людей, которые „проютъ чужую крышу, а свою раскрываютъ“, что я постоянно жертвовалъ своими выгодами для чужихъ, и рассказалъ свои отношенія къ Любинькѣ¹¹³⁾ — я не думалъ, что такъ я буду дѣлать и съ вами, но Богъ знаетъ. Но наконецъ я не могъ говорить обо всемъ, потому что ужъ было поздно и выскажу ей въ субботу, когда она велѣла быть въ 4^{1/2} час.

Что-жъ теперь будетъ: вѣроятно, я женюсь до отъѣзда. Въ такомъ случаѣ поѣдемъ въ половинѣ мая. А какъ это устроится? Въ субботу я буду говорить ей все: 1) денегъ нѣтъ — если угодно, она должна мнѣ дать займы на устройство квартиры и т. п. — это будетъ стоить 1000 или 1200 р. сер., 2) по пріѣздѣ я буду работать весьма много, такъ что мало времени могу посвящать ей; 3) Еще мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы она должна была беспокоиться о моихъ дѣлахъ — мнѣ хотѣлось-бы, чтобы раньше, чѣмъ ея судьба соединилась со мной, дѣла мои были устроены; 4) наконецъ, скажу и то, что эта женитьба будетъ предметомъ, который введетъ въ сомнѣніе моихъ петербургскихъ знакомыхъ относительно того, буду-ли я работать какъ должно; 5) я не хотѣлъ бы, чтобы у нея былъ мужъ, нуждающійся въ комънибудь, неравнымъ по положенію своимъ покровителямъ.

(Но что жъ такое наконецъ? Все-таки я буду радъ, если это такъ выйдетъ).

Что скажетъ она на это? Скажетъ, что все-таки хочетъ выйти за меня теперь,

¹¹²⁾ Нѣсколько словъ неразборчивы.

¹¹³⁾ Двоюродная сестра, Любовь Николаевна Котляревская, вышедшая замужъ за И. Г. Терсинскаго и вскорѣ умершая.

до отъѣзда. Почему-же? Я попрошу ее быть такъ-же откровенной и прямою, какъ я. Что особеннаго въ эти мѣсяцы? Что она не хочетъ исполнять мои желанія раньше все устроить, потомъ жениться, чтобы не было у нея безпокойства на счетъ возможности жить и на счетъ моей честности и будущности. Что она скажетъ, я положительно не знаю, можетъ быть никакихъ не будетъ особенныхъ фактовъ, скорѣе только то, что ея положеніе невыносимо тяжело. Чѣмъ кончится разговоръ? Я скажу: „Когда-же я долженъ просить вашей руки? Сейчасъ или на Святой? Она вѣроятно скажетъ — на Святой.

Что же окончательно? Я радъ, что это будетъ такъ. Всѣ мои сомнѣнія и шепетильности, кромѣ разсчета о деньгахъ, вздоръ; это, конечно, непріятно, что я долженъ буду пользоваться ея приданнымъ, но что же дѣлать? Это вѣроятно введетъ ее въ сомнѣніе относительно моей честности и безкорыстія — но что жъ дѣлать? Я не сталъ бы просить денегъ у нея, если бы могъ взять ихъ въ другомъ мѣстѣ, но гдѣ кромѣ? Я не знаю. Даже сказавши это ей, я попробую сыскать въ другомъ мѣстѣ — только едва ли это удастся. Дѣло кончится тѣмъ, что я попрошу, если она почтетъ это возможнымъ, у самого Сократа Евг. займа, и если такъ, то 2000 р. сер. Сейчасъ принимаюея составлять смѣту издержекъ на обзаведеніе.

О, моя милая невѣста! Ты хочешь такихъ отношеній, какихъ никогда не хотѣлъ бы я, — но какъ тебѣ угодно, такъ и будетъ.

Продолжаю въ 11 час. воротясь отъ Николая Ивановича.

Что будетъ? Вотъ что: свои противодѣйствія¹¹⁴⁾ не выставлю я всѣ — я скажу только о денежныхъ; скажу, что нужно 1000 р. сер., что если она думаетъ, что это возможно, я попрошу ихъ у Сократа Евг. займа; если нѣтъ, то у нея (хотя это мнѣ весьма не хочется). Она скажетъ, что мнѣ сдѣлать. Раньше всего, если она позволитъ говорить о деньгахъ съ Сократомъ Евг., я попрошу указать, нельзя ли занять у другого, если нѣтъ — у него. Однимъ словомъ дѣло о деньгахъ будетъ рѣшено завтра. Но я предложу ей сутки, или сколько угодно времени на размышленіе. Послѣ ея отвѣта, который вѣроятно будетъ — я хочу ѣхать теперь въ Петербургъ — я скажу, что прошу позволенія объявить о моихъ намѣреніяхъ Сократу Евг. сейчасъ же и скажу ему такъ: „Сократъ Евгеньичъ всмотритесь въ меня пристальнѣе, потому что я намѣренъ просить руки О. С.“. Послѣ этого когда я скажу о своихъ намѣреніяхъ своимъ? Я думаю, лучше это сказать черезъ 2 или 3 этапъ недѣли, по полученіи рѣшительнаго согласія отъ Сократа Евг., потому что раньше — безразсудно: къ чему, если онъ не согласится? Онъ вѣроятно согласится, но все-таки нужно раньше получить положительное согласіе, потомъ объяснить своимъ. Въ какомъ духѣ будетъ объясненіе съ нашими? Раньше я скажу Паленькѣ, и если онъ не заставитъ, то не буду входить ни въ какія подробности, если заставитъ — объясню, почему съ ней я буду счастливъ, съ другой нѣтъ; объясню свой характеръ и то, какая жена мнѣ нужна. Если не пойметъ и не согласится, скажу свое рѣшеніе — скажу какъ можно мягче, что я рѣшилъ не пережить этого дѣла, если они не согласятся. Но я не думаю, чтобы не согласились. Только онъ дурнаго мнѣнія о Сократѣ Евг. — что за нужда, это не касается ея — а если онъ слышалъ о ея свободномъ обращеніи — и о немъ объяснюсь. Однимъ словомъ, отношенія къ своимъ меня теперь рѣшительно перестали тревожить. Они согласятся;

¹¹⁴⁾ Не описка ли, вѣсто „возраженія.“?

такъ или иначе, но согласятся, и я думаю безъ большого противорѣчя. А если Папенька скажетъ — дай посмотрѣть намъ? Я скажу — нѣтъ, сейчасъ согласіе; ни сутокъ отсрочки. Пожалуй, нѣсколько минутъ на размысленіе, но безъ совѣта съ кѣмъ бы то ни было, даже съ Маменькою. Со стороны Анны Кир. полное согласіе уже видно приглашеніемъ бывать у нихъ почаще, зная зачѣмъ я бываю.

Послѣ этого объясненія съ ней и вслѣдствіе его съ Сократомъ Евг. я поговорю съ ней о Николаѣ Ивановичѣ и Лидіи Ивановнѣ.

Чѣмъ-же кончится дѣло? Тѣмъ, что я поѣду отсюда съ О. Сокр. Поѣдемъ, если можно, прямо изъ церкви, но на это не согласятся; въ такомъ случаѣ послѣ обѣда; свадьба будетъ поутру — я думаю, она согласится съ этимъ, потому что не любитъ церемоній, какъ и я.

Каковы теперь мои мысли, мои чувства о ней?

Во-первыхъ, какое впечатлѣніе произвели на меня ея вчерашнія слова? Самое успокоительное. Теперь я буду внѣ опасности потерять ее. Теперь я буду внѣ своей обыкновенной мнительности о томъ, что будетъ, будетъ-ли такъ, какъ мнѣ представляется и хочется.

Но мои дѣла въ Петербургѣ не устроены. Да развѣ, говоря разсудительно, я могу сомнѣваться въ томъ, что я буду имѣть возможность доставить ей жизнь съ такими же удовольствіями, какими пользуется она здѣсь. Мои мысли о томъ, что не понравится Никитенкѣ (да онъ мнѣ не нуженъ) и Введенскому, что я женился? Да это вздоръ. Спрашивать мнѣнія Введенскаго о томъ, когда и на комъ мнѣ жениться? Я не позволю и говорить себѣ объ этомъ, скажу только: по моему характеру такъ было нужно, безъ этого я не выѣхалъ бы изъ Саратова. Болѣе ничего не скажу и послѣ этого ничего не позволю себѣ сказать. Помѣшаетъ ли моимъ дѣламъ, что я пріѣду женатымъ? Развѣ магистерскій экзамень начну я въ сентябрѣ, вмѣсто мая, да въ маѣ трудно будетъ и начать; за то я не буду торопиться и дѣло пойдетъ гораздо лучше и основательнѣе. А магистерскій экзамень раньше или позже нѣсколькими мѣсяцами все равно, до или послѣ каникулъ. Да во всякомъ случаѣ онъ и былъ бы конченъ послѣ каникулъ, потому что защищеніе диссертациі оставалось бы послѣ каникулярнаго семестра во всякомъ случаѣ.

Будетъ ли она мѣшать мнѣ работать? Напротивъ, тутъ я буду рѣшительно внѣ всякихъ развлеченій и буду работать до 6 часовъ каждый день, сидя подлѣ нея. Когда будетъ свадьба и когда мы поѣдемъ? Въ концѣ мая или началѣ іюня. Когда будетъ объясненіе съ нашими? Передъ самою свадьбою, если они сами не заговорятъ раньше объ этомъ, если до нихъ не дойдетъ рѣшительныхъ слуховъ.

Какія теперь мои чувства? Такъ разсудительны и чисты отъ всякихъ грязныхъ расчетовъ, которыхъ раньше я ожидалъ отъ себя, что я дивлюсь. Радость моя отъ того, что мой союзъ съ ней вѣрный и настолько, что я буду мужемъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, не отъ нетерпѣнія чувственности. Чувственная сторона теперь во мнѣ рѣшительно не имѣетъ никакого вліянія въ сравненіи со стороною душевнаго счастья и разсудительности, спокойныя надежды на то, что моя жизнь опредѣляется такимъ образомъ, какъ только могъ я представить.

Завтра допишу эту тетрадь до того, какъ пойду къ нимъ, потому что хочу начать слѣдующую тетрадь окончательнымъ объясненіемъ съ ней.

О моя милая невѣста! Источникъ моего счастья! Ты будешь правительницею

нашей жизни, и моя жизнь будетъ счастлива, потому что будетъ посвящена заботамъ о твоёмъ счастьѣ.

Писано въ субботу въ 8^{1/2} утра.

Влюбленъ ли я въ нее или нѣтъ? Не знаю; во всякомъ случаѣ мысль объ „обладаніи ею“, если употреблять эти гнусные термины, не имѣетъ никакого возбуждающаго дѣйствія на меня. Я только думаю о томъ, что я буду съ ней счастливъ, потому что въ ней столько ума и проницательности, что она не будетъ раскаиваться, что вышла за меня, потому что поступки ея весьма хорошо обдуманы, потому что она достаточно понимаетъ меня и что не знаетъ еще въ моемъ характерѣ, то, я надѣюсь, не измѣнить ея мнѣнія обо мнѣ къ худшему, потому что особенности и странности моего характера, который нельзя понять и которому нельзя вѣрить иначе, какъ послѣ долгаго знакомства, — моя хорошая сторона.

Но она мнѣ весьма нравится. Если бы она была не хороша собою — а мнѣ хорошенькими кажутся весьма немногія и собственно говоря, никого кромѣ нея, изъ тѣхъ дѣвицъ, которыхъ я встрѣчалъ здѣсь; Афанасія Яковлевна, впрочемъ, тоже имѣетъ миленькое лицо, — то, конечно, я не могъ бы такъ быть привязанъ къ ней, какъ теперь — мнѣ нужно, чтобы я могъ любоваться на свою милую; если бы она не была такъ хороша, я не очаровался бы ею, но все-таки ея красота, хотя весьма важна для меня, но все-таки важнѣе, гораздо важнѣе для меня качества сердца и характера и когда я думаю о блаженствѣ, которое ожидаетъ меня, вѣроятно, тутъ является и чувственная сторона этого блаженства, но гораздо сильнѣе занимаетъ, гораздо болѣе очаровываетъ меня сердечная сторона ея отношеній. А какъ будутъ эти отношенія — она третьяго дня сказала: у насъ будутъ отдѣльныя половины и вы ко мнѣ не должны являться безъ позволенія — это я и самъ хотѣлъ бы такъ устроить, можетъ быть думаю объ этомъ серьезнѣе, чѣмъ она; — она понимаетъ, вѣроятно, только то, что не хочетъ, чтобы я надоѣдалъ ей, а я понимаю подъ этимъ то, что и вообще всякій мужъ долженъ быть чрезвычайно деликатенъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ къ женѣ ¹¹⁵⁾... Моя постоянная мысль и главная черта въ моемъ характерѣ въ этомъ отношеніи, что я не люблю высказывать своихъ чувствъ при комъ бы то ни было постороннемъ, и что единственная нѣжность, которую я хотѣлъ позволить себѣ при третьемъ лицѣ въ отношеніи къ женѣ — это пожатіе руки. Цаловаться и я не люблю — въ сильномъ движеніи нѣжности я готовъ поцаловать, но только въ сильныхъ движеніяхъ нѣжности. Въмѣсто этого я любилъ бы цѣловать руку, но это снова только въ нѣжныхъ движеніяхъ, а не при всякомъ случаѣ, какъ только случится быть одному подлѣ другого, но и это я хотѣлъ бы почти совершенно изгнать, потому что это показываетъ, что съ женой обращаешься какъ свѣтскій властитель Японіи съ своимъ духовнымъ императоромъ — за рабское положеніе въ сущности стараешься вознаграждать божескимъ почитаніемъ по наружности. Къ чему у меня есть порывы, такъ это къ тому, чтобы прижимать къ сердцу. Но и это только въ порывахъ нѣжности. Но просто прижать къ сердцу, какъ пожимаешь руку ¹¹⁶⁾... У насъ до сихъ поръ все наоборотъ противъ того, какъ обыкновенно бываетъ между женихомъ и невѣстой — она настаиваетъ, я уступаю. Обыкновенно говорить невѣста жениху: „Другъ мой, я въ твоей власти; я не могу противиться тебѣ, но прошу

¹¹⁵⁾ Нѣсколько словъ пропущены.

¹¹⁶⁾ Нѣсколько словъ пропущены.

тебя, не злоупотребляя этою властью". У насъ наоборотъ — я ей говорю: „Я въ вашей власти; дѣлайте, что хотите“ — и она говоритъ: „Я хочу быть за вами“. — „Очень хорошо, я согласенъ и прошу вашей руки“. — „Но я не хочу откладывать, извольте сейчасъ“. — „Очень хорошо. Я готовъ сейчасъ быть вашимъ женихомъ“. — „Но я не хочу, чтобы это было въ сентябрѣ — это должно быть раньше вашего отъѣзда...“ Обыкновенно женихъ ищетъ невѣсту, подходитъ къ ней, заговариваетъ съ нею — я наоборотъ, — я дожидаюсь, чтобы она подошла ко мнѣ и сказала: говорите со мной, сидите со мной. Такъ и тутъ — можетъ быть и будетъ такъ: „Вы можете быть у меня“. — „Покорно благодарю, О. С.“. — Какъ мы будемъ проводить день? Все время, когда я дома, я буду постоянно сидѣть подлѣ нея, пока ей будетъ угодно. Я буду работать подлѣ нея. Сколько я буду работать для своихъ ученыхъ цѣлей? Часа 3 въ день, не болѣе, потому что и теперь никогда почти не работаю постольку и все-таки у меня столько познаній, какъ у немногихъ. А писать для полученія денегъ? Можетъ быть болѣе 3 часовъ въ день. Въ первые мѣсяцы, пока у меня не будетъ уроковъ въ корпусахъ, я буду такимъ образомъ работать часовъ до 2; послѣ гулять вмѣстѣ съ нею, послѣ обѣда снова часъ — два, до 6, 6¹/₂; послѣ снова я ей собесѣдникъ. О чемъ мы будемъ говорить? Я буду ея учитель, я буду излагать ей свои понятія, я буду преподавать ей энциклопедію цивилизаціи. Тутъ у насъ явится курсъ гораздо болѣе полный, чѣмъ какъ теперь у меня въ гимназіи. Этого достанетъ на нѣсколько лѣтъ, на 3, 4 года. Въ матеріалъ для разговора такимъ образомъ не будетъ недостатка. Мы будемъ, наконецъ, вмѣстѣ читать. Я самъ для этого преподаванія повторю многое, приобрѣту познанія во многомъ, чего теперь не знаю. Такъ мы будемъ учиться вмѣстѣ. Можетъ быть она будетъ помогать мнѣ и въ работахъ, можетъ быть она будетъ сама писать или переводить. Каково будетъ мое отношеніе къ ней въ социальномъ смыслѣ? Я желалъ бы, чтобы мы наконецъ начали говорить другъ другу „ты“; особенно, чтобы она говорила мнѣ „ты“ — самъ я лучше хотѣлъ бы говорить — Вы. Звать ее буду я всегда полнымъ именемъ, всегда буду звать ее Ольга Сократовна. — Она можетъ быть захочетъ звать меня по имени — но едва ли. И вѣроятно, если будетъ, скоро оставить. Однимъ словомъ наши отношенія будутъ имѣть по внѣшности самый оффиціальныи и холодный характеръ; подъ этою внѣшностью будетъ съ моей стороны самая полная, самая глубокая нѣжность. Теперь, наши отношенія къ роднымъ ея и моимъ. Какова она будетъ съ Маменькою? Не знаю и не хочу знать. Если по внѣшности она обходительная дочь своей матери, тѣмъ болѣе будетъ она хороша съ моей Маменькою. Маменька, если уѣдетъ въ Петербургъ, будетъ вмѣшиваться въ хозяйственныя дѣла — если О. С. угодно, пусть будетъ такъ. Если не угодно, нѣтъ. Въ характерѣ Маменьки лежитъ непремѣнно вмѣшиваться. Но я буду твердъ и если О. С. не захочетъ, не допущу Маменьку говорить объ этихъ вещахъ ни ей, ни мнѣ. Я скажу, что не желаю говорить объ этомъ и только. И не буду говорить, и не буду слушать. И только. Такимъ образомъ отношенія къ Маменькѣ не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій непріятныхъ для нея. Во всякомъ случаѣ я поставлю себя и ее въ такія отношенія къ Маменькѣ, что Маменька не будетъ никогда вмѣшиваться въ наши личныя отношенія и не будетъ никогда говорить ни слова относительно того, что она дѣлаетъ и какъ держитъ себя. А какъ она будетъ держать себя? Весьма бойко, но шалить будетъ меньше, чѣмъ теперь; она будетъ

держатъ себя нѣсколько похоже на Анну Никаноровну, хотя не въ томъ родѣ. У Пашеньки такой характеръ, что онъ никогда никому не можетъ служить помѣхою. Наши отношенія къ ея роднымъ? Это зависитъ рѣшительно отъ нея. Главныя отношенія къ Венедикту, но Анна Кирил. не отпуститъ его отъ себя, какъ сказала мнѣ въ послѣдній разъ—поэтому эти отношенія не могутъ быть обременительны ни для нея, ни для меня. Но вообще отношенія наши къ ея роднымъ будутъ рѣшительно зависѣть отъ нея. Наши отношенія къ Сашѣ¹¹⁷⁾? Это все равно, какъ ей будетъ угодно. Жить вмѣстѣ или врозь, все равно, какъ лучше покажется для нея. Только одно, чему весьма рада будетъ вѣроятно и она — Саша будетъ весьма часто бывать у насъ, будетъ весьма часто обѣдать и пить вечеромъ чай всегда, когда у него свободный вечеръ. Отношенія къ знакомымъ? Выборъ кружка будетъ рѣшительно зависѣть отъ нея. У меня только два семейства, съ которыми я буду знакомъ тѣсно — Срезневскіе и Введенскіе. Съ женою Срезневскаго она можетъ познакомиться или нѣтъ, это смотря по обстоятельствамъ и отношеніямъ моимъ къ женѣ Срезневскаго и по тому, будетъ ли ей пріятно это знакомство. Ал. Иван. Введенскую она будетъ принимать хотя изрѣдка по вечерамъ, если не захочетъ быть дружна съ нею — что вѣроятно; не захочетъ, потому что едва ли Введенская ей очень понравится — слишкомъ щепетильна. Вѣроятно, ей понравится Городковъ¹¹⁸⁾, можетъ быть съ нимъ она будетъ знакома домами. Но остальные знакомства зависятъ отъ нея. Если ей понравится кружокъ Введенскаго, онъ будетъ бывать у насъ каждую недѣлю. Если нѣтъ, только разъ въ мѣсяць, и она можетъ быть при нихъ въ семейныхъ комнатахъ — но, конечно, будетъ бывать, потому что въ ней есть настолько людкости. Сама она, какого рода людей наберетъ въ свои знакомые? Вѣроятно, болѣе дамъ и дѣвиць, но нѣсколько человѣкъ и мужчинъ, изъ которыхъ едва ли хоть одинъ будетъ для нея короткимъ знакомымъ. Во всякомъ случаѣ кого ей угодно, и какъ и когда ей угодно, такъ она и будетъ принимать. Я въ этомъ дѣлѣ не помѣха.

О моя милая невѣста, ты будешь настолько довольна своею жизнью, насколько это зависитъ отъ моихъ отношеній къ тебѣ.

Итакъ:

Нынѣ рѣшительное объясненіе о томъ, что заставляетъ ее хотѣть ѣхать со мною теперь же. Объясненіе о томъ, откуда взять мнѣ денегъ. Вѣроятно она согласится, чтобы я попросилъ займы у Сократа Евгеньича, или попросилъ его сначала быть лучше только моимъ посредникомъ при займѣ денегъ у кого нибудь. Вопросъ о томъ, не нынѣ ли же объявить о своихъ намѣреніяхъ Сократу Евгеньичу.

Вслѣдствіе всего этого поѣздка въ Петербургъ вмѣстѣ, какъ скоро путь будетъ хорошъ, т. е. около вѣроятно 10 мая. Передъ этимъ наканунѣ, или въ этотъ самый день свадьба. За два, за три дня становлюсь официальнымъ женихомъ. Можетъ быть за недѣлю. Къ свадьбѣ никакихъ приготовленій, если можно. У меня шаферомъ Василій Дмитріевичъ, и если можно въ одинъ день и его свадьба, если онъ захочетъ жениться на Лидіи Ивановнѣ.

Вотъ приближается новый рѣшительный моментъ нашихъ отношеній и я

¹¹⁷⁾ Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

¹¹⁸⁾ Докторъ Гавріилъ Родионовичъ Городковъ. На сестрѣ жены его женился впоследствии Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

встрѣчаю его съ такимъ же полнымъ спокойствіемъ, съ какимъ встрѣтилъ объясненіе девятнадцатаго февраля.

Я предаюсь твоей волѣ, моя милая. Таковъ мой характеръ. Ты властительница моей жизни и моихъ поступковъ. Управляй же мною неограниченно. Ты надѣнешся быть счастлива со мною. Хорошо. Твоя надежда разсудительна и справедлива. Веди меня къ счастью, котораго такъ много уже дала ты мнѣ и будь сама счастлива.

Желаю тебѣ счастья и дѣлаю все, что ты считаешь нужнымъ для твоего счастья. Вполнѣ преданный тебѣ повторяю: желаю тебѣ счастья и дѣлаю и всю мою жизнь буду дѣлать все, что ты считаешь, что ты сочтешь нужнымъ для твоего довольства, твоего счастья.

1853 года 28 марта 9 часовъ 50 мин. утра.

Я повинуюсь тебѣ.

Я жду своего счастья отъ своихъ отношеній къ тебѣ.

Я нахожу въ нихъ и теперь все свое счастье, всю свою радость.

Ты будешь довольна и счастлива, насколько это въ моей власти.

Ты будешь счастлива.

Какъ весна хороша

Ты, невѣста моя.

И да будетъ—и будетъ, сколько это зависитъ отъ меня—вся жизнь твоя свѣтлымъ днемъ весны.

Прощай до вечера.

Будь счастлива.

Писано 29, воскресенье, передъ тѣмъ, какъ идти къ поздней обѣдни, послѣ которой объясненіе съ Папенькой.

28. Долго мы сидѣли вмѣстѣ съ другими—съ Лидіей Ивановной, съ Ростиславомъ; наконецъ, изъ комнатъ Ростислава мы ушли въ ея комнату и сѣли тамъ на кровати, которая стоитъ у окна къ комнатѣ Ростислава. „Что же вы скажете, О. С.“ — „Я раздумала, это не нужно“. — „Почему же?“ (мнѣ хотѣлось, чтобы было такъ, какъ она говорила въ четвергъ). — „Я не хочу, чтобы вы занимали денегъ. Я не хочу, чтобы вы становились въ затруднительное положеніе“. Черезъ нѣсколько времени: „Я боюсь, что буду вамъ въ тягость“. Я сказалъ ей, что денегъ достану, что это пустяки. Что въ тягость мнѣ быть она не можетъ. — „Какъ же, я буду мѣшать вамъ работать“. — Я не такъ прележно работаю. Я весьма мало работаю. Если бы я работалъ, какъ другіе, я зналъ бы не столько, какъ теперь. У меня одно сомнѣніе—это то, что связываю вашу жизнь со своей, когда моя еще не устроена и т. д. въ этомъ родѣ. Мнѣ бы это даже хотѣлось, если бы совѣсть не запрещала мнѣ, потому что у меня слишкомъ мнительный характеръ, что я не спокоенъ пока дѣло не кончено рѣшительно. И теперь меня будетъ беспокоить мысль, что возвратившись я не застаю васъ. — „Нѣтъ, теперь это не будетъ, потому что я не перестану понимать вашъ характеръ и любить васъ“. Это было сказано такъ, какъ никогда еще. И мало по мало ея головка склонилась на мое плечо. Руки наши лежали одна въ другой. Я безпрестанно цаловалъ ея руку. „У меня только одно сомнѣніе—это деньги; за все

остальное я отвѣчаю. Хотѣлось бы рѣшительно устроить всё дѣла, приготовить квартиру, меблировать ее и тогда пріѣхать вмѣстѣ съ вами къ всему готовому“. — „Это ничего; я готова потерпѣть, пока устроится, жить кое какъ, потому что у меня будетъ вѣрный другъ“. И я наконецъ сказалъ: „О. С., позвольте поцаловать васъ“. Она отклонилась въ противоположную сторону. — Нѣтъ — снова наклонилась на мое плечо; я это не сдѣлалъ — и она наклонилась снова; да, она знаетъ, что я не сдѣлаю ничего, что должно быть неприятно ей, и почему я хотѣлъ поцаловать ее? Не изъ удовольствія, а чтобы это было залогомъ нашихъ отношеній. „Вы говорили что нибудь своимъ?“ — „Нѣтъ ихъ мнѣніе для меня въ этомъ дѣлѣ вовсе не интересно, они не могутъ быть судьями по своимъ понятіямъ“. Я говорилъ о томъ, что можетъ быть они будутъ нѣсколько недовольны, потому что можетъ быть слышали что нибудь о томъ, что она держитъ себя вольно и потому, что не любятъ Сократа Евгеньича и готовы защищать Анну Кир. „Поговорите съ ними и съ Маменькою. Съ Папенькою я сама поговорю. Раньше со своими, потомъ съ Маменькою. Со своими завтра, въ понедѣльникъ съ Маменькою“.

Я буду говорить съ Папенькою, потому что его легче склонить и его согласіе будетъ имѣть вліяніе на Маменьку. Не думаю, чтобы было сильное сопротивленіе отъ него, чтобы заставилъ меня высказать мое намѣреніе не пережить это. Маменька согласится съ Папенькою. Поговорю послѣ обѣдни, потому что не хочется волновать его передъ обѣдней, которую онъ долженъ служить. Итакъ, около 12 часовъ утра дѣло будетъ окончательно рѣшено съ нашими. Съ Папенькою буду говорить весьма легко, и просить и объяснять насколько можно объясниться. Потомъ онъ призоветъ Маменьку и скажетъ ей: „Николай выбралъ себѣ невѣсту, что ты скажешь?“ — „А вы что?“ скажетъ Маменька. „Я долженъ согласиться, стѣснять нельзя“, и Маменька скажетъ то же. Иду къ обѣднѣ. 2¹/₂ часа. До обѣда было некогда. Поэтому говорилъ съ Папенькою только сейчасъ, рѣшительно спокойно. Папенька сказалъ только, что будутъ ли у меня средства содержать ее, какъ она привыкла. Я сказалъ, что думалъ объ этомъ, будутъ. Онъ сказалъ, что не будетъ мнѣ мѣшать. Я просилъ поговорить объ этомъ съ Маменькою и нынѣ же, потому что, сказалъ я, если Маменька станетъ распрашивать, ей могутъ разказать Богъ знаетъ что, потому что о ней говорятъ много дурнаго и многіе ее не любятъ. Я говорилъ съ Папенькою спокойно и совершенно откровенно о томъ, что мнѣ въ ней нравится — главное характеръ, твердость и разсудительность. Говорилъ о томъ, что ее не любятъ мать и братъ. „Да хорошо ли ты ее узналъ?“ — „Весьма хорошо, потому что такіе были разговоры. и главное я смотрѣлъ, какъ и что она дѣлаетъ“. Не говорилъ, конечно, о нашихъ отношеніяхъ. Просилъ, чтобы переговорилъ съ Маменькою нынѣ же. Разговоръ продолжался минутъ 20, рѣшительно хорошо, лучше, чѣмъ я ожидалъ, потому что то, что о ней говорятъ дурно, не вызвало никакого замѣчанія съ его стороны. Папенька ее видѣлъ нѣсколько разъ, но рѣшительно нисколько не знаетъ. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Маменька тоже согласится съ Папенькою. Теперь иду къ Губернатору ¹¹⁹⁾, по возвращеніи отъ него можетъ быть найду ихъ уже перегово-

¹¹⁹⁾ Саратовскій губернаторъ Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ приглашалъ перѣдко моего отца къ обѣду. Вѣроятно и въ этомъ случаѣ онъ отпирался на обѣду.

рившими. Я рѣшительно спокоенъ. Съ моей стороны не будетъ нужно никакихъ усилій, потому что не будетъ несогласія и отъ Маменьки. Маменька согласится.

Часть ночи. Сейчасъ кончился разговоръ безусловнымъ согласіемъ Маменьки. Онъ продолжался весьма долго. Когда я спросилъ Папеньку, пришедши отъ Губернатора, онъ сказалъ, что Маменька не стала ничего отвѣчать, что поэтому я долженъ говорить съ ней самъ. Я послѣ ужина въ своей комнатѣ началъ говорить (она все говорила, что ей хочется спать—немного хитрила, чтобы избѣжать этого разговора, вообще она немного хитритъ и сначала было чуть не подвела меня, но я вообще не поддаюсь въ такихъ случаяхъ), потому что не смотря на все видимое согласіе не окончу разговора безъ того, чтобы не сказать: такъ вотъ что—изложу самымъ опредѣленнымъ образомъ свое мнѣніе—такъ или нѣтъ. Когда я сказалъ намѣреніе и имя, она сказала: „весьма рады мы, что изъ такого почтеннаго семейства, съ которымъ, хотя незнакомы, но уважаемъ; что твой выборъ упалъ въ хорошую сторону—это меня весьма обрадовало; чѣмъ будешь жить?“—Я началъ говорить; она начала говорить объ обязанностяхъ мужа, совершенно какъ говорила раньше, такъ что будетъ именно такую свекровью (кромѣ своихъ вмѣшательствъ, могущихъ быть, но которые я, конечно остановлю), какъ я представлялъ ее О. С. Потомъ внизъ ¹²⁰)—„должно переговорить съ Папенькою“. Когда пришелъ Папенька, она стала говорить, что раньше хочетъ видѣть ее—она и наверху говорила: „почему ты не хотѣлъ познакомить?“—я сказалъ, какъ радовался, когда собирались къ Аннѣ Кир. и какъ звалъ къ Акимовымъ.— „Нѣтъ, раньше скажите, что согласны, тогда и увидите“—и тутъ то началось длиннѣйшее и утомительнѣйшее преніе—„раньше должна видѣть“—„раньше должны согласиться“, почти только въ этихъ словахъ. Наконецъ, она легла; мы остались съ Папенькою и я въ общихъ намекахъ сказалъ, что, если не согласится Маменька, это будетъ имѣть ужасныя послѣдствія для меня—я предчувствовалъ, что настою на своемъ—но если бы не настоялъ, если бы, какъ между прочимъ, говорила Маменька „переговоримъ еще поутру, лучше,—то я можетъ быть для примѣра, какъ залогъ будущаго, сочинилъ бы съ собою какую нибудь легкую операцію въ родѣ жены Брута (и тутъ ядовитыя насмѣшки надъ собою—не могу не смѣяться надъ своею рѣшимостью и надъ своимъ прежнимъ поведеніемъ, которое сдѣлало бы то, что эти глупости могли понадобится). Она легла, я снова началъ приставать, даже намекая на то, что это будетъ имѣть для меня такія важныя послѣдствія, какихъ она не ожидаетъ,—сказалъ, что если не согласится, это будетъ страшною печалью на всю мою жизнь, наконецъ сказалъ: „итакъ одно слово: согласны или нѣтъ? Если не согласны, я не буду больше ни слова говорить объ этомъ дѣлѣ“.—„Согласна“,—тутъ начинаются увѣренія въ томъ, что она облегчила меня отъ страшной тяжести. Она снова говорила о важности этого шага, что должно было посоветоваться; я сказалъ, что нельзя въ этомъ дѣлѣ и т. п., но въ другой разъ даже не повторилъ вопроса согласны ли, и болѣе не буду говорить и спрашивать о согласіи. Можетъ быть снова понадобится возобновить разговоръ въ этомъ родѣ, но уже не я начну его, и завтра же скажу Аннѣ Кир. о намѣреніи Маменьки, какъ скоро позволитъ здоровье и погода пріѣхать къ ней съ просьбою въ извѣстномъ родѣ.

¹²⁰) Комната отца была наверху въ мезонинѣ.

Теперь дѣло рѣшено и я ложусь спать спокойно. Завтра отъ Кобылиныхъ возвращусь домой и изъ дому пойду къ Аннѣ Кир., чтобы не показывать вида, что иду говорить съ ней, когда Маменька не ожидаетъ—нѣтъ, она должна видѣть, куда иду, и передъ уходомъ скажу ей, что буду говорить Аннѣ Кир. На отвѣтъ вызывать Маменьку не стану. Если будетъ отвѣтъ сколько нибудь несогласный, снова начну разговоръ и кончу его не иначе, какъ полученіемъ согласія, если снова вздумаетъ колебаться.

Однимъ словомъ: хотѣлось, чтобы нынѣ мнѣ дали рѣшительный отвѣтъ и настоялъ на своемъ.

Я могу быть твердъ и неотступенъ въ своихъ требованіяхъ когда захочу. Quod erat demonstrandum.

Теперь нѣтъ препятствій ни съ чьей стороны, моя милая невѣста.

Мнѣ теперь никто не можетъ препятствовать. Теперь ты моя *невѣста*, невѣста передъ моими родными.

Расположеніе духа мое въ этотъ день, который былъ днемъ ожиданій и ожиданій большаго сопротивленія, чѣмъ какое было, и большей неуступчивости съ моей стороны, чѣмъ я ожидалъ отъ себя? Нѣсколько разъ предъ началомъ разговоровъ, лучше сказать, при ожиданіи минуты для разговора, билось сердце, но мало. Такъ у меня тверда воля, если нужно. Даже бѣненіе сердца сдерживается, если захочу. Разговоръ конченъ совершенно спокойно, такъ какъ я постоянно въ этомъ длинномъ и тяжеломъ разговорѣ съ Маменькою сдерживалъ себя.

Зачѣмъ я такъ безжалостно вынуждалъ маменьку отказаться отъ своего желанія увидѣть раньше, чѣмъ согласиться? Такъ мнѣ казалось нужно,—во-первыхъ для обезпеченія согласія, во-вторыхъ для успокоенія себя—что я хочу, какъ сказать, такъ и сдѣлать, вотъ что я хочу. Совѣсть мучаетъ ли меня за эту безжалостность? Нѣтъ.

Я знаю, что долженъ былъ бы совѣститься этой неуступчивости, настоятельности, но такъ было нужно,—что же дѣлать? Я поступилъ, какъ долженъ былъ поступить.

До завтра, моя милая *невѣста передъ моими родными*, а ужъ не передъ однимъ мною.

Завтра увижусь съ Анною Кирилловною.

До завтра же, моя милая невѣста.

Писано въ понедѣльникъ 29 марта, 9 час.

Когда стала собираться тотчасъ послѣ обѣда, Маменька позвала меня въ гостинную.— „Что же ты хочешь сказать?“—Вотъ что— „Да погоди, развѣ нельзя мнѣ раньше увидѣть?“ И снова прежняя исторія, которая продолжалась болѣе часу. Я, наконецъ, сказалъ: „Да или нѣтъ—если нѣтъ, не пойду и не буду говорить больше ни слова.“ И ушелъ и сѣлъ писать.— „Хорошо, подожди Папеньку отъ вечерни и попроси у него благословенія“ и дождался; мнѣ было весьма тяжело, что я заставляю ее ждать. Это продолжалось до 6 час. Наконецъ, благословеніе дано и я отправился. Она въ комнатѣ Ростислава, у нихъ Вороновъ. Отправляюсь черезъ нѣсколько времени къ Аннѣ Кирил. Когда ушли другіе, кто тутъ сидѣлъ, я черезъ нѣсколько времени говорю ей: „У меня къ вамъ, Анна Кирил., важная просьба“.— „Какая?“— „Слишкомъ важная“.— „Да я для васъ все сдѣлаю“.— „Но вы меня слишкомъ мало знаете“.— „Говорите,

нужды нѣтъ“. — „Мнѣ весьма нравится О. С., я прошу вашего согласія. Маменька хотѣла бы сама быть у васъ съ этой просьбою, но ей нельзя, потому что она не выходитъ изъ комнаты и я долженъ говорить отъ нея и отъ своего имени“ — „Весьма рада; вы говорили съ моимъ мужемъ?“ — „Нѣтъ, потому что ваше мнѣніе важнѣе“. — „Я переговорю съ нимъ. Съ моей стороны полное согласіе“. Тутъ вошла Лидія Ивановна и сидѣла довольно долго. Когда она ушла, я снова повторилъ: „Такъ ваше согласіе?“ — „Я согласна.“ Я нѣсколько разъ поцаловалъ ея руку и простился. Вошелъ кто то. „Желаю вамъ полного исполненія всѣхъ вашихъ желаній“. Какова мать! Ни о чемъ не стала спрашивать, ни о моихъ средствахъ, ни о томъ, когда и какъ, ничего.

Я вышелъ и нѣсколько времени намъ мѣшала говорить Лидія Ивановна. Наконецъ, О. С. сама сѣла подлѣ меня, рука въ руку—я рассказалъ ей коротко, что я говорилъ съ Анною Кирил. „Ну, О. С., глупаго парня выбираете вы себѣ—вообразите, съ перваго слова Маменька сказала, что весьма рада; но прибавила, что желала бы раньше васъ видѣть, но мнѣ вошло въ голову—завтра непременно, и я не отсталъ и не согласился раньше показать ее вамъ. Видите, я глупый человѣкъ, не щажу никого, можетъ быть не пощажу и васъ, если такъ будетъ нужно—не думаю все-таки, чтобы это простиралось на васъ, но почему знать? Не думаю все-таки, чтобы простиралось“. Она сказала, что ждала меня въ 5, 6, но раньше я ужъ сказалъ ей самъ, отчего такъ поздно—дождался Папенку отъ вечерни. „Когда же, О. С., это зависитъ отъ васъ—теперь или по прїѣздѣ?“ „Я вамъ говорила“. — „Т. е. теперь. Хорошо, завтра постараюсь обдѣлать дѣла“, — т. е. я думалъ попросить у Костомарова 1,000 р. сер. — „А въ четвергъ скажите мнѣ, потому что въ среду я буду у Гуськовой“. — Дружно, дружно сидѣли и ходили мы рука въ руку. Вошли другіе и начался общій разговоръ. Она сняла нагаръ съ свѣчи — „не снимайте, не будете нравиться“, сказалъ кто то. „Я и не хочу никому нравиться, кромѣ одного“. — О. С., сказалъ я послѣ всего, вы будете рѣшительно управлять моими дѣлами; чрезвычайно немного дѣлъ, въ которыхъ не отъ васъ будетъ зависѣть рѣшеніе, и не знаю, представится ли случай къ подобнымъ дѣламъ—знайте это и готовьтесь распоряжаться моими дѣлами. Я постоянно буду дѣлать все, что вамъ будетъ угодно, поэтому сама судите, что лучше мнѣ дѣлать и управляйте мною“. Раньше этого, когда говорилъ о разговорѣ съ нашими, я сказалъ, что Маменька дѣйствительно будетъ любить ее больше, чѣмъ меня. „Всѣ мои отношенія зависятъ отъ васъ и даже къ нимъ; напр., можетъ быть Маменькѣ вздумается ѣхать съ нами“. — „Чтожь, вѣроятно, она не будетъ намъ въ тягость“. — „Нѣтъ, но знайте, что въ наши съ вами отношенія я не допущу вмѣшиваться никого, ни Маменьку, никого, кромѣ развѣ тѣхъ, кого вы сами захотите имѣть совѣтникомъ или какъ угодно называть“.

Теперь совершенно спокоенъ. Совѣстно, что такъ вынуждалъ Маменьку,—но что дѣлать? Такъ было нужно. О. С. вознаградитъ ее своею любовью и ласковостью за минутную скорбь. О, ты будешь наилучшею дочерью, мой милый другъ.

Писано 2 апрѣля, четвергъ, 10 час. вечера.

1 апрѣля, среда. Когда я воротился отъ губернатора. Сережа подаль мнѣ записку, писанную рукою Тищенко, что меня непременно ждуть. Я тотчасъ по-

шелъ—меня звала Анна Кирил., которая дала мнѣ „будущему сыну“¹²¹⁾ и просила написать отвѣтъ и велѣла быть завтра.

2, четвергъ, былъ у нихъ. Мы сидѣли у Ростислава. Наконецъ, къ Аннѣ Кирил. — она прочитала мнѣ размышленія о супружеской жизни, т. е., главнымъ образомъ, „о приданомъ позвольте не говорить“, что было написано въ концѣ и сказала, что говорила съ Сократомъ Евгеньичемъ; позвала О. Сократовну — „вотъ ваша невѣста“. Я поцаловаль у О. С. руку, Анна Кирил. что то сказала; — кажется, чтобы поцаловаться. Я не хотѣлъ принуждать Ольгу Сократовну и не хотѣлъ получить отъ нея первый поцалуй при другихъ. „Asseyez—vous ici, у насъ нѣтъ секретовъ съ Николаемъ Гавриловичемъ“ — потомъ послала за Сокр. Евг. — „вотъ вашъ сынъ“, сказала Анна Кирилловна. Мы поцаловались съ Сокр. Евг. Анна Кирил. сказала ему, чтобы онъ соединилъ наши руки. Недолго посидѣвъ, онъ сталъ уходить, я пошелъ, сказавъ, что мнѣ должно переговорить съ нимъ — но собственно я хотѣлъ сказать Ольгѣ Сокр. о деньгахъ, готова ли она употребить свои — „готова“. — „Такъ мы ѣдемъ вмѣстѣ“. — „Вмѣстѣ“, это было въ залѣ. Я ушелъ къ Сокр. Евг. и сказалъ, что послѣ Пасхи тотчасъ¹²²⁾, и тотчасъ ѣдемъ. Потомъ говорилъ о ученыхъ и медицинѣ. Наконецъ, снова посидѣлъ у Анны Кирил., простился — было уже болѣе 7 часовъ, пошелъ въ комнату Ростислава. При немъ разговоръ не вязался, но онъ часто оставлялъ насъ однихъ, конечно, часто нарочно. Теперь въ первый разъ, когда мы были въ залѣ бралъ Ольгу Сокр. за талью, какъ это дѣлается между друзьями¹²³⁾. Я снова сказалъ ей, что съ тѣхъ поръ, какъ я нѣсколько узналъ ее, у меня была только одна мысль о ней и что теперь я живу только ею, только мыслью о ней и ея счастьѣ. Когда тутъ сидѣлъ и Венедиктъ, я шутилъ надъ ея бойкостью, говорилъ о мужскомъ платьѣ, о томъ, что ей теперь остается только стрѣлять изъ пистолета и пить шампанское. — „Что жь? Я и поѣду въ мужскомъ платьѣ“. — „Только что дѣлать съ вашими волосами?“ — „Обрѣжу ихъ и буду носить фальшивую косу — нѣтъ, не хочу, чтобы во мнѣ было что нибудь фальшивое“. Она хочетъ, чтобы свадьба была 29 апрѣля по утру¹²⁴⁾, чтобы на ней никого не было и чтобы мы уѣхали въ тотъ же день...¹²⁵⁾.

Прости до завтра, моя милая невѣста. Завтра обрученіе.

Прощай до завтра. Будь счастлива, какъ я счастливъ тобою.

Писано 4 апрѣля въ 8 час. утра, суббота. Описаніе пятницы, день обрученія.

Поутру я пошелъ за кольцами; взялъ для Ольги Сокр. 3 кольца, чтобы можно было выбрать, но когда шелъ оттуда она меня встрѣтила на дорогѣ — самое маленькое кольцо приходилось ей впору. Въ 8 час. отправился къ нимъ сказать, что Папенъка хотѣлъ быть раньше — пріѣхалъ вмѣстѣ съ Папенъкою; Папенъка черезъ нѣсколько времени уѣхалъ за Маменькою, чтобы воротиться къ 12 часамъ, потому что къ этому времени должна была отойти обѣдня — но ждали — ждали — ихъ все нѣтъ. Наконецъ, Ольга Сокр. послала меня за ними въ $\frac{1}{2}$ 2-го, но на дорогѣ они встрѣтились. Маменька держала себя все время по обыкновенію чо-

¹²¹⁾ Т. е. записку, съ надписью «будущему сыну».

¹²²⁾ Т. е. что свадьба должна быть тотчасъ послѣ Пасхи.

¹²³⁾ Нѣсколько строкъ пропущены.

¹²⁴⁾ Свадьба состоялась дѣйствительно 29 апрѣля 1853 г.

¹²⁵⁾ Нѣсколько словъ пропущено.

порно, какъ женщина не бывавшая въ обществѣ, но желающая показать себя тонною. Ольгѣ Сокр. это показалось строгостью и неудовольствіемъ. Когда Маменька вошла Ольга Сокр. подошла къ ней, а она ужъ успѣла сказать, что вовсе не годилось — „Покажи же мнѣ, которая“. Когда вошла въ гостинную, Ольга Сокр. подала ей скамейку и снова подала, когда она перешла къ Аннѣ Кирил. и сѣла тамъ — этого я не ожидалъ и потомъ сказалъ Ольгѣ Сокр., что это ужъ слишкомъ, что это не должно быть, но на первый разъ такъ и быть, можно. Я тотчасъ взялъ Ольгу Сокр. и спросилъ, какъ ей нравится Маменька. „Ничего“, но послѣ молебна, обрученія и обѣда, когда мы сидѣли у Ростислава, она мнѣ сказала: „Я боюсь вашей Маменьки. Она должно быть очень строга“. Я чувствовалъ и ранѣше, что ей неловко, что она опасается и потому говорилъ ей, что не позволю никому вмѣшиваться, а за обѣдомъ взялъ и сломалъ свою вилку — „Посмотрите, Ольга Сокр.: — Вы понимаете, что я этимъ хочу показать?“ За обѣдомъ Маменька держала себя чопорно. Когда она будетъ у нихъ въ другой разъ, я попрошу Маменьку быть ласковѣе. За молебномъ Ольга Сокр. молилась очень усердно и мнѣ стало грустно за нея бѣдную, у меня показались слезы. И потомъ, когда мы сидѣли послѣ обѣда у Ростислава одни, я нѣсколько разъ плакалъ о томъ, что она грустить... Наконецъ, проводилъ своихъ домой и черезъ часъ, около 8 часовъ, возвратился къ нимъ; что было въ этотъ вечеръ, напишу послѣ обѣда передъ тѣмъ, какъ идти къ нимъ. Папенька, когда ложился спать, на мой вопросъ, какъ ему нравится Ольга Сокр., сказалъ, что она слишкомъ рѣзва. — Я сказалъ, что другого характера жена не можетъ ужиться со мною и что это пройдетъ. Но для меня все равно. и скоро (тотчасъ послѣ свадьбы) и для нея будетъ все равно, каковы бы ни были отношенія къ ней моихъ родныхъ, потому что она увидитъ, что это для меня все равно. Кто не любитъ ее, тотъ и не можетъ вмѣшиваться въ наши отношенія съ ней... Теперь внизъ къ Маменькѣ за работу.

До 3 часовъ, моя милая невѣста. Въ 4^{1/2} я снова буду съ тобою.

Итакъ, я пришелъ къ нимъ; онѣ готовились итти гулять. Сначала намъ все мѣшали. Приѣзжала Гуськова съ женихомъ. Я долженъ былъ оставаться у Ростислава. Но Ростиславъ сказалъ, что меня вызываютъ и я вышелъ — Ольга Сокр. вовсе этого не хотѣла. Они уѣхали. Рычковы вышли гулять. Ольга Сокр. была такъ грустна. Я все допрашивалъ отчего. Она никакъ не хотѣла сказать; наконецъ, когда я сказалъ, что для меня все легко сдѣлать для нея, потому что люблю ее — она сказала, въ томъ то и вопросъ, люблю ли?.. Наконецъ, она сказала, отчего она грустна. Гуськова сказала ей: „онъ не дворянинъ, кто будутъ твои дѣти?“ — Я сталъ растолковывать ей, что это пустяки, что это никогда нельзя считать препятствіемъ или вещью, стоящей размышленія. — „Вы слишкомъ молоды, вы моложе, чѣмъ я думалъ...“ „Неужели вы любите меня, Ольга Сокр.? Я вижу, что въ самомъ дѣлѣ любите больше, чѣмъ говорите. Теперь, пока, эта любовь не заслужена, потому что вы или мало понимаете, или не совѣмъ вѣрите тому, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ стою я вашей любви. Но вы любите меня“. Да, она еще никого не любила и любить въ первый разъ.

Прощай, моя робкая, моя нѣжная подруга, прощай, до свиданія черезъ часъ, всего только черезъ одинъ часъ. Пора собираться къ Тебѣ.

Писано 5 апрѣля, 7 час. утра.

.. Вчера ея долго не было — она уѣхала въ лавки, воротясь около 7 часовъ.

Теперь я сидѣлъ большею частью съ Анною Кир. — какой, въ самомъ дѣлѣ, странный случай: 15 марта 1833 г., въ самый день ея рожденія, получилъ Сократъ Евг. перстень отъ Государя. Сидѣлъ и съ Сократомъ Евг. — Анна Кирил. ужасно любезничаетъ со мною. Я ее терпѣть не могу. Сократа Евг. я люблю. Наконецъ, она прѣѣхала...

Прощай, моя нѣжная, милая, робкая подруга, прощай до свиданія черезъ 2 часа.

Писано 6 апрѣля, понедѣльникъ, въ XI часовъ, передъ отправленіемъ къ нимъ.

Утромъ, по приказанію Анны Кирил. я отправился къ нимъ въ 8 часовъ, чтобы ѣхать за серебромъ. Поѣхали въ X часовъ, раньше дожидались долго лошадей. Она выходитъ ко мнѣ въ бѣлой блузѣ и садится рядомъ со мной у Ростислава. Она была весьма мила въ ней. Раньше заѣхали въ старый соборъ — это было мое первое явленіе вмѣстѣ съ ней, при которомъ насъ видѣли другіе, потому что раньше за кольцами. но тутъ не видалъ никто. — Оттуда (отъ Алпатовой) она поѣхала къ Патрикѣевымъ, я слѣзъ у своего дома. У насъ былъ Сократъ Евг. Потомъ, какъ я одѣлся, отправился за ними, чтобы вмѣстѣ съ ними явиться домой — она съ Дарьей Кир. хотѣла прѣѣхать къ намъ. Я просилъ Маменьку быть ласковѣе, она держала себя чопорно. Но А. Ив. ей понравился. Я увѣрялъ, что Маменька больше всего будетъ ее любить, что это только глупость. Когда уѣхали, я долго говорилъ Маменькѣ, чтобы была ласковѣе съ ней и наконецъ, началъ съ горя плакать. Къ нимъ отправился въ часъ, Маменьку уговорилъ ѣхать къ нимъ пить чай. Послѣ обѣда отправились гулять. Ольга Сокр. устала, потому что много гуляла. Во время прогулки говорила о приготовленіяхъ къ свадьбѣ и о томъ, какъ ей хочется устроить свадьбу. Теперь ужъ нельзя, чтобы никого не было, поэтому она шьетъ себѣ подвѣчное платье. Она хочетъ, чтобы я сдѣлалъ ей икатулку и нынѣ я все хлопоталъ объ этомъ. Но некогда. Воротясь отъ Палимпсестова я нашелъ Маменьку у нихъ — послушна — и она была нѣсколько ласковѣе, нынѣ просила пить чай...

6 понедѣльникъ (писано вторникъ, почти ночью) былъ у нихъ отъ Кобылиныхъ, не засталъ ее — потомъ отъ Кобылиныхъ, не обѣдавши — голоду не чувствовалъ нисколько. Мы сидѣли съ ней въ комнатѣ Ростислава... Потомъ ѣздили къ намъ пить чай. Маменька была ласковѣе, чѣмъ раньше, но ей все-таки не понравилось. У насъ собрались Федоръ...¹²⁶⁾ съ внуками, чтобы смотрѣть ее — она сказала, что ей это ничего, не очень неприятно. Сидѣли втроемъ наверху съ Алекс. Яковл.¹²⁷⁾ Тутъ она велѣла мнѣ надѣть кольцо и я надѣлъ и ношу его. Потомъ снова у нихъ и снова нѣсколько времени вмѣстѣ съ ней наединѣ, но весьма мало. Нынѣ поутру бываю у нихъ и съ 6 часовъ снова у нихъ.

7, вторникъ (писано въ среду, XII часовъ).

Былъ у нихъ отъ X до XI утра, пока Ольга Сокр. поѣхала въ лавки. Послѣ снова у нихъ; съ 6 часовъ снова у нихъ. Шелъ сильный дождь почти весь день и когда она провожала меня: „Мнѣ жаль васъ“ — и я при Сережѣ сказалъ: „Вы знаете, что мнѣ гораздо болѣе жаль Васъ...“ Маменьку я оставилъ больную, поэтому воротился $1\frac{1}{2}$ часа раньше обыкновеннаго. Когда прѣѣхалъ за мною Сережа,

¹²⁶⁾ Отчество неразборчиво.

¹²⁷⁾ Не знаю, кто.

онъ ушелъ къ Ростиславу, мы остались въ залѣ... я взглянулъ на нее и у меня въ глазахъ навернулись слезы—да и теперь навертываются— „Мнѣ жаль васъ, что вы принуждены любить меня. Не такой долженъ быть у васъ женихъ. Мало у насъ порядочныхъ людей. Нѣтъ, не такимъ долженъ бы быть у васъ женихъ...“ Нынѣ хотѣлъ быть у нихъ въ обѣдъ, не знаю, можно ли будетъ—вѣрно можно, потому что съ Маменькою посидитъ Оекла Никифоровна, но во всякомъ случаѣ буду вечеромъ. Я все болѣе и болѣе привязываюсь къ ней и моя любовь становится все чище и цѣломудреннѣе.

Дополненіе къ моему дневнику о той, которая теперь представляется моею женою.

Писано въ 7 час. вечера, 7 марта, суб.

1. Передъ своимъ описаніемъ отношеній моихъ къ ней до 19 февраля я долженъ все таки написать, что когда за нѣсколько дней до этого я говорилъ о Ник. Иван. съ нимъ, чтобы развлечь его, утѣшить, заставить бывать въ обществѣ (это было у . . . . .¹²⁸), который тогда жилъ уже у насъ; онъ съ Евг. Ал. Бѣловымъ игралъ въ шахматы въ залѣ, мы съ Ник. Ив. ушли въ гостиную), то я ему сказалъ, что онъ навѣрно нашелъ бы невѣсту, если бы посѣщалъ общество, потому что вотъ я гораздо холоднѣе его, а все-таки жъ на дняхъ побываю у Стефани и если у меня нѣтъ аневризма, то я на дняхъ сдѣлаю предложеніе. Изъ этого видно, что и до среды (18 февраля) я былъ уже въ такихъ отношеніяхъ, которыя вовсе нельзя назвать простымъ любезничаньемъ.

2. Палимпсестовъ сказалъ мнѣ: „Вообрази, Николай Иван. увѣряетъ меня, что ты влюбленъ“. Я увѣрялъ его, что это самая невѣроятная вещь. — „Господи помилуй! Да какимъ же это образомъ? Вотъ видишь, какъ это было: мы послѣ Вильгельма Телля пріѣхали къ нему. Я былъ, рѣшительно, взволнованъ В. Теллемъ, даже плакалъ и тутъ въ волненіи пошутилъ и сталъ увѣрять, что я влюбленъ — конечно, волненіе, искренность чувства, вызваннаго В. Теллемъ, отразились и тутъ, и онъ могъ представить, что я взволнованъ любовью“. Дѣйствительно, раньше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ влюбился, я любилъ увѣрять, что я влюбленъ, какъ трезвый иногда любить притворяться пьянымъ. А вотъ и вышло изъ смѣха дѣло, изъ невѣроятнаго — дѣйствительное. На вечерѣ музыканты. Вечеръ продолжался до 4¹/₂ часовъ.

3. Мое поведеніе было такъ странно и смѣло, что послѣ она говорила (танцую) Палимпсестову: странный человекъ этотъ Чернышевскій—требуетъ отъ меня случаевъ доказать свою любовь, хочетъ, чтобы я требовала отъ него доказательствъ любви (это сказалъ мнѣ Палимпсестовъ въ разговорѣ 28 марта у него на квартирѣ).

4. У Чесн. нашелъ я Оед. Дим., который только что возвратился со свадьбы Ал. Порфир. Иванова и былъ въ восторгѣ отъ сестры невѣсты и говорилъ, что, если бы поставить ее рядомъ съ Ольгою Сокр., то вотъ были бы двѣ соперницы, изъ которыхъ было бы трудно выбрать. „Ого, какъ она хороша, — думалъ я съ восхищеніемъ: — влюбленъ и все-таки говорить, что не знаетъ, которая лучше“.

¹²⁸) Фамилія неразборчива.

Онъ продолжалъ — „И какая добрая дѣвушка — прислуга любить ее, а это лучшее доказательство, что хорошій характеръ и доброе сердце“. — „А Ольгу Сокр. любить прислуга?“ — „Любить; особенно одинъ старикъ лакей рѣшительно души въ ней не чааетъ“. Какъ это меня успокоило — все таки я зналъ, что это должно быть такъ.

5. „Венедиктъ мой любимый братъ“. — „Я его не люблю“. — „За что же?“ — „За то, что въ немъ нѣтъ того, за что я люблю васъ (т. е. демократическаго направленія).“

6. Она сидѣла на диванѣ къ бабушкиной комнатѣ, Катерина Матв. у второго окна на улицу. Итакъ, сначала я сидѣлъ подлѣ Кат. Матв., послѣ пересѣлъ къ Ольгѣ Сокр.

Писано 14 марта въ XII часовъ вечера.

7. Мнѣ наконецъ сказалъ Палимпсестовъ, что хозяева (собственно Бусловская) находятъ, что я уже слишкомъ разшалился. Да, и въ самомъ дѣлѣ, кажется ужъ я очень шалилъ.

8. Листъ 1. Она послѣ говорила мнѣ, что это было чрезвычайно странно, что это даже показалось ей слишкомъ дерзко прямо въ первый разъ объясниться въ любви, но что она подумала: оскорбиться мнѣ, или не показывать этого? Обратиться въ шутку? Лучше обращу въ шутку! О, какъ она мила, добра и умна.

9. 2 листъ, 1 стр. она въ самомъ дѣлѣ приняла это за оскорбленіе, какъ я и вижу послѣ этихъ словъ ея, которыя записаны въ 8 примѣчаніи. Вы требуете отъ меня, чтобы требовала отъ васъ доказательствъ любви —

10. . . . . если такъ, сказала она, прежде всего бросьте вашу папироску. Я загасилъ ее.

11. . . . . Неужели вы считаете, что я такъ глуха, что могу этому вѣрить? — Почему же? Тогда, конечно, я шутилъ, когда увѣрялъ васъ въ моей пламенной любви, но теперь я не говорю ничего такого.

12. . . . . Она, кажется, принимала это и въ этотъ разъ за слухи о томъ, что она держитъ себя слишкомъ свободно, потому что и раньше ужъ говорила нѣсколько разъ на мои подобныя выраженія, что я люблю ее за то, что слышала о ней — отвѣчала на это, что она знаетъ, что о ней говорятъ очень много дурнаго.

Теперь прочиталъ 1 страницу 2 листа. Ложусь.

Это программа для описанія моихъ побужденій принять ея руку. Смотри въ дневникъ о ней съ 29 листа (и обрат. 28) то, что она будетъ управлять мною, такъ какъ и должно быть всегда со мною.

Побужденія:

1. Красота.
2. Характеръ, живость, инициатива, бойкость, рѣшительность.
- 2*b*. Завлекательность обращенія вслѣдствіе этого.
3. Доброта и рѣшительное отсутствіе капризовъ.
4. Умъ.
5. Прямота.
6. Чрезвычайное благородство.
7. Постоянная граціозность; какъ слѣдствіе всего этого — отсутствіе пошлости.

Вещи въ другомъ родѣ:

1. Тяжелое положеніе.
2. Довѣріе ко мнѣ, значитъ понимаетъ меня. Какъ она говорила со мною; всегда выслушивала отъ меня, не раздражаясь, понимая, что я говорю не какъ человѣкъ, который ломается, видя, что онъ нуженъ, а просто, какъ честный человѣкъ, который хочетъ выставить себя въ настоящемъ видѣ, чтобы не обманулись, выбирая его.
3. Искала моей помощи — безчестно отказать отъ того, чтобы помочь.
4. Желаніе имѣть одну любовь въ жизни и чувство, что тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ и что поэтому мое сердце, если бы сталъ ожидать, уже не будетъ предано ей рѣшительно непринадлежащимъ никогда другой.
5. Вслѣдствіе всего этого убѣжденіе, что я съ ней буду счастливъ.
6. Главное — ея мысль, что я такой человѣкъ, какой нуженъ для ея счастья. Боже мой! Сколько причинъ, а набираются еще!
- 3*b*. Убѣжденіе въ томъ, что отказавшись я буду мучиться. А — сознаниемъ своего безсилія рѣшиться на что нибудь; В — сознаниемъ, что поступилъ съ нею

не гуманно, по свински; С—что рѣшившись на это, наконецъ, стану дѣйствовать что-нибудь въ самомъ дѣлѣ, что исчезнетъ Гамлетское состояніе.

Зе. Убѣжденіе, что меня поймаетъ какая нибудь другая въ миллионъ разъ менѣе достойная любви, не могущая составить мое счастье; что если я буду выбирать, то попадусь въ просакъ.

Зд. Что потребность искать любви, т. е. волокитствовать, будетъ мнѣ сильно мѣшать въ моихъ дѣлахъ.

Зе. Если не женюсь теперь, когда женюсь? въ Петербургѣ едва-ли.

Зф. Моя жена должна быть не изъ Петербурга.

Я долженъ чѣмъ нибудь сдерживать себя на дорогѣ къ Искандеру.

Д Н Е В Н И К Ъ .

Мартъ, 1853.

Писано 4 марта, 8^{1/2} час. утра.

Жизнь моя съ 19 числа стала такъ богата ¹²⁹⁾, что я хочу, чтобы можно было всегда мнѣ припомнить день за днемъ событія, которыя всѣ смѣшаны вмѣстѣ . . . . . ¹³⁰⁾ мыслью о ней. Черезъ эту мысль о ней и они становятся для меня милы.

4 среда. Въ гимназію не пойду потому, что не совсѣмъ еще прошла охрип-лость и боюсь, что напряженіе голоса въ гимназіи увеличить ее. Утро все буду заниматься повѣркою своего словаря ¹³¹⁾ (теперь я поправляю пропущенныя и не-правильно отмѣченныя цифры, это нынѣ кончу). Вечеромъ долженъ къ Николаю Иван. чтобы быть у Стефани. Вчера былъ вечеромъ у Анны Никаноровны, кото-рая меня приняла по прежнему — не знаю, хитрость ли это, чтобы не высказать нашей новой дружбы Эдмонду и матери или—скорѣе — мое предыдущее посѣще-ніе не разрушило ея подозрѣній противъ меня. А утромъ отнесъ переплетать Коль-цова для О. С., которая имя велѣла выставить (О. В.) ¹³²⁾. Должно будетъ запла-тить вѣроятно 3 руб. сер. (а думалъ, что будетъ стоить не болѣе 2 руб.), готово будетъ въ субботу. Завтра думаю быть у Мал. ¹³³⁾, къ которому ѣздилъ было вчера, но не засталъ дома. Вечеромъ сидѣлъ Евгеній Алекс. до 10^{1/4} часовъ. 3 часа убито.

Утро все писалъ и разбиралъ листки. Къ 4 час. кончилъ разборъ листовъ совершенно и сталъ думать о диссертациі. Рѣшилъ прежде всего отдѣлать мѣста, написанныя не напыщеннымъ языкомъ отъ напыщеннаго и написалъ нѣсколько строкъ предисловія. Вечеромъ недоволенъ, потому что съ 7 до 10^{1/2} просидѣлъ у Млн. ¹³⁴⁾ . . . . , который послалъ записку съ просьбою помочь на экзаменѣ одному поляку, — какъ это меня взбѣсило! Видно не почелъ за нужное итти самъ! Не считаетъ меня достойнымъ личнаго посѣщенія! И моя жена будетъ имѣть та-кого мужа, который доставитъ ей положеніе въ обществѣ такое незавидное! Нѣтъ, это несносно! Припомнивъ сообразилъ, что это вовсе не отъ гордости, а потому, что я не просилъ его къ себѣ и потому, что я живу не одинъ, а съ семействомъ.

¹²⁹⁾ Это слово неразборчиво.

¹³⁰⁾ Одно слово неразборчиво.

¹³¹⁾ Словарь къ Ипатьевской лѣтописи (номѣщенъ въ настоящемъ томѣ).

¹³²⁾ Т. е. Ольга Васильева.

¹³³⁾ Фамилія неразборчива, вѣроятно—Мелантовича.

¹³⁴⁾ Фамилія неразборчива.

Но какъ же потерять $3\frac{1}{2}$ часа, когда минуты такъ дороги! Снова потеря времени. Въ гимназїи не былъ и завтра не буду. Принимаюсь за главный дневникъ, чтобы написать тамъ страницу. Нѣтъ, не хочу, чтобы не кончить описанїемъ сомнѣній. Завтра лучше окончу свои сомнѣнія и начну описывать свои впечатлѣнія. О. С! О. С! О. С! Нѣтъ, я люблю васъ, потому что во мнѣ въ самомъ дѣлѣ перемѣна. Я не теряю времени ни минуты безъ сожалѣнія. Дѣятельность, дѣятельность!

Я скоплю казну, сберегу казну.

6 пятница. Все утро (въ гимназїи не былъ) писалъ дневникъ. Послѣ обѣда былъ у Чеснокова; оттуда, какъ возвратился, написалъ Кобылинъ, чтобы играть въ карты съ Катер. Никол. Возвратился, ужъ былъ Николай Иван., котораго я вчера просилъ къ себѣ. Уѣхалъ сейчасъ въ 12 часовъ. Ложусь. Дневника о ней написалъ 5 страницъ.

Благословенна да будешь ты! Жду съ нетерпѣнїемъ воскресенія.

7, суббота. Какъ всталъ, сѣлъ писать (это написано въ 8 час. послѣ окончанія 1 стр. 36 листа ея дневника). Послѣ чаю поѣду къ Млн. ¹³⁵⁾ на минуту и Никол. Иван., послѣ въ ряды ¹³⁶⁾ купить для Стефани стаканъ, послѣ къ переплетчику посмотрѣть Кольцова. Въ 11 час. ходилъ къ переплетчику (Смирновъ противъ Полиціи) посмотрѣть, что дѣлается съ Кольцовымъ. Онъ его окончательно золотилъ. Золотой обрѣзъ вышелъ хорошо. И я пробылъ болѣе часу, чтобы все это кончилось подъ моимъ надзоромъ. При мнѣ отзолотилъ корешокъ и положилъ заглавіе. Все это вышло хорошо. Книга любви чистой, какъ моя любовь, безграничной, какъ моя любовь; книга, въ которой любовь — источникъ силы и дѣятельности, какъ моя любовь къ ней — да будетъ именно выраженїемъ моей любви (это писано въ 3 часа).

Послѣ обѣда писалъ и закончилъ свою диссертацию. Вечеромъ жду Николая Ивановича, чтобы ѣхать къ Стефани. У него просидѣлъ до сихъ поръ и довольно нескучно, но наконецъ, все-таки даже подобное общество теперь потеряло для меня свою прелесть. Стефани человѣкъ рѣшительно порядочный. Тамъ былъ Сорочинскій, тоже порядочный человѣкъ. Ложусь. Завтра увижусь съ ней.

8, воскресенье. Отправился къ Чесноковымъ съ Вас. Дим. и къ Ольгѣ Андр. Патрикѣевой, которая приглашала въ пятницу у Чесноковыхъ (споръ съ Маменькою изъ-за этого), хотѣлъ быть въ прошлое воскресенье, но не успѣлъ. Тамъ просидѣлъ около $\frac{1}{2}$ часа и былъ весьма доволенъ, что былъ, потому что тамъ буду видѣться съ О. С. Потомъ былъ у Малышева, который сказалъ, что мѣсто въ Кузнецкѣ будетъ дано и что нельзя отъ него отказать. Потомъ у Кобылиныхъ, къ которому теперь иду обѣдать, но раньше занесу книги къ О. С., потомъ къ нему, отъ него къ Аннѣ Никаноровнѣ.

У Кобылиныхъ скучалъ; когда время стало подходить къ 6 у меня билось сердце. У Анны Никаноровны сначала разговоръ никакъ не вязался. Потомъ снова я вовлекъ ее въ откровенность и она стала говорить о томъ, что въ ея жизни есть гнусная сторона — что она не была ни дочерью, ни супругою, ни матерью, я опровергалъ эти мысли въ извѣстномъ родѣ. Когда при эпизодѣ о положенїи женщины и о томъ, что должно быть не такъ и о томъ, какъ должно

¹³⁵⁾ Вѣроятно — къ Мелантовичу.

¹³⁶⁾ Т. е. въ Гостинный дворъ.

быть, она сказала: „Да будутъ-ли эти времена?“ — „Будутъ“, сказалъ я, и слезы выступили у меня отъ радостной мысли о томъ, что будетъ нѣкогда на землѣ, — да и теперь текутъ слезы, и о томъ, что все будетъ, когда насъ ужъ не будетъ, и когда послѣ этого она стала говорить о томъ, что вообще жила даромъ на землѣ, у меня снова показались слезы. „Нѣтъ, на другихъ вы имѣете больше вліянія, чѣмъ на меня, потому что я уже нѣсколько установился, когда узналъ васъ, и все-таки видѣлъ кое-что и наши темпераменты слишкомъ различны. Но если бы, наконецъ, и никто, кромѣ меня не зналъ васъ и тогда вы жили бы даромъ, потому что слѣды знакомства съ вами не изгладятся и во мнѣ, и я безпрестанно бралъ и съ чувствомъ истиннаго участія, симпатіи цаловаль ея руку. Когда мы прощались я сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, вы жили не даромъ, если бы и я одинъ зналъ васъ“.

Какое различіе — раньше этотъ разговоръ . . . . .¹³⁷⁾ теперь я сказалъ совершенно искренно. У меня были и насмѣшливыя фразы, но не ядовитыя, а теплая насмѣшка. Я былъ рѣшительно искрененъ, но мягокъ, тепелъ. И все это совершила ты, о моя милая! Да будешь ты благословенна! Съ завтра начинается диссертациа. О, если бы въ началѣ мая могъ я кочить ея!

Писано 10, въ 10 часовъ.

9 марта. Былъ въ гимназін. Съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, потому что въ . . . . .¹³⁸⁾ воротясь въ 3¼ отъ Кобылиныхъ думалъ о своей диссертации и о словахъ: „уѣзжайте въ апрѣлѣ, вернитесь въ іюль“, — рѣшился ѣхать въ концѣ апрѣля. Если къ 15 числу не будетъ готова диссертациа о Ипатьевской . . .¹³⁹⁾, въ 10 дней напишу что нибудь другое, напр. теперь думаю — о заслугахъ Гумбольдта въ теоріи сравнительнаго языкоизученія.

Вечеромъ общался быть у Николая Иван. Не желая терять еще вечера (онъ хотѣлъ быть у Анны Никан.), устроилъ такъ, чтобы быть въ этотъ же вечеръ. Былъ. Посидѣлъ до 11 часовъ почти. У меня была одна мысль — „я теряю время.“ Нынѣ началъ писать диссертацию. Можетъ быть и будетъ кончена къ 5 апрѣля, и тогда можно будетъ отдать переписывать. Въ концѣ апрѣля постараюсь уѣхать потому, чтобы скорѣе воротиться сюда.

Писано 11, въ 11 час. вечера.

10, вторникъ, занимался работою по диссертации — глава о согласованіи словъ; увидя ея трудность и многосложность рѣшился оставить до послѣ, а покуда отдѣлать главу о употребленіи словъ — этими двумя главами я ограничился; о . . . . .¹⁴⁰⁾ предложеній не хочу, потому что это нельзя по памятнику, писанному съ такимъ неискусствомъ, такимъ плохимъ языкомъ, какъ Ипатьевская лѣтопись. И вотъ 5 часовъ и я собираюсь. Боже мой, собираться началъ еще поутру . . . . .¹⁴¹⁾ и т. д. и — „уходите поскорѣе и до воскресенья меня не увидите.“ Боже мой, какъ мнѣ было грустно, грустно! Я даже заходилъ къ П. Я. Евтр., чтобы разсѣяться нѣсколько. Его не было дома. Даже пошелъ воротясь домой къ Млн., у котораго посидѣлъ съ полчаса (по дѣлу объ экзаменѣ юнкера Релишевскаго).

¹³⁷⁾ Нѣсколько словъ пропущено.

¹³⁸⁾ Одно слово неразборчиво.

¹³⁹⁾ Вѣроятно пропущено слово «лѣтописи».

¹⁴⁰⁾ Одно слово неразборчиво.

¹⁴¹⁾ Одно слово неразборчиво.

И было такъ грустно, что просидѣлъ бы гораздо болѣе, если бы не заставила меня уйти мысль: „Я не долженъ терять времени“. Грустно было мнѣ. Да и теперь не совсѣмъ хорошо.

11, среда, въ гимназіи не былъ, потому что еще не поправился голосъ. Весь день писалъ матеріалы для своей диссертациі. О управленіи словъ. Завтра „обстоятельства“. На первый случай я разбираю 24 стр. до княженія Ияслава, по нимъ составляю первую черновую и потомъ буду приписывать остальное. Работаю довольно прилежно. Вѣрно часовъ 8 въ сложности сидѣлъ. Что то будетъ въ воскресенье?

Не знаю какъ показаться передъ Анною Кирил. Что то будетъ въ воскресенье?

О, какъ она благородна, какъ добра!

Но некогда терять времени. Ложусь, чтобы завтра раньше приняться за работу. Начинаю работать съ удовольствіемъ, потому что долженъ работать, долженъ спѣшить для нея и потомъ вижу, можетъ быть будетъ что нибудь интересное для науки. Во всякомъ случаѣ теперь я вижу, что хорошо и понятно выйдетъ о двойственномъ числѣ. Начинаю пересматривать свой словарь, чтобы его переписка не задержала меня.

Сообразилъ, что печатаніе диссертациі не можетъ задержать: въ 3—4 мѣсяца, конечно, успѣютъ напечатать.

Милая моя! Если бы ты любила меня!

Четв. 12, всталъ въ 6¹/₂ и прямо за работу.

(Писано въ 9 час. передъ гимназією).

Послѣ какъ воротился отъ Кобылина, да и раньше, и вчера вечеромъ, тосковалъ страшно, такъ что не могъ приняться за работу послѣ какъ пришелъ отъ Кобылиныхъ. Письмо. Вслѣдствіе этого 6¹/₂—8 у нихъ, послѣ у Палимпсестова до 10¹/₂. (Говорили о различныхъ вещахъ, я былъ весьма разговорчивъ, сттого что мнѣ было легко на душѣ и для того, чтобы не дать завязаться продолжительному разговору о О. С., потому что я тутъ высказалъ бы (у Палимпсестова, потому что онъ зналъ, говоря, что будетъ Николай Ивановичъ).

13, пятница, утро работалъ, теперь въ гимназію. Потому что нужно пройти по программѣ; въ классѣ буду работать. Теперь мнѣ легко, потому что переговорилъ съ нею. Хотя не о всемъ, но во всякомъ случаѣ о томъ, что у меня въ письмѣ и увидалъ, что она вѣритъ мнѣ. Опишу свиданіе послѣ обѣда. Утромъ нынѣ работалъ. Вечеромъ буду снова.

Писано 14, суббота, 12 час., только что уѣхали Николай Ивановичъ и Евгений Александровичъ.

13, пятница, послѣ обѣда къ Карлину, который сказалъ мнѣ отъ Пескова, что больно ему нужно говорить со мною. Я хотѣлъ эти дни работать, но нечего дѣлать, въ самомъ дѣлѣ должно спѣшить. Поѣхалъ, его нѣтъ дома — несчастный, не смотря на свою болѣзнь, онъ отправился въ . . . .¹⁴²⁾ отъ Сѣнной площади къ Покрову продавать краски. Воротился къ Николаю Ивановичу, отъ котораго поѣхалъ къ нему, долженъ былъ дожидаться.

Не совершенно напрасно потратилъ время, потому что написалъ письмо къ

¹⁴²⁾ Одно слово неразборчиво.

брату¹⁴³⁾). Послѣ къ Карлину, къ сапожнику, наконецъ, къ Николаю Ивановичу. Переговорилъ о метрическомъ свидѣтельствѣ Карлина съ Прудентовымъ, — добрый человѣкъ — и съ какимъ восторгомъ разсказывалъ о томъ, какъ строилъ домъ. До умиленія, умиленія, которое пріятно трогаетъ слушателя. Послѣ этого поѣхалъ отъ Николая Ивановича, воротился домой въ 9^{1/2} часовъ — работать некогда. Но теперь я не жалѣлъ объ этомъ вечерѣ, потому что употребилъ его въ пользу ближняго.

14, суббота. Разговоръ съ Директоромъ, который, по его мнѣнію, поступилъ благородно, отказавшись доносить на меня въ Казань. Конечно, благородно съ его точки зрѣнія. Я хотя не раздѣлялъ ее, но былъ разстроганъ. Инспекторъ много смѣялся нашей дружбѣ. Я не былъ въ состояніи вести себя такъ раньше, когда не былъ увѣренъ въ своей силѣ, какъ и въ томъ, что я не трусь и не малодушенъ. Но теперь я былъ спокоенъ и мягокъ и *просилъ* его, а не требовалъ, чего раньше не могъ сдѣлать. Еще я доволенъ собою въ отношеніи этого: не уступилъ и не струсилъ, но былъ чрезвычайно мягокъ и даже нѣженъ. Послѣ, какъ пришелъ изъ класса, я усталъ. Пошелъ къ Чеснокову, потому что Вас. Дим. заходилъ вчера и узналъ, что онъ приходилъ, чтобы звать къ себѣ, потому что у нихъ будетъ Катер. Матв. Я пожалѣлъ нѣсколько, потому что славная дѣвушка и мнѣ было бы пріятно поговорить съ нею вовсе не любезничая — теперь я пересталъ любезничать съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ ея, кромѣ ея.

Пришедши сталъ пересматривать свой дневникъ за Петербургскую жизнь и нашелъ мѣста о вечерѣ у хозяекъ Ивана Вас. . . . .¹⁴⁴⁾. Это мѣсто таково, что я захотѣлъ прочесть его Ольгѣ С. и прочесть завтра, если будетъ можно. А теперешній дневникъ кончить ужъ послѣ. Сталъ работать. Пріѣхалъ Ник. Ив., послалъ за Евг. Ал. и они просидѣли съ 7^{1/2} до 12. Итакъ и нынѣ я почти не работалъ. Ничего, работа довольно скорая.

Завтра, воскресенье, я долженъ быть у Карлина, можетъ быть у Инспектора, у Акимовыхъ (О. С. сказала, что не ловко не быть, потому что какъ будто бывалъ раньше только для нея), у Город., если достанетъ времени; раньше хотѣлъ къ Директору, чтобы высказать ему, что я оцѣниваю его поступки со мною, но теперь не буду, потому что не достанетъ времени. Это можно будетъ высказать и предъ отъѣздомъ и будетъ гораздо лучше. Вечеромъ буду у нея. О, моя милая невѣста! Ты сдѣлала меня счастливымъ, ты дала мнѣ миръ съ самимъ собою, ты дала мнѣ счастье; теперь ты дашь мнѣ надежду на счастье во всю нашу жизнь.

Да будешь ты счастлива.

Но перечитаю нѣсколько дневникъ о ней для дополненій.

Писано 17, во вторникъ, въ 8^{1/2} веч.

15, воскресенье, былъ до обѣдни у Карлина, послѣ у Город., которому долженъ былъ заплатить визитъ, послѣ у Акимовыхъ, потому что ей такъ кажется нужнымъ. Любезничалъ, т. е. шалилъ съ Вороновой. Пав. Вас. принялъ меня радушно и спросилъ, наконецъ, правда ли, что я женюсь на О. С. — „О. С. прекрасная дѣвушка, но я черезъ 1^{1/2} мѣсяца уѣзжаю, тотчасъ послѣ Пасхи и когда я пріѣду въ Петербургъ, у меня останется всего 20 р. сер., — тутъ нельзя же-

¹⁴³⁾ Т. е. къ Александру Николаевичу Пыпину.

¹⁴⁴⁾ Фамилія перазборчива.

ниться". Вечеромъ былъ у нея. Какъ мнѣ было прискорбно, что она не хотѣла, чтобы я былъ поутру поздравить ее. Вечеръ у нея описанъ въ дневникѣ о ней.

16, понедѣльникъ, какъ пообедалъ былъ у Колесн., послѣ къ ней, отвезъ два первыхъ номера Современника, которые взялъ у Колесн. Отъ нея заѣхалъ къ Чеснокову, гдѣ засталъ Шапошникова, который смѣялся, что я укралъ изъ гимназической библіотеки Кольцова. Вечеромъ Вас. Дм. былъ у меня. Я его приглашала, чтобы поговорить о О. С., но скоро (при моей помощи—такъ я привыкъ лицемѣрить и вести разговоръ вовсе не о томъ, что мнѣ хотѣлось бы, а говорить о чемъ хочется только какъ бы потому, что другіе сами говорятъ объ этомъ) разговоръ перешелъ къ политическимъ вопросамъ и продолжался такъ до самаго конца, когда онъ сталъ вставать. Я удерживалъ его — поговоримте о О. С.,—но онъ сказалъ „теперь я занять не тѣмъ“—въ самомъ дѣлѣ славный человѣкъ и искренно преданъ высокимъ мыслямъ объ общественныхъ дѣлахъ.

17, вторникъ, утромъ написалъ письмо къ Введенскому, которое вечеромъ отнесъ Сережа вмѣстѣ съ письмомъ къ Сашѣ, написаннымъ у Николая Иван. Когда пошелъ къ Кобылинымъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Анжелику Алексѣевну, которая сказала, чтобы я обѣдалъ у нихъ. Такъ пришелъ домой въ 6 час., жаль было терять время. Идя туда занесъ книгу, которую нужно было купить, Василию Дм., въ Казенную Палату; сказалъ ему, что въ четвертъ буду у Сокр. Евг. Онъ сказалъ, что онъ любитъ шуточный разговоръ и что я долженъ шутить, онъ будетъ хохотать и будетъ доволенъ мною. Послѣ баня. Послѣ бани сѣлъ за дневникъ о ней, тотчасъ послѣ пишу это. Теперь принимаюсь за работу. Окончилъ выписки, теперь долженъ буду писать и дополнить ихъ. Послѣ разбирать и составлять. Къ воскресенью эти варварскія работы будутъ кончены. Посмотрю еще до того времени нѣсколько своего словаря, который скоро долженъ буду отдать снова переписывать. Завтра нигдѣ не буду, если не будетъ крайней надобности. Послѣ завтра буду у Сокр. Евг., т.-е. увижусь съ ней.

18, среда . . . . .¹⁴⁵⁾ час. вech., послѣ какъ писалъ въ дневникѣ о ней. Изъ гимназіи пришедши усталъ. Какъ отдохнулъ къ Чеснокову. Тамъ Вас. Дим. говорилъ мнѣ, что будетъ просить ее быть завтра у нихъ, потому что имениница бабушка Дарья Гавриловна. Это меня оживило. Можетъ быть и будетъ—едва ли впрочемъ. Но я хочу надѣяться. Какъ пришелъ оттуда, отправился снова къ нему, чтобы итти вмѣстѣ къ Евг. Ал., который присылалъ за мною, у котораго былъ Николай Иван. и Максимовъ. Тамъ просидѣлъ до X. Работалъ весьма мало, потому что безпокойство нѣкоторое отъ моей любви и оттого, что Богъ знаетъ, увижу ли завтра ее, какъ думалъ. Впрочемъ началъ разрѣзывать и завтра начну писать. Если бы завтра увидѣть ее. Я рѣшительно влюбленъ, мало того, что люблю Мнѣ совѣстно за себя. Ну какъ же такому серьезному человѣку, какъ я, быть влюбленнымъ—воля ваша, Ольга Сокр., вы довели меня до глупаго состоянія. Какъ можно съ нетерпѣніемъ дожидаться.— „Когда я увижу ее!“ Какъ можно волноваться отъ мысли.— „А если моя надежда увидѣть ее не сбудется?“ Но—влюбленъ, такъ влюбленъ, отъ этого я счастливъ, отъ этого я тверже, рѣшительнѣе люблю васъ, Ольга Сократовна, люблю васъ. Любовь моя.

¹⁴⁵⁾ Бумага въ дневникѣ въ этомъ мѣстѣ протерта.

рѣшительно, рѣшительно оправдывается, рѣшительно оправдывается разсудкомъ, но сильна до неразумительности.

Писано въ пятницу 20 марта, послѣ какъ писалъ въ дневникъ о ней.

Четвергъ 19. И вотъ я собрался видѣться съ ней и какое безутѣшное было свиданіе! Какъ грустна была она! Болѣе ничего не хочу писать.

О, какая скорбь поразила ее!

Пятница 20 марта. Какъ собирался идти къ Сокр. Евг. Маменька ужасно кашляла, поэтому я не успѣвши застать Сокр. Евг. пошелъ къ Шапошн. спросить у А. Ив. березовки. Я былъ разстроены такъ, что это замѣтилъ и Сергѣй Гавр. и Серафима Гавриловна. Я былъ разстроены и озлобленъ. Наконецъ, я не выдержалъ и сказалъ, когда меня спрашивали все, о чемъ я задумался— „я думаю о дѣвицѣ, и если угодно, скажу, что я думаю, а потомъ, если угодно, скажу, о комъ я думаю. Я думаю вотъ что: нѣкоторые находятъ, что эта дѣвица недурна. Я нахожу, что это неправда. Многимъ, кажется, что она хорошо себя держитъ. Я знаю, что она кокетка. Многимъ, кажется, что мнѣ было пріятно говорить съ ней, что я даже имѣлъ какія то намѣренія относительно ея. Я говорю, что это неправда, что мнѣ всегда была она противна. Вотъ что я думаю о ней. Теперь, если угодно, я скажу ея имя. Я начну поодиначкѣ и поочередно и скажу Конст. Петровичу (онъ сидѣлъ подлѣ меня, мы играли въ вистъ). Я всталъ нагнулся и сказалъ ему на ухо: „это Серафима Гавриловна“. „Теперь,—сказалъ я вслухъ,— вамъ предоставляется Конст. Петровичъ рѣшеніе, можно ли передать это другимъ“. „О, какъ вы злы, какъ вы никого не щадите—не говорите съ нимъ, пожалуйста. Я такимъ злымъ никогда его не видѣлъ“. Серафима Гаврил. все упрасивала его, чтобы онъ сказалъ—глупая, гадкая! Она думала, что это я говорю о О. С., да мнѣ и весело вводить ее въ это обольщеніе, хотя потому, что говорилось раньше (что Конст. Петровичу пріятно играть вмѣстѣ съ Сер. Гавр. и потому что я послѣ говорилъ, чтобы онъ не увлекался, какъ, кажется увлекается онъ этою дѣвицею, о которой я говорилъ, и вообще по ходу предыдущаго и слѣдующаго разговора было весьма ясно, что я говорю о Серафимѣ Гавр.—глупая скверная дѣвчонка! Мнѣ опасно подвергаться подъ руку. Я не хочу ударить тебя, какъ могъ бы и какъ хотѣлось бы мнѣ ударить тебя—но я насколько мнѣ вздумается не пощажу). Потомъ, я черезъ нѣсколько времени засмѣялся. „Что вы смѣетесь?“ сказала Сераф. Гавр. „Я смѣюсь нѣкоторымъ предположеніямъ, которыя имѣли о моихъ намѣреніяхъ и можетъ быть имѣютъ до сихъ поръ. Когда меня на дняхъ спрашивали, справедливы ли эти предположенія, я сказалъ, что они оскорбительны для меня (я говорилъ это Воронову, когда мы ѣхали съ нимъ и съ Вас. Дмитр. 15 марта отъ Васильевыхъ; говорилъ Катеринѣ Матв., когда былъ у нихъ въ первый разъ; писалъ это брату и показывалъ это письмо Василию Дмитр.), что я обижаюсь ими и что мнѣ совѣстно за тѣхъ, которые ихъ считаютъ сколько нибудь вѣроятными“. Она вѣрно поняла снова о О. С.— „Вы говорите слишкомъ ясно“, сказалъ Конст. Петр., когда мы пошли вмѣстѣ.— „Она не поняла“, сказалъ я. Это скверная дѣвка.

Серафима Гавр.,—когда стали говорить о Аниѣ Кирил., о чемъ я говорилъ ей, сказалъ—о Венедиктѣ, что ему должно ѣхать въ Университетъ—вклеила такъ: „Какъ теперь ему ѣхать, онъ еще молодъ, онъ двумя годами моложе Ольги Сократовны, впрочемъ, это ужъ не значитъ, чтобы онъ былъ молодъ“: Мнѣ хо-

тѣлось сказать, что это правда, потому что это потѣшало меня — какъ будто я не не знаю ея лѣтъ и какъ будто я думаю, что ей 16 лѣтъ.

Глупая дѣвчонка! Ты думаешь еще, что это я говорилъ о ней, а не о тебѣ.

Глупая дѣвчонка! Гадкая, злая, мерзкая дѣвчонка.

Суббота, 21 марта, 11 ч. вечера.

Утро пробылъ въ гимназіи, между классами сходилъ (лѣнность нѣсколько дней назадъ пропала) къ Еленѣ Вас. Акимовой поздравить съ причащеніемъ, потому что хочу подольститься къ ней, чтобы не мѣшала намъ и не озлилась на меня. Изъ класса къ Чеснокову и Бѣлову, послѣ ко всеношной, гдѣ думалъ имѣть возможность переговорить съ ней, но кругомъ стояли гимназисты, главное Вороновъ, поэтому я тотчасъ ушелъ къ Палимпсестову, гдѣ засталъ Пригоровскаго. Меня весьма радовалъ разговоръ съ Сераф. Гавр. и я рассказалъ его Фодору Дмитр. и Палимпсестову. Завтра буду у нихъ, чтобы просить Сократа Евг. къ Маменькѣ, которой здоровье весьма расхилилось.

Завтра увижу ее непременно. Если не удастся, буду у нихъ въ понедѣльникъ. Въ церкви она стояла у печки въ маленькой комнатѣ, въ которой дверь направо отъ входа въ переднюю. О, моя милая, какъ я люблю тебя!

Палимпсестовъ показывалъ два списка дѣвицъ съ выставленіемъ баллами ихъ достоинства. Одинъ былъ составленъ по алфавитному порядку и О. С. стояла первая подъ В и противъ нея поставлено 5. Въ другомъ списокѣ, который былъ составленъ въ алфавитномъ порядкѣ, она стояла самая первая и снова противъ нея 5, а въ списокѣ по алфавитному порядку, изъ 200 дѣвицъ всего противъ четырехъ стоитъ 5; не болѣе и въ другомъ списокѣ. Она рѣшительно первая по общему мнѣнію. Это меня обрадовало за нее. Я горжусь ею. О моя милая, да будешь ты счастлива. Но я теперь въ горести, потому что ты горюешь. И я до сихъ поръ не имѣлъ возможности облегчить твою грусть! Я похудѣлъ отъ тоски черезъ нее. Это мнѣ всѣ замѣчаютъ — и нынѣ въ гимназіи и Палимпсестовъ тоже.

О моя милая! Какъ чиста моя любовь къ тебѣ!

Я не могъ работать отъ тоски. Но эта тоска сладка, потому что я тоскую твоею тоскою, мой милый (какъ мнѣ хочется употребить слово ангелъ, но не буду употреблять его, потому что не хочу осквернять ее этимъ пошлымъ названіемъ), о, мой чистый, мой нѣжный, благородный другъ!

Писано 27 марта.

Не хотѣлъ ничего писать раньше объясненія ея гнѣва на меня въ воскресенье у Акимовыхъ. Послѣ было рѣшительно все время занято и только теперь по окончаніи вписыванія своихъ чувствъ въ дневникъ о ней, принимаюсь за этотъ дневникъ.

22 воскресенье. Утромъ былъ у Патрикѣевыхъ, не засталъ тамъ ни ее, ни Катер. Матв. Поэтому пошелъ къ Малыш., котораго не засталъ дома, и послѣ къ Кобылину, у котораго и обѣдалъ. Вечеромъ прямо отъ Кобыл. къ Акимовымъ.

23, 24, утро 25, былъ ужасно разстроены, не былъ у нея и не писалъ ей, чтобы болѣе не оскорбить ее.

23 поэтому не былъ и въ гимназіи. Ходилъ къ Николаю Иван. Послѣ обѣдалъ у Кобылиныхъ. Вечеромъ былъ такъ разстроены, что не хотѣлъ итти даже къ Евгению Алекс., чтобы нѣсколько уйти отъ себя. Но пришелъ онъ и просидѣлъ

до XI. Всѣ эти ночи воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ не спалъ до двухъ или трехъ часовъ, потому что слишкомъ мучился.

24, вторникъ, утро работалъ, послѣ Кобылина снова работалъ, въ 6 часовъ къ Евгению Алекс. и съ нимъ и Максимовымъ къ Василию Дим. у котораго до X. Максимовъ говорилъ нѣсколько о ней.

25, утромъ въ церкви. Послѣ у Кобылиныхъ, къ Патрикѣвымъ не хотѣлъ зайти, чтобы не замѣтили слишкомъ, что я только для нея. Обѣдалъ у Кобылина, послѣ у Патрикѣвыхъ, гдѣ довольно много говорилъ съ Лидіей Ивановной — славная дѣвушка! Послѣ Патрикѣвыхъ Василій Дим. зашелъ ко мнѣ — тутъ, когда я просилъ его зайти ко мнѣ, онъ сказалъ: „Я привязанъ къ вамъ, Николай Гавриловичъ, какъ собака“. Сначала говорилъ о мнѣ и ей, послѣ онъ сталъ говорить о себѣ. Мнѣ было совѣтно не войти въ его положеніе послѣ такой привязанности и говорилъ о томъ, что ему слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ. Просидѣлъ до XII.

26, четвергъ, въ гимназіи не былъ. Вечеромъ у нея. Сократъ Евг. говорилъ умнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Онъ умный человѣкъ.

27, пятница. Былъ въ гимназіи. Ничего особеннаго не было тамъ. Вечеромъ у Николая Ивановича.

Да, въ четвергъ былъ имянинникъ Шапошниковъ—отецъ. Я долго сидѣлъ у нихъ и дочь сидѣла и говорила со мною съ удовольствіемъ — глупенькая, неужели сна до сихъ поръ не поняла смысла моихъ словъ. Я не прощаю ей это: „Венедиктъ двумя годами моложе Ольги Сократовны, впрочемъ ужъ онъ не такъ молодъ“. У Николая Иван. (пятница, нынѣ) наконецъ, предложилъ ему Рычкову и завтра поговорю объ этомъ съ О. С.

Милый мой другъ, милый мой другъ!

28, суббота. Писано въ перемѣну въ X час. (до этого времени все писалъ дневникъ о ней). Когда сталъ одѣваться принесли отъ Николая Иван. записку, чтобы не говорилъ о немъ у Васильевыхъ—тогда сѣлъ писать отвѣтъ, что не должно обращать вниманія на толки матери и по нѣмецки написалъ, что я напр. нынѣ говорю съ отцомъ моей невѣсты — можетъ быть мнѣ вздумаютъ мѣшать, тогда я скажу, что лишу себя жизни и послѣ не позволю ни одного слова, ни одного намека на отношенія между мною и женою. Теперь онъ можетъ понять, кто моя невѣста, оттого, что я сказалъ ему, что завтра буду у Васильевыхъ. Но что же дѣлать? Скажу ей, впрочемъ, объ этомъ.

Писано 30 марта, вторникъ, въ 5 час. утра.

Какъ одѣлся послѣ обѣда къ О. С.; отъ нихъ въ 9 час. къ Евгению Алекс., гдѣ не засталъ все-таки Николая Ивановича.

Воскресенье 29, былъ у поздней обѣдни, послѣ все дождался, когда можно переговорить съ Паленькою; потомъ къ Губернатору. Оттуда къ Млнт. . . ., чтобы дать время нѣсколько пройти шуму въ головѣ, потому что я слишкомъ много пилъ ¹⁴⁰⁾ и нѣсколько шумѣло; потомъ полежалъ для этого же нѣсколько

¹⁴⁰⁾ На обѣдѣ у губернатора. Это „слишкомъ много“ составляло вѣроятно рюмки двѣ портвейну и бокаль—другой шампанскаго, отъ которыхъ отецъ считалъ невозможнымъ отказываться, чтобы не обидѣть хозяина. Вообще же отецъ никогда не употреблялъ спиртныхъ напитковъ.

времени наверху и, наконецъ, разговоръ съ Маменькою. Я готовъ былъ на самоубійство. И, вѣроятно, рѣшился бы.

30, понедѣльникъ, изъ гимназiи поѣхалъ отъ Кобылиныхъ въ 3¹/₂ ч., послѣ обѣда тотчасъ одѣваюсь; разговоръ съ Маменькою. Наконецъ, въ 6¹/₄ час. у нихъ послѣ снова разговоръ, но уже въ мирномъ духѣ съ Маменькою и Паленькою. Легъ въ 10 час. „Надо достать денегъ“, эта мысль не давала мнѣ покоя и она разбудила меня въ 4 часа. Теперь все думаю объ этомъ. Прежде всего къ Ник. Иван., если не дастъ—что дѣлать? Посоветуюсь съ кѣмънибудь—можетъ быть съ Вас. Дим.—послѣ переговорю даже съ своими о деньгахъ. Мнѣ нужно 1000 руб. сер. Вѣрно, когда онъ . . . .¹⁴⁷⁾ заплатитъ этотъ долгъ. Но это все равно. Гдѣ бы то ни было, достану денегъ. Наконецъ, если ничего не удастся, обращусь къ Сокр. Евген. Принимаюсь за работу.

Писано 1 апрѣля, среда, послѣ гимназiи.

31, вторникъ, утромъ былъ у Николая Иван. Только вошелъ я, какъ прiѣхалъ Фрейманъ просить денегъ. Николай Иван. не далъ ему и сказалъ, когда онъ уѣхалъ, что не дастъ безъ залога. Потомъ, я сказалъ ему о томъ, что сдѣлалъ вчера предложенiе. Онъ спросилъ меня о деньгахъ, но не предложилъ своихъ, поэтому я и не сталъ ему говорить; не стану говорить и со своими, потому что не хочу одолжаться кѣмъ бы то ни было и потому что кажется они немного на меня дуются, а скажу ей, что если она не усомнится расходовать свои деньги на переѣздъ, обзаведенiе и первое время жизни, то такъ, если ибѣтъ—мой надежды на Костомарова разрушились, но, если угодно, я постараюсь достать въ другомъ мѣстѣ.

Писано 3 апрѣля въ 6 час. утра, пятница.

Въ среду я пошелъ къ Губернатору, чтобы доставить удовольствiе Маменькѣ, воротился оттуда—записка отъ Тищенки, у Васильевыхъ была Катер. Матв. и просила послать за мною. Но главное, Анна Кирилловна меня ждала и поручила сказать это Венедикту въ классѣ, тотъ по обыкновенiю не сказалъ. Я пошелъ къ Губернатору почти въ 8 час. Маменька была недовольна, зачѣмъ ты окольными путями—какими окольными путями?—Снова разговоръ, снова неприятели. Наконецъ, у нихъ. Анна Кирил. дала мнѣ свое „будущемъ сыну“ и велѣла написать о супружеской жизни. Я пошелъ къ стоянiю¹⁴⁸⁾, чтобы угодить Маменькѣ, но мнѣ хотѣлось прочитать поскорѣе, что она пишетъ и поэтому я ушелъ изъ церкви и сталъ читать подъ лампою на губернаторскомъ подѣздѣ; воротился домой, сказалъ, что это посылала Анна Кирилловна и посылала сына, а тотъ послалъ Тищенку. Маменька успокоилась.

2 апрѣля, четвергъ, утромъ былъ у Кобылина, послѣ въ гимназiи (Палимпсестовъ былъ наканунѣ совѣтоваться о поѣздкѣ въ университетъ, я ему отнесъ программу), въ 4¹/₂ къ Аннѣ Кирил. Тамъ былъ Вас. Дим., разговоръ съ О. С. не вязался при другихъ; я ей далъ впрочемъ прочитать свой отвѣтъ Аннѣ Кирил. и отдалъ ей „будущему сыну“. Анна Кирил., кажется, въ ужасной радости, что избавляется отъ О. С. Во всякомъ случаѣ со мною чрезвычайно мила. Сократъ Евг. весьма просто, почти холодно, но онъ мнѣ нравится; вотъ наконецъ намъ объявили, что мы женихъ и невѣста.

¹⁴⁷⁾ Два слова неразборчивы.

¹⁴⁸⁾ Вѣроятно въ церковь.

Воротился домой въ 9 час. Прошу Папеньку завтра поѣхать, сначала не согласился, потому что все недоволенъ — ему кажется неблагоразумно, я ему говорю о своихъ расчетахъ, хвалю себя и т. д. Наконецъ, согласился ѣхать завтра, т. е. нынѣ поутру. По его мнѣнію должно сказать Ѳедору Степан. „А. Ив.“ — А. Ив. и такъ узнаеть. — Ольгѣ Сокр. хотѣлось пріѣхать вечеромъ къ Маменькѣ. Съ Папенькою у меня были довольно искреннія объясненія.

Теперь отправляюсь за кольцами, потомъ къ нимъ, къ Ѳед. Степ., послѣ до-мой, вмѣстѣ со своими снова къ нимъ; въ гимназіи не былъ. Завтра скажу Директору о разрѣшеніи. У Сократа Евг. обѣдаю. Можетъ быть и Папенька обѣдаеть. Кажется, и Папенька и Маменька перестали почти быть недовольными, особенно Папенька кажется теперь успокоился. Все идетъ хорошо, и я умѣю уговорить людей, потому что и Папенька и даже Маменька собираются дѣлать по моему. Папенька доволенъ.

Писано 4 апрѣля, въ XII час. утра между классами.

Былъ у Ѳед. Степ. Потомъ съ Папенькою къ нимъ. Потомъ Папенька за Маменькою, чтобы воротиться къ XII часамъ. Я остался, они долго не пріѣзжали. Я предчувствовалъ это и предчувствовалъ, что едѣлалъ глупость, что не поѣхалъ съ Папенькою. Наконецъ, О. С. послала меня за ними, но я встрѣтилъ ихъ на дорогѣ. Маменька послѣ обѣдни вздумала пить чай — какъ это не хорошо! Ольгѣ Сокр. ужасно тяжело показалось ожиданіе — наконецъ, когда я воротился съ ними домой, у меня сидѣлъ Палимпсестовъ, который дожидался меня. Съ нимъ я посидѣлъ съ часъ, между прочимъ, чтобы дать время пройти головѣ, въ которой шумѣло. потому что я выпилъ 3 рюмки хересу и 3 бокала шампанскаго. Снова къ нимъ. Вечеромъ Маменька была со мною ласкова и, кажется, довольна мною. Папенька сказалъ, что рѣзва. Должно быть не совѣмъ нравится. Но Маменька по обыкновенію хитритъ.

Я спрошу Ольгу Сокр., хочеть ли она быть у нихъ, и просить ли Маменьку снова къ нимъ ѣхать.

4 апрѣля, утромъ былъ у Директора; право разрѣшенія у него, это хорошо. Двѣ недѣли можно не ходить, это хорошо. Нѣсколько успѣю поработать въ это время и буду бывать только въ 7 классѣ. Потомъ къ Чеснокову, которому сказалъ это. Вечеромъ у нихъ.

Писано 5 апрѣля въ среду, въ XI час.

Маменька больна и я все сидѣлъ въ ея комнатѣ и только, когда уснула крѣпко, ушелъ на минутку.

Въ субботу вечеромъ просидѣлъ у нихъ, былъ таки въ 7 классѣ.

5, воскресенье. Снова у нихъ весь день. Былъ у Палимпсестова въ 6 часовъ, пока О. С. ѣздила въ ряды.

6, поведѣльникъ, въ гимназіи быть некогда, потому что долженъ былъ заказывать шкатулку. По этому случаю былъ у Паля снова. Паль не беретса. Вамганцъ¹⁴⁹⁾ взялся и далъ чинароваго дерева на пробу. Пусть будетъ чинаровая, мнѣ пришло въ память „у Чернаго моря чинара стоитъ молодая“, такъ роскошна ты, моя милая.

¹⁴⁹⁾ Фамилія мастера неразборчива.

Взяли съ Папенькою на фракъ, отдамъ Мейендорфу. Былъ у Кобылина, Анжелика Алексѣевна очень рада и хвалить ее.

7, вторникъ. Снова у Вамганца. У Кобылина обѣдалъ, потому что ее не было дома въ это время. Она говѣеть и отъ вечерни въ ряды. Вечеромъ страшно больна Маменька, просидѣлъ у нея до часу, когда она успокоилась. Въ 6 час. снова разбудила меня.

8, среда. До этого времени просидѣлъ у Маменьки въ комнатѣ; во время обѣда, можетъ быть, удастся побывать у нея. Нужно еще кунить погребокъ и конфетъ для Рычковыхъ. Иду къ Маменькѣ, если не проснулась, запишу вчерашній день въ ея дневникъ¹⁵⁰).

¹⁵⁰ На этомъ днѣ (8 апрѣля) дневникъ обрывается. Вѣроятно дальнѣйшему веденію его помѣшала серьезная болѣзнь бабушки Евгеніи Егоровны (умерла 19 апрѣля 1853 г.), хлопоты со свадьбою (29 апрѣля 1853 г.) и скорый вслѣдъ за тѣмъ (въ первыхъ числахъ мая) отъѣздъ въ Петербургъ.